

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
(Свидетельство о регистрации **ПИ № ФС 77-21093** от 19 мая 2005 г.)

*Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук
(ред. от 19.02.2010 г.).*

2017

Ежеквартальное издание

№ 1

Основан в 2001 г.

Проблемным советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

Редакционная коллегия

доктор исторических наук, профессор **В. С. Меметов** (*главный редактор*)
доктор политических наук, профессор **Ю. М. Воронов**
доктор философских наук, профессор **Г. С. Смирнов**
доктор исторических наук, профессор **С. М. Усманов**
(*заместитель главного редактора*)
доктор исторических наук, доцент **Д. А. Смирнов**
кандидат исторических наук **А. К. Калинин**
кандидат исторических наук, доцент **В. В. Комиссаров**
кандидат исторических наук, доцент **Н. Г. Юркин**
(*ответственный секретарь*)

*Издается НИИ интеллигентоведения
при Ивановском государственном университете*

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.
Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

*Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com*

INTELLIGENTSIA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

Registered by Federal Service for Control of Observation of the Law
on Mass Communication and for the Preservation of Cultural Heritage
(Registration License **ИИ № ФС 77-21093** on 19.05.2005)

*The journal is peer-reviewed and recommended by the Supreme Attestation Commission
of the Russian Federation to publish main results of Doctors
and Candidates of Sciences dissertations (issued on 19.02.2010)*

2017

Quarterly

№ 1

**Founded in 2001 by the Council «Intelligentsia. Culture. Power»
of the Russian Federation**

Founded by Ivanovo State University

Editor-in-Chief Prof. **Valery S. Memetov**, Dr. of History

Editorial Board

Prof. **Yury Voronov**, Dr. of Politics

Prof. **Grigory Smirnov**, Dr. of Philosophy

Prof. **Sergey Usmanov**, Dr. of History (*Deputy Editor-in-Chief*)

Assoc. Prof. **Dmitriy Smirnov**, Dr. of History

Alexander Kalinin, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Vladimir Komissarov**, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Nikolay Yurkin**, Cand. of Sc. (History) (*Secretary of the Board*)

*Edited by the Research Institute on Intelligentsia Studies
at Ivanovo State University*

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.
No reprints without the Editorial Board permission allowed.

*The e-copy of the issue can be accessed at
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com*

Subscription index
in the «Press of RF» catalogue
41533

© Research Institute on Intelligentsia Studies
at Ivanovo State University, 2017
© Ivanovo State University, 2017

Редакционный совет

- В. С. Меметов** Ивановский государственный университет
(*председатель Редакционного совета*)
- А. И. Аврус** Саратовский государственный университет
- Ю. М. Воронов** Ивановский государственный политехнический университет
- А. А. Данилов** Институт Всеобщей истории РАН
- О. В. Золотарёв** Сыктывкарский государственный университет
им. Питирима Сорокина
- Г. Н. Кныш** Днепропетровский национальный университет (Украина)
- И. В. Кондаков** Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
- Г. В. Корзенко** Институт истории Национальной Академии наук
Беларуси (Минск)
- Г. Н. Кочешков** Ярославский государственный педагогический университет
- И. В. Купцова** Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
- Д. А. Макеев** Владимирский государственный университет
- В. А. Мансуров** Институт социологии РАН (Москва)
- И. И. Осинский** Бурятский государственный университет (Улан-Удэ)
- С. Н. Полторацк** Санкт-Петербургский государственный университет
телекоммуникаций
- Д. И. Польшвинный** Ивановский государственный университет
- В. А. Порозов** Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
- Е. М. Раскатова** Ивановский государственный химико-технологический университет
- А. В. Репников** Российский государственный архив социально-политической истории (Москва)
- В. Г. Рыженко** Омский государственный университет
- И. В. Сибиряков** Южно-Уральский государственный университет
(Челябинск)
- Ф. Х. Соколова** Северный (Арктический) федеральный университет
им. М. В. Ломоносова (Архангельск)
- А. А. Соловьёв** Костромской государственный технологический университет
- В. Л. Соскин** Новосибирский государственный университет

Editorial board

- V. S. Memetov** Ivanovo State University
(*Chairman of the Editorial Board*)
- A. I. Avrus** Saratov State University
- Y. M. Voronov** Ivanovo State Polytechnical University
- A. A. Danilov** Institute of General History of the Russian Academy
of Sciences
- O. V. Zolotaryov** Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin
- G. N. Knysh** Dnepropetrovsky State University (Ukraine)
- G. N. Kocheshkov** Yaroslavl State Pedagogical Institute
- I. V. Kondakov** Russian State Humanitarian University (Moscow)
- G. V. Korzenko** Institute of History of the National Academy of Sciences
of Belarus (Minsk)
- I. V. Kuptsova** Moscow State University named after M. V. Lomonosov
- D. A. Makeev** Vladimir State University
- V. A. Mansurov** Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences
- I. I. Osinsky** Buryat State University (Ulan-Ude)
- S. N. Poltorak** St. Petersburg State University of Telecommunications
- D. I. Polyvyanny** Ivanovo State University
- V. A. Porozov** Perm State Humanitarian Pedagogical University
- E. M. Raskatova** Ivanovo State University of Chemistry and Technology
- A. V. Repnikov** Russian State Archive of Social and Political History
- V. G. Ryzjenko** Omsk State University
- I. V. Sibiryakov** South Ural State University (Chelyabinsk)
- F. H. Sokolova** Northern (Arctic) Federal University
named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk)
- A. A. Solovyev** Kostroma State Technological Institute
- V. L. Soskin** Novosibirsk State University

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

- Кураев А. Н.* О специфике и особенностях подходов
к интеллигентоведению 9
- Суслов А. Ю.* Интеллигенция и революция: опыт
осмысления событий 1917 года эсеровской эмиграцией 25
- Аршавская Е. А., Юркин Н. Г.* Восприятие Второй
мировой войны российской интеллигенцией и западными
интеллектуалами (К постановке проблемы) 36

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Кирюхина Е. М.* Роль периодических изданий
в интеллектуально-нравственном воспитании женщин
поздней Викторианской эпохи 56
- Шевчук И. И.* Обеспечение деятельности научной
интеллигенции Беларуси в первой половине 1920-х годов:
создание Комиссии по улучшению быта ученых 68

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

- Петровичева Е. М., Харитонов С. С.* «Служитель истины
и народа»: штрихи к портрету интеллигента-народника
И. Н. Харламова 85

ДИСКУССИЯ

- Шимельфениг О. В., Солодовниченко Л. Я.* Вечный вызов
интеллекту на фоне Ренессанса. Философия истории 97

ДЕБЮТ

- Рагозин Г. С.* Репрезентация истории Пруссии
в кинематографе ГДР, 1971—1990 гг. 116
- Гамкрелидзе Г. А.* Постсоветская Грузия и ее внешняя
политика в годы правления Михаила Саакашвили:
размышления грузинских интеллектуалов 129
- Аннотации* 139
- Информация для авторов* 146

CONTENTS

URGENT PROBLEMS OF CONTEMPORARY INTELLIGENTSIA STUDIES

- Kuraev A. N.* About specifics and peculiarities of approaches
to intelligentsia studies 9
- Suslov A. Y.* Intelligentsia and revolution: a reflection and
evaluation of 1917 events by the socialist-revolutionary
emigration 25
- Arshavskaya E. A., Yurkin N. G.* Perception of World War II
by the Russian intelligentsia and the western intellectuals
(to the statement of the problem) 36

FROM THE HISTORY OF INTELLIGENTSIA

- Kiryukhina E. M.* The role of periodicals in intellectual
and moral education of women of the late Victorian era 56
- Shevchuk I. I.* Ensuring activities of the scientific intelligentsia
of Belarus in the first half of the 1920-s: creation
of the Commission on scientists' life improvement 68

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

- Petrovicheva E. M., Kharitonov S. S.* «Attendant of truth
and people»: traits to a portrait of the intelligentsia member
and populist I. N. Kharlamov 85

DISCUSSION

<i>Shimelfenig O. V., Solodovnichenko L. Y.</i> An eternal challenge to the intelligentsia member against the background of the Renaissance. Philosophy of history	97
--	----

DEBUT

<i>Ragozin G. S.</i> Representation of Prussia's history in GDR cinematograph in 1971—1990	116
<i>Gamkrelidze G. A.</i> Post-Soviet Georgia and its foreign policy during the rule of Mikhail Saakashvili: reflections of the Georgian intellectuals	129
<i>Annotations</i>	143
<i>Information for authors</i>	146

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

ББК 60.543.132.1

А. Н. Кураев

О СПЕЦИФИКЕ И ОСОБЕННОСТЯХ ПОДХОДОВ К ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЮ

В последние десятилетия в гуманитарной науке произошло очень важное событие — сформировалось интеллигентоведение как самостоятельная научная дисциплина. Это стало результатом огромной исследовательской работы сразу в двух направлениях: изучение истории отечественной интеллигенции, ее возникновения и деятельности в различных сферах, места и роли интеллигенции в современной России; исследование интеллектуальной истории в целом, истории интеллектуальной мысли и интеллектуалов. Один из основоположников интеллигентоведения, профессор В. С. Меметов в статье, написанной в соавторстве с С. С. Садиной, отмечает: «Интеллигентоведение — ...не временный союз социально-гуманитарных знаний, а междисциплинарная отрасль науки, самостоятельная по своим целям и задачам»¹. Как видим, в этом определении подчеркивается, что интеллигентоведение — это не какое-нибудь механическое эклектичное соединение различных социальных и гуманитарных дисциплин, а именно самостоятельная междисциплинарная отрасль науки со своими специфическими целями и задачами. В современной науке

© Кураев А. Н., 2017

Кураев Алексей Николаевич — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Московского государственного университета технологий и управления им. К. Г. Разумовского (Первый казачий университет). cool.kuraev@mail.ru

всё активнее проявляются интеграционные процессы: усиливается взаимосвязь различных отраслей науки. Это в полной мере относится и к интеллигентоведению. Оно находится на стыке нескольких гуманитарных и социальных дисциплин — истории, культурологии, истории культуры, философии, искусствоведения, социологии, политологии и других, но не растворяется в них, а остается самостоятельной наукой. Поэтому представляется актуальным и необходимым исследовать специфические особенности интеллигентоведения как особой отрасли науки, чему и посвящена данная статья.

Интеллигентоведение как составная часть науки включает три неразрывно связанные элемента: 1) ученых, 2) научные знания и теории, 3) научные учреждения. Из них особо отметим активно и успешно функционирующий при Ивановском государственном университете Научно-исследовательский институт интеллигентоведения². Его директор — заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор Валерий Сергеевич Меметов. НИИ интеллигентоведения регулярно проводит научные конференции и издает журналы и книги (коллективные монографии, тематические сборники, сборники материалов конференций) по данной проблематике³. Он успешно разрабатывает согласованные с Министерством образования и науки РФ научные темы: «Проблемы теории и методологии интеллигенции: историко-социологический и философско-политологический анализ», «Российская интеллигенция и европейские интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности XX — начала XXI в.: виртуальность и реальность».

Очень важно, что интеллигентоведение как самостоятельная отрасль науки имеет свой конкретный объект исследования — все вопросы, связанные с интеллигенцией и интеллектуалами: основные закономерности, этапы и особенности возникновения, формирования и развития интеллигенции и интеллектуалов в различные исторические периоды, в различных регионах и сферах жизни; роль и место мировой и отечественной интеллигенции и интеллектуалов в процессе исторического развития своих стран; функции интеллигенции и интеллектуалов и их отрядов; мировоззренческие и нравственные принципы интеллигенции

и интеллектуалов; социально-политическое и культурологическое измерение интеллигенции и интеллектуалов; особенности духовного мира интеллигенции и интеллектуалов; биографический анализ интеллигентов и интеллектуалов; характеристика терминов «интеллигенция», «интеллектуалы», «креативный класс» и их соотношение; осмысление феномена и специфики интеллигенции и интеллектуалов как социального явления и социального слоя (группы) общества; основные закономерности историко-культурного взаимодействия интеллигенции и интеллектуалов с другими социальными слоями и группами человеческого общества; изучение интеллигентосферы; история интеллектуальной мысли в России и за рубежом; взаимоотношения российской интеллигенции и интеллектуалов с западными и восточными интеллектуальными традициями; связь интеллигентоведения с другими отраслями гуманитарного и социального знания. Интеллигентоведение также изучает: особенности становления и развития интеллигентоведения как науки в России и других странах; методы и способы интеллигентоведческих исследований; главные идеи, достижения и проблемы интеллигентоведения на всем протяжении его развития; основные историографические оценки процесса развития интеллигентоведения как науки в междисциплинарном исследовательском поле; как обозначаются позиции и характер поведения современных российских интеллигентов и интеллектуалов в условиях глобального информационного пространства; футурологию интеллигенции и интеллектуалов⁴.

Необходимо отметить, что интеллигентоведение последнего времени анализируется через синтез и особенности двух интеллигентоведческих категорий и понятий — «интеллигенция» и «интеллектуалы». Интеллектуальный слой в современном интеллигентоведении включает в себя не только понятие «интеллигенция», но и «интеллектуалы». К последним относятся: 1) люди с высокоразвитым интеллектом, 2) представители интеллектуального труда, 3) представители социального слоя интеллигенции, 4) представители умственной элиты общества, 5) представители гуманитарной элиты общества⁵.

Но возникает вопрос о соотношении понятий «интеллигенция» и «интеллектуалы». Они отличаются друг от друга прежде всего по их общественной роли. Интеллигенция всегда претендовала

на особую ведущую роль в жизни всего общества, стремясь быть выразителем его интересов, а интеллектуалы, как правило, функционируют в своей конкретной интеллектуальной профессиональной деятельности. С функциональной точки зрения «интеллигенция» — это более широкое понятие, а «интеллектуалы» — более узкое, конкретное. Подобный же подход необходим и при анализе соотношения понятий «интеллигенция» и «интеллектуалы» с понятием «креативный класс». Тут всё зависит от критериев, по которым мы выделяем эти понятия. Например, в современной России креативный класс не включает в себя такие массовые отряды интеллигенции, как врачи, учителя и инженерно-технические работники. Поэтому искать общее в этих понятиях можно только с функциональной точки зрения⁶.

Интеллигентоведение, как и другие гуманитарные науки, всегда в какой-то мере связано с идеологией — системой светских или религиозных ценностных предпочтений, отражающих общественные интересы и помогающих народу, классу, человеку выживать и формировать ключевые целевые программы развития общества. На наш взгляд, нельзя настаивать на полной «деидеологизации» интеллигентоведения, якобы в целях усиления его «объективности». Ведь человек, общество — это не только объективное явление, но и явление, содержащее в себе субъективную реальность и имеющее свои особые интересы, благодаря чему социум способен превращаться в творчески-преобразовательную силу и подниматься вверх по лестнице прогресса. Наиболее тесно связаны с идеологией именно интеллигенция и интеллектуалы, которые в силу своего положения вырабатывают и выражают интересы различных, в том числе и противоположных общественных сил и классов, а также, обладая возможностями идеологического и культурного влияния на общество, во многом формируют общественное мнение.

Объективная дифференциация наук является основанием для их классификации. На наш взгляд, интеллигентоведение относится одновременно и к фундаментальным и к прикладным наукам. С одной стороны, оно изучает теоретические вопросы, связанные с возникновением и деятельностью интеллигенции, интеллектуальной историей. С другой стороны, интеллигентоведение направлено и на решение конкретных нужд современного российского общества: повышение культурного и социального

уровня населения, улучшение материального положения интеллигенции и интеллектуалов. В этом дуализме интеллигентоведения кроется одна из его главных особенностей и преимуществ как одновременно и теоретической и практической отрасли науки.

Как и любая другая наука, интеллигентоведение имеет свою методологию, т. е. систему принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности, а также учения об этой системе. Исследование интеллигенции и интеллектуалов предполагает использование соответствующего методологического аппарата, который проистекает из специфики изучаемого объекта и касается, с одной стороны, анализа самой интеллигенции, интеллектуалов и их деятельности, а с другой стороны, он связан со спецификой интеллигенции и интеллектуалов как социального явления и социального слоя общества. Так как интеллигентоведение находится на стыке гуманитарных и социальных отраслей науки, то для его методологий характерны очень большое разнообразие, противоречивость и сильный субъективизм. К основным методам интеллигентоведческого анализа относятся:

1. Деятельностная интерпретация интеллигенции.

Она выступает методологическим средством исследования субкультурных общностей, в том числе интеллигенции и интеллектуалов, и предполагает выделение в человеческой деятельности следующих элементов: субъекты деятельности; объекты, на которые она направлена; продукты деятельности; способы и средства осуществления деятельности. Интеллигенция и интеллектуалы понимаются с точки зрения их продуктов, а также способов и средств деятельности. Общество же рассматривается как коллективный субъект этой деятельности. Оно выступает не как простое множество людей, а как целостная система, в которой люди объединены многообразными связями и отношениями (экономическими, политическими, правовыми, культурными, нравственными и др.). Деятельность дает возможность выразить диалектическую взаимосвязь между различными элементами интеллигенции и интеллектуалов, а также между ними и обществом, и тем самым представить их как целостность. Деятельностное рассмотрение интеллигенции и интеллектуалов позволяет обнаружить источники и движущие силы их развития, а также представить их самих как самостоятельное и противоречивое явление.

Структурно-деятельностное восприятие интеллигенции и интеллектуалов позволяет рассматривать их через понятие социального опыта, социальной биографии, совокупности социально-символических ресурсов. Данный подход предоставляет возможность анализировать процесс развития интеллигенции и интеллектуалов как результат воздействия социально-институциональной сферы, что воспроизводится в массовых социальных практиках интеллигенции и интеллектуалов.

Деятельностный метод необходим прежде всего потому, что при всей важности разработки теории интеллигенции и интеллектуалов (интеллигенция и власть, взаимоотношения интеллигенции и интеллектуалов, их трансформации, ответственность, мировоззрение, нравственные принципы и т. п.), конкретная роль интеллигенции и интеллектуалов в обществе может быть раскрыта во всей полноте и объективности только в результате детального изучения степени реализации ими своих социальных функций, т. е. их практической деятельности. В то же время исследователи при применении деятельностного подхода сталкиваются с проблемами трех типов: 1) как вычленить деятельность именно интеллигентов и интеллектуалов из деятельности того учреждения, в котором они трудятся: учителей — из работы всей школы, инженеров — из деятельности всего коллектива (персонала) промышленного предприятия и т. п.; 2) сложно суммировать результаты деятельности интеллигентов и интеллектуалов при формировании обобщенной оценки их вклада в развитие экономики, культуры, социальной сферы; 3) необходимо четко и во всей полноте определить предмет исследования⁷.

2. Историко-генетический метод.

Он предполагает такое исследование интеллигенции и интеллектуалов, которое позволяет понять интересующий нас феномен с точки зрения его возникновения и развития. Этот подход позволяет сделать диахронный срез изучаемого объекта или процесса, т. е. проследить основные этапы развития интеллигенции и интеллектуалов от момента возникновения и до настоящего времени. В истории интеллигенции и интеллектуалов выделяются, как правило, три главных этапа: дореволюционная Россия, Советская Россия и СССР, современная Россия; внутри них выделяется множество более мелких периодов. Историко-генетическое

изучение исторических событий и фактов, связанных с интеллигенцией и интеллектуалами, открывает простор для рассмотрения их взаимной обусловленности и выявления причинно-следственных связей. Историко-генетический метод позволяет лучше уяснять природу изучаемых проблем в их процессуальном становлении.

3. Компаративный метод: историко-сравнительный и историко-типологический подходы, историко-культурологический и сравнительно-культурологический подходы.

Данный метод подразумевает сравнительно-исторический анализ различных отрядов интеллигенции и интеллектуалов в определенном временном интервале (например, в советский период). При этом обычно сравниваются и сопоставляются деятельность, жизнь и быт интеллигентов и интеллектуалов в разнообразных отраслях производства, сферах жизнедеятельности и культуры, в различных регионах одной страны и между разными странами. Это позволяет выявить специфику национальной, региональной и профессиональной интеллигенции и интеллектуалов. Компаративный и историко-генетический подходы тесно связаны и часто выступают в качестве единого метода исследования интеллигенции и интеллектуалов. Сравнение и типологизация культурных явлений позволяют глубже проникнуть в психологию поведения интеллигенции и интеллектуалов, выделять их побудительные мотивы, создавать представление о повседневной жизни и традициях интеллигентов и интеллектуалов.

4. Системный метод.

Он предполагает изучение всего комплекса исследуемых событий, фактов, процессов и явлений как элементов одной системы. Анализ интеллигенции и интеллектуалов сквозь призму системного подхода рассматривает их не как временный слой или «прослойку», а как универсальное явление общества. При этом интеллигенция и интеллектуалы в целом и их различные части представляются целостными образованиями, состоящими из множества взаимосвязанных элементов и подсистем, находящихся в различных взаимоотношениях (сотрудничество, иерархическое соподчинение, борьба и др.). Данный подход позволяет изучить именно всю интеллигенцию и интеллектуалов, показав их в конкретный момент времени во всей полноте их связей и отношений с другими частями общества и с самим обществом,

сопоставить их с другими социальными слоями и явлениями, понять интеллигенцию и интеллектуалов как один из важнейших общественных феноменов. Системный метод позволяет представить интеллигенцию и интеллектуалов как сложную систему и выявить общие, повторяющиеся, типичные и закономерные черты в их структуре и деятельности.

5. Структурно-функциональный метод.

Этот метод, во-первых, рассматривает интеллигенцию и интеллектуалов в качестве подсистемы целостной социально-культурной системы, каждый элемент которой выполняет служебную роль в общей системе регуляции общественной жизни. Во-вторых, исследуются функции и деятельность самых разнообразных отрядов интеллигенции и интеллектуалов (ученые, педагоги, художественная интеллигенция, региональная интеллигенция и т. д.) именно как неразрывных составных частей общей системы, в качестве которой рассматривается вся интеллигенция и интеллектуалы. Данный подход позволяет вычлениить все структурные элементы и сферы интеллигенции и интеллектуалов, понять, как они взаимосвязаны между собой и всем целым — обществом и культурой, а также выяснить, какую конкретно роль интеллигенция и интеллектуалы играют в обществе и культуре и в удовлетворении потребностей человека.

По своей сути структурно-функциональный и системный методы взаимосвязаны и взаимозависимы. Ведь дать объективную характеристику любой структуре можно, лишь исходя из ее функционирования именно в системе. Также и с системой: ее деятельность и оценка этой деятельности напрямую зависят от функционирования всех входящих в нее элементов и структур, в нашем случае — от всех отрядов интеллигенции и интеллектуалов.

6. Аксиологический (ценностный) подход.

Он связан с изучением интеллигенции и интеллектуалов в качестве носителей совокупности ценностей, понимаемых как идеалы, к достижению которых стремится данное общество. Этот подход также подчеркивает, что далеко не все ценности и идеалы интеллигенции разделяются всем остальным обществом (характерный пример — «хождение в народ» народнической интеллигенции в Российской империи в 1860—90-х гг.). Но бывает и наоборот. Идеи, вначале выдвигаемые лишь самыми смелыми

интеллигентами и интеллектуалами, постепенно превращаются в требование большинства общества. Так было с лозунгами многопартийной системы, лишения КПСС монополии на власть, приватизации и перехода к рыночной экономике в СССР в конце 1980-х — 1991 гг. Ценности существуют лишь по отношению к человеку, поэтому в данном подходе изучаемые феномены соотносятся с человеком, его потребностями и интересами. Данный метод позволяет выявить личные смыслы, ценности и идеалы в соответствующей интеллигентской и интеллектуальной среде и интеллигентосфере.

7. Агональный подход.

Это специфический метод исследования служивой, прежде всего военной, интеллигенции. Он исходит из того, что агон представляет собой универсальное качество культуры, заключающееся в состязательности, вытекающее из потребности присвоить, сделать своим иное пространство. Агональность — это функциональное включение агона в сферы культурной деятельности человека⁸. В дореволюционной России агональность особенно ярко проявлялась у казачьей интеллигенции. Вся ее деятельность была направлена на подготовку казаков к воинской службе, т. к. война воспринималась казачеством как неотъемлемая часть повседневной жизни, и жили они, как правило, на границах Империи⁹.

8. Интеллигентосферный подход.

Он состоит в исследовании взаимоотношений интеллигенции и интеллектуалов с окружающей их ближней и дальней внешней средой. Интеллигентосфера — это открытая, динамичная, высокоорганизованная, инвариантная система рационализации и оптимизации социокультурных отношений, обусловленных становлением форм научно-организованного, ценностно и духовно ориентированного взаимодействия человека (общества) и окружающего мира. В данном подходе важное значение принадлежит функции «вход — выход». Часто интеллигентосферу рассматривают как часть ноосферы¹⁰. Интеллигентосфера обладает свойствами системы ценностей, определяющих характер отношений в социокультурной среде. Для развития человечества общезначимый характер имеет формирование такого отношения к миру, когда соединяются и гармонизируются императив культурной

нормы и спонтанность человеческой чувственности. И в этом огромная роль принадлежит интеллигенции и интеллектуалам.

9. Формационный метод.

Данный метод разработан в теориях К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина и успешно применялся как советской историографией, так и сейчас. Концепция материалистического понимания истории (исторический материализм) базировалась на четырех основных принципах: 1) единство исторического процесса; 2) историческая закономерность; 3) детерминизм — признание существования причинно-следственных связей и зависимостей. Главным, определяющим в историческом процессе является способ производства материальных благ, т. е. экономический фактор; 4) принцип исторического прогресса — поступательное развитие общества, поднимающееся на всё более и более высокие уровни.

Согласно марксистской концепции, всемирный исторический процесс — это последовательная смена общественно-экономических формаций, различающихся между собой, прежде всего, по способу производства и соответствующей ему социально-классовой структуре. История человечества делилась на пять формаций: первобытнообщинная (первое бесклассовое общество), рабовладельческая, феодальная, капиталистическая (и его высшая стадия — империализм), высшее бесклассовое общество — коммунистическая формация (социализм выделялся как переходный этап или первая стадия коммунизма). Утверждалось, что смена формаций осуществляется в основном путем классовой борьбы и революций (они объявлялись важнейшими движущими силами, «локомотивами истории») и составляет всеобщий объективный закон исторического развития.

Подобный же подход был и к интеллигенции. Она как социальный слой или «прослойка» выделялась во всех классовых обществах и рассматривалась, прежде всего, с точки зрения ее принадлежности к господствующим или угнетенным классам, к тем или иным политическим партиям и группировкам. Решительно отвергался принцип беспартийности и независимости интеллигенции. В. И. Ленин в своей известной статье «Партийная организация и партийная литература» писал: «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Свобода буржуазного писателя,

художника, актрисы есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания»¹¹. Деление интеллигентов на «своих» и «чужих» особенно ярко проявилось в политике большевиков в период Октябрьской революции и Гражданской войны.

У формационного метода много достоинств: наличие единого критерия (социально-экономического, т. е. отношения собственности); ярко выраженная стадиальность (четкое деление истории человечества на 5 формаций, такой же подход и к истории интеллигенции); логичность и простота для понимания (каждая новая формация проистекает из предыдущей и является ее закономерным продолжением). Формационный метод позволяет в глобальном масштабе проследить как вневременные, сущностные черты интеллигенции и интеллектуалов, сложившиеся еще в далеком прошлом, так и выделить и сравнить особенности жизни и деятельности интеллигенции и интеллектуалов в различные исторические эпохи, особенно в связи с конкретными социально-экономическими и политическими системами. Он также позволяет сориентироваться в многообразном историческом материале об интеллигенции и интеллектуалах, структурировать во времени и пространстве собственные знания по конкретной интеллигентоведческой проблеме.

Но у формационного метода есть и серьезные недостатки: экономцентризм, недостаточное внимание к не относящимся к экономике факторам развития общества, в том числе и интеллигенции; европоцентризм; абсолютизация роли классовой борьбы и революций, оправдание массовых репрессий, недооценка эволюционно-реформистского пути развития и нападки на интеллигентов и интеллектуалов — сторонников этого пути; желание быть безапелляционной истиной в последней инстанции, претензии на собственную непогрешимость, ненависть к другим концепциям (это было особенно характерно для советского периода).

10. Цивилизационный метод.

Он тесно связан с формационным методом (особенно в рамках периодизации истории) и позволяет выявить и проанализировать специфические особенности, достоинства и недостатки интеллигенции и интеллектуалов в конкретном большом сообществе людей, учитывая социокультурное своеобразие этих сообществ.

Применяя данный метод, исследуется положение интеллигенции и интеллектуалов в советской, современной российской, западно-атлантической, исламской, китайской и других цивилизациях. Но следует учитывать, что подобное выделение цивилизаций достаточно условно и во многом перекликается с формационной и иными классификациями.

11. Модернизационный подход.

Данный подход позволяет выявить роль и деятельность интеллигенции и интеллектуалов в переходные эпохи: от традиционного аграрного общества к индустриальному (XVII—XVIII—XIX вв.), а от него — к постиндустриальному обществу (со второй половины XX в.).

При всех достоинствах формационного, цивилизационного и модернизационного подходов к интеллигенции и интеллектуалам у них имеется один общий серьезный недостаток, свойственный всему системному методу, — это чрезмерное внимание к глобальным проблемам интеллигенции и интеллектуалов, особенно во всемирном и национальном масштабах. Отсюда — недооценка менее глобальных, но оттого не менее важных вопросов, связанных с конкретной деятельностью и жизнью интеллигенции и интеллектуалов во всем их разнообразии.

12. Микроисторический подход.

Он возник на рубеже 1980—90-х гг. (Ю. Л. Бессмертный, Б. Г. Могильницкий, Л. П. Репина и др.) как обратная реакция на неполноту и недостатки системных моделей. В русле данного направления стало уделяться намного больше внимания повседневной жизни интеллигенции и интеллектуалов, деятельности их отдельных представителей. Акцентировалось внимание на ранее слабо изученных проблемах формирования духовных и нравственных ценностей интеллигенции и интеллектуалов, влияния социокультурной среды на их становление, особенностях труда, жизни и быта интеллигентов и интеллектуалов в столицах и провинции и т. д. В научный оборот были введены многочисленные документы и источники, раскрывающие жизненный путь отдельных, зачастую самых обыкновенных и ранее не известных и не изученных представителей интеллигенции и интеллектуалов.

13. Междисциплинарная (синтетическая) исследовательская модель.

Для многих исследователей стало ясно, что микро- и макроподходы в изучении интеллигенции и интеллектуалов, являясь взаимосвязанными и взаимозависимыми, должны не исключать, а взаимно дополнять друг друга. Поэтому возник методологический тупик: как их совместить? Выход из него нашла Ивановская научная школа интеллигентоведения во главе с В. С. Меметовым — была предложена интеграционная междисциплинарная исследовательская модель¹², своего рода метод концептуального синтеза. Это позволило взять и объединить всё лучшее из интеллигентоведческих методов и одновременно преодолеть свойственные им ограниченности и недостатки. Методологический синтез предполагает комплексное использование в качестве научного инструментария методов смежных гуманитарных наук: истории, культурологии, философии, социологии, антропологии, этнографии, фольклористики, лингвистики и др. В исследовательской практике активно используется всё богатство междисциплинарных связей, позволяющее историкам, культурологам и представителям других гуманитарных наук, применяя различные методы, выходить на новые теоретические уровни изучения как отдельных интеллигентов и интеллектуалов, так и целых социальных групп интеллигенции и интеллектуалов. В результате усиливается социокультурный контекст исследования интеллигенции и интеллектуалов, позволяющий проследить формирование и трансформацию всей их жизни, деятельности и ценностных ориентиров как на макро-, так и на микроуровнях. Междисциплинарный подход предполагает также исследование вариативной модели, т. е. разнообразных альтернатив поведения интеллигенции и интеллектуалов. Это позволяет дать наиболее полную характеристику их роли в кризисных и переломных ситуациях и предложить основы участия интеллигенции и интеллектуалов в формировании и реализации антикризисных программ развития российского общества¹³.

Многообразие в интеллигентоведении исследовательских систем приводит к многообразию полученных научных результатов, которые нельзя оценить однозначно. Приведенная выше классификация интеллигентоведческих моделей, методов и подходов

в некоторой степени условна. Они частично противоречат друг другу или совпадают, и к тому же не признаются единогласно всеми учеными. Необходимо также учитывать, что выбор способа исследования во многом зависит от мировоззренческой позиции самого интеллигентоведа как представителя гуманитарно-социальной науки. Поэтому разработка интеллигентоведческой методологии активно продолжается.

Основная функция науки — выработка объективных знаний о мире. Каркас науки, в том числе и интеллигентоведения, составляют законы — открытые, устойчивые, существенные связи между явлениями. Среди них: принцип объективности, ориентирующий на достижение такого знания, которое не зависит от форм и способов познавательного процесса и адекватно отражает реальную действительность; принцип причинности, утверждающий, что все события в мире связаны между собой объективной причинной связью; принцип рациональности, аргументированности, доказательности; принцип воспроизводимости (научные факты могут быть воспроизведены либо в экспериментальных исследованиях, либо в теоретическом доказательстве других ученых); принцип теоретичности и системности (теории обобщают полученное разрозненное знание в целостное научное представление о существенных свойствах и закономерностях определенных отраслей действительности; теории, взятые системно, формируют научную картину мира); принцип критичности. Он означает, что интеллигентоведение не претендует на формулировку всеобщей абсолютной истины, хотя ее крупницы наличествуют и накапливаются в конкретно-научном знании.

Исходя из законов интеллигентоведения, можно сформулировать общие закономерности развития этой науки: 1) определяющая роль социальной практики, практических потребностей общества; 2) зависимость научного творчества от социально-экономических условий бытия и уровня развития культуры тех или иных народов; 3) сочетание и чередование в процессе развития интеллигентоведения эволюционных и революционных периодов; 4) противоречивый характер влияния научно-технического прогресса и его социальных последствий на интеллигентоведение; 5) интернационализация и глобализация интеллигентоведения и его достижений.

Подведем итоги. Интеллигентоведение — это самостоятельная междисциплинарная отрасль науки, имеющая свои специфические особенности. Она тесно связана с другими социальными и гуманитарными дисциплинами, но от этого не теряет свою самостоятельность и значимость. Как и любая другая наука, интеллигентоведение состоит из трех неразрывно связанных элементов: 1) ученых, 2) научных знаний и теорий, 3) научных учреждений. Создателем и лидером интеллигентоведения в России является возглавляемый В. С. Меметовым НИИ интеллигентоведения при Ивановском государственном университете. Конкретный объект исследования интеллигентоведения — все вопросы, связанные с интеллигенцией и интеллектуалами: их возникновение и развитие, особенности жизни, деятельности и мировоззрения интеллигентов и интеллектуалов, их роль в обществе и т. д. Интеллигентоведение относится одновременно и к фундаментальным и к прикладным наукам, что является одним из его преимуществ. Интеллигентоведению присуще многообразие методов исследования: системные и более узкие, макро- и микроподходы. Это, с одной стороны, позволяет более полно и объективно исследовать весь комплекс проблем, связанных с деятельностью и жизнью интеллигенции и интеллектуалов. С другой стороны, интеллигентоведческие методы в ряде случаев противоречат друг другу, что может привести к потере логики научного исследования. Интеллигентоведение как самостоятельная часть науки имеет свои законы и общие закономерности развития, поэтому необходимо и дальше активно развивать эту новую, молодую, но очень важную и перспективную отрасль научного знания.

Примечания

- ¹ Меметов В. С., Сапина С. С. Интеллигентоведение в российских вузах — требование времени // Интеллигентоведение в системе гуманитарных наук : исследования и учеб.-метод. разработки. Иваново, 2008. С. 16.
- ² Меметов В. С. К итогам 25-летия МЦ и НИИ интеллигентоведения // Интеллигентоведение: теория, методология и социокультурная практика : материалы XXV Междунар. науч.-теорет. конф. Иваново, 2014 ; Солодовниченко Л. Я., Шмельфениг О. В. Комплексный феномен

- школы интеллигентоведения профессора В. С. Меметова // Интеллигенция и мир. 2014. № 1.
- ³ См., напр.: Интеллигентоведение в системе гуманитарных наук ; Проблемы теории и методологии исследования интеллигенции : моногр. / под ред. В. С. Меметова. Иваново, 2008 ; Интеллигенция: вопросы теории и методологии : моногр. / под ред. В. С. Меметова. Иваново, 2010 ; Интеллигенция и интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности : коллектив. моногр. / отв. ред. В. С. Меметов, В. Л. Черноперов. Иваново, 2014.
- ⁴ См.: Комиссаров В. В. Прогностическая функция интеллигенции: советская научно-фантастическая литература в предощущении постиндустриального барьера // Интеллигенция: вопросы теории и методологии.
- ⁵ Социологический энциклопедический словарь. М., 1998. С. 106.
- ⁶ Меметов В. С. О понятийных и интеллектно-образующих связях в современном интеллигентоведении // Специфика социально-политической активности интеллигенции/интеллектуалов в современном мире : материалы XXVII Междунар. науч.-теорет. конф. Иваново, 2016.
- ⁷ Волков В. С. Деятельностный подход — важное средство расширения диапазона и углубления интеллигентоведческих исследований // Интеллигентоведение: теория, методология и социокультурная практика : материалы XXV Междунар. науч.-теорет. конф. Иваново, 2014.
- ⁸ См.: Калашникова Н. К. Агональные основы культуры донского казачества : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2005.
- ⁹ Кураев А. Н. Особенности формирования казачьей интеллигенции в дореволюционной России // Специфика социально-политической активности интеллигенции/интеллектуалов в современном мире.
- ¹⁰ См., подробнее: Смирнов Г. С. Интеллигенция и ноосфера : философско-культурологические проблемы интеллигентоведения. Иваново, 2007.
- ¹¹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 12. С. 104.
- ¹² См.: Будник Г. А. Актуальные проблемы методологии интеллигентоведения // Интеллигентоведение: теория, методология и социокультурная практика.
- ¹³ Интеллигенция и интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности.

А. Ю. Суслов

**ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ:
ОПЫТ ОСМЫСЛЕНИЯ СОБЫТИЙ 1917 ГОДА
ЭСЕРОВСКОЙ ЭМИГРАЦИЕЙ**

Необходимой предпосылкой создания научной истории российской многопартийности является публикация и изучение источников различного происхождения — как собственно документов съездов, советов, конференций, иных форумов, так и материалов периодической печати, а также мемуарно-эпистолярного наследия за весь период существования политических партий. Последние десятилетия значительно обогатили отечественную науку солидными документальными публикациями¹ и научными исследованиями², однако наследие политических партий в эмиграции пока еще не получило достаточного внимания. Особый интерес вызывает восприятие в эмигрантской среде событий периода революционного 1917 г., когда деятельность практически всех политических партий находилась на пике активности. Роль партии эсеров, наиболее многочисленной и выигравшей выборы в Учредительное собрание, но не сумевшей прийти к власти в общероссийском масштабе ни тогда, ни позднее — в годы Гражданской войны, вызывала в эмиграции острые дискуссии.

Партия социалистов-революционеров (точнее, некоторая ее часть) была вытеснена в эмиграцию в начале 1920-х гг. В последующем, за более чем тридцать лет существования эсеровского зарубежья (до середины 1950-х гг.) на свет появилось великое множество мемуарных, публицистических и иных изданий, составивших один из самых больших эмигрантских комплексов³.

© Суслов А. Ю., 2017

Суслов Алексей Юрьевич — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Казанского национального исследовательского технологического университета. plusha131333@yandex.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-01-00264а.

Как отмечает В. Л. Кожевин, «для авторов, волею судеб эмигрировавших из России, безусловно важна была психологическая компенсация, возможность каковой представляло обращение к пережитому»⁴. С другой стороны, работа над историей партии представлялась и как важный элемент объединения имеющихся интеллектуальных партийных сил, сплочения эмиграции.

Весьма характерно мнение по этому поводу эсеровского ветерана О. С. Минора, подробно высказанное в его переписке с другим известным деятелем ПСР — С. П. Постниковым. Минор пишет Постникову в Прагу 7 января 1930 г.: «На днях получил Ваше письмо о Вашем соглашении с Василием Васильевичем о подготовке истории п[артии] с[оциалистов] р[еволюционеров]. Что до меня, то могу лишь приветствовать принятое вами решение. Необходимость такого труда вытекает, конечно, не только из того, что роль партии извращается историками, непосредственными участниками революции, которые всякий на свой салтык ее излагает, глядя на события только из своего угла, как это сделал Милюков, Мартов в своей истории Общественных движений, и даже Керенский, не говоря уже о Суханове, Теодоровиче и других, но и потому, что, будучи изложена партийными людьми, может быть удастся наметить и то, что надо будет делать в ближайшем будущем нашей партии, если жизнь нас вновь как-нибудь вытолкнет на арену истории. И вот это последнее мое соображение делает меня энтузиастом Вашего предприятия. Но есть и еще одно соображение: может быть создание истории нашей партии СОВМЕСТНЫМИ усилиями всех социалистов-революционеров создаст новую возможность более мирной и толковой между нами жизни и работы»⁵. Проект еще обсуждался некоторое время, но не был осуществлен, как и другие попытки написать историю партии.

Как справедливо подчеркивает Н. Т. Кудинова, традиции борьбы и приемы полемики с политическими противниками в годы революции, когда шла бескомпромиссная борьба за власть, были перенесены и в область изучения и осмысления революции⁶. Преобладал политический анализ событий недавнего прошлого, в котором значительное место занимали самооправдание и самореабилитация, утверждение своего видения событий революции и гражданской войны и их важнейших причин.

Важно отметить, что язык эсеровской (как и социал-демократической) публицистики был близок большевистскому. «Большевизированный» политический язык, который со временем стал языком массового подчинения, подчеркивает С. В. Яров, не возник в одночасье, а представлял собой усложненный вариант языка «народнической» литературы. Размежевание обоих языков произошло вследствие идеологических споров, повлекших уточнение и переосмысление ряда терминов. Но и в этом случае такое разделение не стало полярным. Многие клише имели почти одинаковое значение в различных вариантах языка социалистов, а некоторые из них, хотя по содержанию и отличались друг от друга, в массовом восприятии нередко сближались⁷. Такие словосочетания, как «власть трудового народа», «народная свобода», обвинения в «контрреволюции», «предательстве интересов народа», слышны с обеих сторон.

Полноценный научный анализ наследия эсеровской эмиграции еще предстоит провести. Он требует масштабной работы многих исследователей. Обратимся к некоторым, но в целом весьма характерным подходам социалистов-революционеров в эмиграции, прозвучавшим на конференции пражской группы социалистов-революционеров 1931 г. Она посвящалась обсуждению различных вопросов программы партии эсеров, находящейся в эмиграции. Всего было проведено 18 заседаний, обсуждено 7 докладов. Материалы этой конференции, пока еще мало введенные в научный оборот, являются ценным источником для понимания эволюции программных установок партии социалистов-революционеров в эмиграции в 1920—30-е гг., а также восприятия эмигрантами-эсерами революционного процесса в России. Протоколы конференции были полностью опубликованы в 2014—2015 гг.⁸

Отношение пражских эсеров (среди которых были представители разных партийных течений) к прошлому партии социалистов-революционеров, особенно к событиям 1917 г., являлось довольно критическим. Это было заметно во время обсуждения вопроса о политическом строе России после большевизма (доклад С. Н. Николаева и Е. Е. Лазарева). Так, И. И. Калюжный, размышляя о причинах поражения ПСР, отметил ошибочность поддержки эсерами советов. По его мнению, «Временное правительство, государственная власть, ответственная за свои действия

перед страной, оказалась фикцией, лишенной всякого значения и силы. Фактическая власть была у безответственной частной политической организации — у советов. И партия с.-р., находясь еще в зените своего значения и влияния, не только допустила такое развитие советов, но и способствовала ему». Вывод Калужного вполне определен — «партия с.-р. оказалась негосударственной и несостоятельной логически. Если она сознательно и способствовала всем своим поведением фактическому захвату власти советами, она должна была бы сделать соответствующие выводы — возложить на советы и ответственность, устранить временное правительство и установить единовластие»⁹. Напротив, эсер Я. Г. Лозовой видел проблему партии именно в уходе в государственные дела: «Партия государство никогда не отрицала. Можно утверждать обратное: в 1917 г. партия слишком ушла в “государственность”. Задачи общегосударственные, защита границ (оборончество) от внешнего врага, охрана правопорядка и права внутри страны и т. д. были в России во время революции задачами доминирующими, в ущерб политическим задачам партии как таковой. <...> Партия отстаивала государство как программный пункт, но, к сожалению, в партии не было решимости отстаивать свои задачи и цели, не было воли, а главное людей»¹⁰. Дискуссии такого рода шли в партии и в 1917 г., и в эмиграции; фактически они продолжаются и в современной исторической науке. Видимо, рациональные моменты есть и в той, и в другой позиции — с одной стороны, эсеры действительно превратились в 1917 г. из демократов в «государственников», однако эта эволюция была неполной и не затронула всю партию, с другой стороны, недооценка государственных институтов и переоценка массовых организаций (в XX в. трансформация общества проходит через государство) привела ПСР к кризису.

В выступлении на пражской конференции 1931 г. С. П. Постников (1883—1965), опытный социалист-революционер, в 1917 г. депутат Учредительного собрания, гласный Петроградской думы и секретарь редакции главного партийного печатного органа — газеты «Дело народа», обратил внимание на проблему соотношения программы и тактики партии в 1917 г., а также на состояние партийных кадров. Он отмечал: «Итак, наша программа была хороша. Но почему же всё-таки мы потерпели

в революции разгром и поражение. По этому поводу следует вспомнить известную фразу Чернова, сказанную им еще в полемике с “искровцами”: “мы-то, может быть, и плохи, но программа наша хороша”. Чернов, конечно, тогда и не подозревал, сколько правды окажется в обеих частях его фразы в эпоху революции 1917 г. За нашу программу голосовал чуть ли не весь народ, но мы не сумели использовать это и провести свою программу, оказавшись плохими политиками и тактиками»¹¹. И далее Постников обобщил причины неудачи партии — «преимущество большевиков было в том, что они имели почти гениального тактика и организатора в лице своего лидера Ленина, в то время как у нас, с одной стороны, был лидером только теоретик Чернов, а с другой стороны Керенский, главный герой февральской революции, хотя и политический тактик, но органически не связанный с партией и часто действовавший в порядке индивидуальном»¹². Ярким примером стала позиция ПСР в эпоху Брестского мира, когда «партия в угоду принципам совершенно не считалась с реальной действительностью. Если бы партия действительно хотела бы, чтобы Учредительное Собрание имело возможность работать по восстановлению страны и по проведению требований революционной демократии, то прежде всего надо было заключать какой-то “модус вивенди” с немцами...»¹³. Из этого опыта партия должна была вынести очень важный урок — учитывать фактическое соотношение сил при решении политических вопросов, особенно, как подчеркнул Постников, при решении национального вопроса, который, наряду с аграрным, являлся наиболее принципиальным в России.

Немалое внимание опыту российской революции 1917 г. уделял и В. М. Чернов (1873—1952), лидер социалистов-революционеров и министр Временного правительства. Обширное мемуарно-публицистическое наследие Чернова стало в последние годы предметом тщательного научного анализа в работах О. В. Коноваловой, А. И. Авруса, А. А. Голосевой, А. П. Новикова, Х. Иммонена и др.¹⁴ В рамках данной статьи обратим внимание лишь на итоговые общие оценки роли партии эсеров в 1917 г., данные Черновым в его известной мемуарно-публицистической работе «The Great Russian Revolution», опубликованной в США в 1936 г.

Размышляя о причинах поражения, В. М. Чернов писал о переполнении партии в марте 1917 г. волной «новобранцев», которых идеи социалистов-революционеров зачастую волновали лишь поверхностно; такое пополнение если не вызывало, то, по крайней мере, обострило кризис партийной организации. Чернов напомнил о расколе лагеря социалистов-революционеров из-за начала Первой мировой войны, о доминировании правого крыла партии, а также слабости контактов верхушки партии с ее базисом. Чернов соглашался и с критикой в свой адрес, признавая, что он «скорее теоретик, человек слова, литературы, письменного стола <...> чем профессиональный политик»¹⁵, не выдержал жесткости политической борьбы. По его словам, центр партии пал жертвой крайностей; судьба ПСР отражает судьбу революции в целом: триумф центробежных сил над центростремительными. Нелицеприятная самокритика делает честь Чернову, он сумел дать достаточно емкий анализ причин поражения социалистов-революционеров.

Весьма примечательна и статья известного эсера-эмигранта, писателя и журналиста М. В. Вишняка (1883—1975), который попытался представить, по прошествии значительного времени — уже в послевоенный период, общую характеристику такому масштабному явлению российской истории, как народничество¹⁶. Прежде всего, Вишняк отмечает плюралистичность народничества как идейного течения, чуждого монизму и не подчиняющего, подобно марксизму, одной какой-либо стороне бытия или сознания все другие стороны и аспекты многосторонней жизни.

Вишняку хорошо известны распространенные в литературе истолкования, в соответствии с которыми всё существо народничества якобы состоит в утверждении им особых путей России, которая-де позднее других стран выдвинулась на авансцену истории и поэтому сумеет быстрее и лучше, чем другие страны, сделать рывок в своей социально-экономической динамике, минуя западноевропейскую стадию буржуазно-капиталистического развития.

При этом сохранение в России крестьянской общины и артельных навыков, а также отсутствие промышленного пролетариата развитого капитализма квалифицируются обычно как факт «громдного положительного значения»¹⁷. Признавая, что подобное представление действительно присуще народничеству, и называя его «русским вариантом социально-политического мессианизма»,

в то же время Вишняк решительно не согласен с тем, будто оно, это представление, исчерпывает всю главную суть идеологии взятого под защиту движения. Из поля зрения критиков как-то выпали другие, еще более существенные признаки народничества.

Что же касается «мелкобуржуазного» характера народнической идеологии, отмечаемого всеми марксистами с нескрываемым обвинительным пафосом, — Вишняк не отрицает и этого признака, отсекая лишь указанный пафос. Ведь под «мелким буржуа» народничество имело в виду, прежде всего, крестьян, которые преобладали в структуре населения России и которые никогда не наделялись народниками марксистскими характеристиками. Тезис же марксизма о том, что «пролетарий и мужичок — настоящие политические антиподы», народничество самым решительным образом отвергало, тем самым давая пищу для незатейливых обвинений в «мелкобуржуазности» своих политических симпатий и ориентации.

Характеризуя народническое мировоззрение, Вишняк с осуждением отметил и такой его признак, как известный аполизм, недоверие не только к существующей власти, но и к государству вообще, и даже к представительным учреждениям, которые нужны будто бы только зажиточным классам. Отсюда надежды на лучшее будущее связывались многими ветвями народничества не с конституцией, а с социальной революцией, что, действительно, объективно могло сблизить их идеологию с известными тезисами о государстве и революции, сформулированными представителями революционного марксизма¹⁸.

Главнейшим же признаком народничества является признание *народа* определяющим агентом русской истории, ее правообразующим фактором¹⁹. Кроме того, в поисках истины и справедливости, народничество в конце концов пришло к признанию необходимости и равноценности всех видов эмансипации: политической, экономической, национальной, духовной. Как высоко ни расценивало оно экономическую эмансипацию, всё же видеть в ней ключ ко всему другому оно отказывалось. Именно поэтому народничество было озабочено не столько развитием «производительных сил», сколько судьбой самих производителей и характером распределения произведенных благ²⁰.

Народничество отрицало историческую неизбежность или «имманентность» исторических законов, их уподобление законам природы и отвергало возможность непогрешимых исторических прогнозов. Свои домогательства оно строило не на оптимистической вере в разум истории, который знает что делает. С другой стороны, раз имманентных законов история не знает и прогресс социальный и иной никак заранее не предсказан, — возможно активное вмешательство в ход вещей: в частности, в закон спроса и предложения, в процесс концентрации и монополизации капитала, дифференциации классов, их поляризации на владеющих и командующих и на неимущих и подвластных и т. д. Тем более очевидна роль личности в политической области. Как бы по существу ни была гибельна роль Ленина и Сталина, Гитлера и Муссолини в судьбах России, Германии, Италии, влияние их на ход мировой истории не может быть оспорено²¹.

И наконец, Вишняк подчеркивает, что героем народничества был не какой-нибудь один класс, а триединство трудящихся: крестьяне, рабочие, интеллигенция. Никогда народничество не возводило ту или иную группу людей в ранг «гегемона». Таким образом, народническая концепция общественного развития представляет собой иной, немарксистский и небольшевистский вариант социализма. Однако этот вариант по ряду причин не обрел должной завершенности теоретических построений и не смог противостоять большевизму в практической политике²². Одной из таких причин Вишняк считает влияние марксизма. Он пишет о связи левых эсеров 1917—1918 гг., вошедших в правительство Ленина как раз тогда, когда оно сильнее всего нуждалось в демонстрации, что его власть не «рабочая» только, а и «крестьянская». «Среди этих диссидентов не только от партии с. р., но и от народничества вообще, были авантюристы и карьеристы, но были и по-своему честные люди. В отходе этих последних от народничества можно видеть лишь подтверждение общего тезиса: идеология сама по себе ничего не предпринимает, ни от чего не спасает, ничего и ни от чего не гарантирует»²³.

Серьезной проблемой российской социалистической эмиграции стало ее резкое организационное и идейное размежевание. Расколы в среде послереволюционной эсеровской эмиграции имели российские корни. Речь идет как о самой природе партии

социалистов-революционеров, отрицавшей жесткое организационное построение, так и о различном видении путей и методов построения социализма в России среди различных эсеровских группировок. В этой связи обоснованным представляется наблюдение К. Н. Морозова, что «сложись обстоятельства иначе и существой партия эсеров в России на свободе, уже вскоре было бы, как минимум, две новые партии, возникшие на базе ПСР. Одна часть эсеров создала бы реформистскую социалистическую партию и заседала в парламенте и правительстве, пропагандируя приоритет национальных интересов над классовыми (а одними из ее главных лидеров были бы Н. Д. Авксентьев, Е. К. Брешко-Брешковская, А. А. Аргунов, И. И. Фондаминский, В. М. Зензинов). Другая, куда вошли бы левоцентристы и немало центристов <...> защищала бы интересы трудящихся всеми легальными способами»²⁴. Поэтому проблемой (а возможно, и трагедией) ПСР как политической партии стало то обстоятельство, что этот раскол произошел так поздно.

В целом эсеровские (как и меньшевистские) эмигрантские авторы, признавая свои политические ошибки в 1917 г., главной причиной поражения всё же считали слабость тех общественных сил, на которые мог опереться в России демократический социализм. Социальной опорой демократии социалисты-революционеры считали «трудящийся класс» (рабочие, крестьяне, интеллигенция), а социал-демократы — пролетариат. Неудачный для социалистических партий исход российской революции был связан в первую очередь с тем, что эти общественные классы не успели в полной мере сформироваться и достигнуть необходимой степени зрелости. Их борьба против большевизма всегда имела существенные самоограничения и почти никогда не была последовательной.

Примечания

¹ Партия социалистов-революционеров после октябрьского переворота 1917 года : док. из архива П.С.-Р. / собрал и снабдил примечаниями и очерком истории партии в пореволюционный период *Marc Jansen*. Amsterdam, 1989 ; Партия социалистов-революционеров : док. и материалы : в 3 т. М., 2000. Т. 3, ч. 2 : Октябрь 1917—1925 г. ; «Мы, русские, — другие, мы созданы для испытаний» : письма В. М. Чернова,

1920—1941 / публ., вступ. ст., подгот. текста и коммент. *Г. В. Лобачевой, А. П. Новикова* ; науч. ред. проф. *И. Р. Плева*. Саратов, 2014.

² *Чубыкин И. В.* Российские социалисты-революционеры в эмиграции (1920-е годы) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1996 ; *Кукушкина И. А.* Путь социалистов-революционеров в эмиграцию (1918—1922) // Русский исход : сб. ст. СПб., 2004. С. 79—105 ; *Тикеев М. Д.* Эсеровская эмиграция 20—30-х гг. XX в.: идейные основы и общественно-политическая деятельность : дис. ... канд. ист. наук. М., 2004 ; *Сафонов И. А.* Социалисты-революционеры в эмиграции // Общественная мысль Русского зарубежья : энцикл. М., 2009. С. 90—117 ; *White E.* The Socialist Alternative to Bolshevik Russia : the Socialist Revolutionary Party, 1921—1939. N. Y., 2010 ; *Местковский Д. А.* Партия социалистов-революционеров в эмиграции в 1920-х годах. Пути возрождения организации: централизм или демократизм // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2012. № 1 (21). С. 44—55 ; *Мальхин К. Г.* Русское зарубежье 20—30-х годов XX века: оценка большевистского реформирования России. Ростов н/Д, 2014 ; Судьбы демократического социализма в России : сб. материалов конф. М., 2014 ; и др.

³ См.: Библиография русской революции 1917 г. и гражданской войны (1917—1921) / сост. *С. П. Постников* ; под ред. проф. *Я. Славика*. Прага, 1938 ; *Постников С. П.* Библиография : политика, идеология, быт и ученые труды русской эмиграции, 1923—1957. Прага, 1957 ; Народничество и народнические партии в истории России в XX в. : библиограф. справ. / сост. *М. И. Леонов, К. Н. Морозов, А. Ю. Суслов*. М., 2016.

Подробнее см.: *Nicolayewsky V. I.* Historique de la presse périodique de l'emigration socialiste russe, 1917—1937 // Bulletin of the International Institute for Social History. (1938). Vol. 2. P. 5—17 ; *Лисенкова Л. Н.* Постников С. П. об издательской деятельности партии эсеров // Российская эмиграция в Чехословакии (1918—1945). СПб., 1996. С. 19—24 ; *Базанов П. Н.* Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917—1988 гг.). СПб., 2008 ; *Он же.* Издательская деятельность Заграничной делегации партии социалистов-революционеров : на материалах Бахметевского архива (США) и ГАРФ (Россия) // Политические партии России: прошлое и настоящее : материалы конф. СПб., 2005. С. 263—273.

⁴ *Кожевин В. Л.* Историк — очевидец событий: «ситуация пограничья» // Мир историка, XX век. М., 2002. С. 79.

⁵ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6065. Оп. 1. Д. 63. Л. 4.

- ⁶ *Кудинова Н. Т.* Отечественная историография революции 1917 г. в России (1917—1995 гг.). Хабаровск, 1998. С. 53.
- ⁷ *Яров С. В.* Конформизм в Советской России: Петроград 1917—1920-х годов. СПб., 2006. С. 208—209.
- ⁸ Конференция Пражской группы партии социалистов-революционеров 1931 г. / публ. подгот. *А. П. Новиков и А. Ю. Суслов* // Вопросы истории. 2014. № 8. С. 3—26; № 9. С. 3—15; № 10. С. 3—14; № 11. С. 3—18; № 12. С. 3—19; 2015. № 1. С. 3—26; № 2. С. 3—15; № 3. С. 3—14; № 4. С. 3—17; № 5. С. 3—17.
- ⁹ Вопросы истории. 2014. № 10. С. 10—11.
- ¹⁰ Там же. № 11. С. 6.
- ¹¹ Там же. 2015. № 3. С. 9.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ В. М. Чернов: человек и политик: материалы к биографии. Саратов, 2004; *Коновалова О. В.* В. М. Чернов о путях развития России. М., 2009; *Аврус А. И., Голосеева А. А., Новиков А. П.* Виктор Чернов: судьба русского социалиста. М., 2015; *Иммонен Х.* Мечты о новой России: Виктор Чернов (1873—1952). СПб., 2015; *Коновалова О. В., Федорова В. И.* В. М. Чернов: от терроризма к пацифизму: эволюция мировоззрения и реалии Советской России // Российская история. 2016. № 1. С. 116—130; и др.
- ¹⁵ *Chernov V. M.* The Great Russian Revolution. New Haven, 1936. P. 397.
- ¹⁶ *Вишняк М.* Оправдание народничества // Новый журнал. 1952. Кн. 30. С. 225—242.
- ¹⁷ Там же. С. 227.
- ¹⁸ Там же. С. 230.
- ¹⁹ Там же. С. 233.
- ²⁰ Там же. С. 234.
- ²¹ Там же. С. 235.
- ²² О М. В. Вишняке см. подробнее: *Корицкий Э. Б., Бегидов А. М., Шетов В. Х.* Марк Вишняк. Нальчик, 1997.
- ²³ *Вишняк М.* Указ. соч. С. 237.
- ²⁴ *Морозов К. Н.* Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922—1926): этика и тактика противоборства. М., 2005. С. 410. См. также: *Морозов К. Н.* Эсеры о сущности и характере большевистского режима в годы гражданской войны // Идеи и идеалы. 2015. Т. 1, № 4 (26). С. 128—148.

Е. А. Аршавская, Н. Г. Юркин

**ВОСПРИЯТИЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЕЙ
И ЗАПАДНЫМИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛАМИ
(К постановке проблемы)**

Победа России в Отечественной войне — это победа силы духа над сверхсовременной, многочисленной, хорошо подготовленной и вымуштрованной армией. Победа, которую достигли, казалось бы, вопреки здравой логике. Концепт патриотизма, зародившийся в годы войны как идея защиты Отечества, впитал в себя и коммунистическую составляющую и белоэмиграционную. Само событие «Вторая мировая война» (Великая Отечественная война 1941—1945 годов) является многоаспектным явлением, значимость которого будет возрастать по мере прохождения времени и появления новых материалов.

Как совсем недавно указал в своем интервью академик В. А. Тишков, «в период Великой Отечественной войны выделилась тема русского народа и советского патриотизма. Она оформилась в концепт советского народа как новой исторической общности людей...»¹. Война для России действительно была народной. Рассмотрим, какие чувства породила она у представителей русской интеллигенции в СССР и зарубежных странах.

В Европе в период 20—30-х годов XX века проживало чуть более двух миллионов вынужденных переселенцев из царской России². Точную численность эмиграции установить очень сложно в силу различных причин. Поэтому в исторической литературе

© Аршавская Е. А., Юркин Н. Г., 2017

Аршавская Елена Алексеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Первого Московского государственного медицинского университета им. И. М. Сеченова. obrazrossii@yandex.ru

Юркин Николай Георгиевич — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории управления Ивановского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы. n_yurkin@mail.ru

можно встретить самые разные цифры³. Центром эмиграции считался Париж, а численность русских во Франции доходила до 400 тыс. человек⁴.

Говоря о белоэмигрантской интеллигенции, мы рассматриваем не всех белоэмигрантов, а ту социальную группу, которая включала интеллигентов по происхождению, роду занятий, вынужденных покинуть Россию (СССР) из-за несогласия с политикой советского правительства. В эмиграции, нередко оказавшись в стесненных жизненных обстоятельствах, они не всегда имели возможность заниматься интеллектуальным трудом и работали шоферами, официантами и т. д. Однако в системе ценностей представителей дореволюционной профессуры интеллектуальные стимулы преобладали над материальными⁵. Их отличали, по нашему мнению, такие качества, как трудоспособность, высокий образовательный уровень, профессионализм, знание иностранных языков, высокая коммуникативность.

Данная социальная группа не была однородной, в нее входили царские генералы (А. И. Деникин, П. Н. Врангель и др.), члены Государственной думы (П. Н. Милоков и др.), творческая интеллигенция. По своему составу эмиграция «объединила среднюю грамотную Россию, которая лежала между миллионами безграмотных и десятками аристократов»⁶. Вообще, по мнению ряда исследователей, в эмиграцию ушла значительная часть русского образованного слоя⁷. В предвоенный период русские эмигранты не были объединены. Хотя в то же время возникли и интеграционные образования белоэмигрантов. Например, 1 сентября 1924 года в Сербии Врангель подписал приказ об образовании Русского общевоинского союза (РОВС)⁸. С этого момента можно говорить о превращении Русской армии в эмигрантскую организацию. Врангель стремился объединить под своим началом всех российских военных за рубежом. Поэтому в РОВС был открыт доступ ветеранам армий А. В. Колчака, Н. Н. Юденича и других вождей Белого движения. В 1920-х годах данная организация объединила около 100 тыс. человек⁹.

На протяжении 1920—30-х годов в состав РОВС включались группы участников Белого движения, проживавшие не только в Европе, но также в США, Южной Америке, Китае и других странах и регионах¹⁰. За это время в российской эмиграции было

создано огромное количество организаций и объединений разной политической направленности¹¹. Но как бы то ни было, большая часть интеллигенции негативно относилась к советской власти¹². Впрочем, отметим, что многие эмигранты «критиковали не столько политику большевиков, которые, по их мнению, решили даже задачи, с которыми не справилось Временное правительство, сколько методы, использовавшиеся для этого»¹³.

Тем не менее, учитывая критичное отношение к большевикам, Гитлер полагал, что «цвет русской нации», интеллигенты, вынужденные покинуть Россию, будут приветствовать германскую армию, так как для них появится возможность вернуться в Россию. Иными словами, собираясь в поход на СССР, Гитлер учитывал не только численное превосходство германской армии, ее оснащенность современным для того времени оружием, но и некоторые факторы, относящиеся к внешней и внутренней ситуации в СССР, которые, как он полагал, будут способствовать успеху его кампании. Немалые надежды германское командование возлагало на белоэмиграцию, проживавшую в разных странах Европы.

Однако эмигранты, следившие с большим вниманием за экспансией Европы Германией, не высказали ожидаемого восторга. Впрочем, этот вопрос решается далеко не однозначно. Факт нападения Германии на СССР явился своего рода водоразделом, поворотным пунктом в определении эмигрантами своей позиции. Им предстояло сделать мучительный выбор: если поддержать СССР — значит оказать поддержку большевикам, и не все были на это согласны. Надо сказать, в эмигрантских кругах обсуждались возможные способы возвращения в Россию. И многие действительно полагали, что можно «вернуться и в немецком обозе», надеялись на помощь Германии в избавлении России от большевизма. Большинство эмигрантов все годы между двумя мировыми войнами жили с мыслью, что им еще придется с оружием в руках бороться с большевиками. Понимая, что самим с советской властью им не справиться, и помня, как англичане и французы предали Белое движение в годы Гражданской войны, эмиграция строила планы в расчете на Германию. В Болгарии, Румынии, Греции, Польше русские эмигранты молча одобряли действия Гитлера, а порой даже вступали в фашистские организации¹⁴. Как пишет Л. П. Решетников: «Иллюзии эмигрантов, ставших на путь

сотрудничества с Гитлером, во многом объяснимы. В большинстве случаев это были офицеры-службисты, выпускники кадетских корпусов, станичники. Для них слово отцов-командиров значило очень много. А те — генералы Краснов, Шкуро, Абрамов, Вдовенко и другие — за долгие годы эмиграции “заигрались” в политику, запутались в связях с иностранными спецслужбами, в своих собственных амбициях и подтолкнули часть эмиграции к ошибочному шагу»¹⁵.

Однако тезис о том, что чуть ли не вся эмиграция поддержала А. Гитлера, не выдерживает критики. Пораженческие настроения испытывали лишь 10—15 % эмиграции, остальные 85 % желали победы Красной армии¹⁶. В одной из своих статей И. Ильин писал: «Я никогда не мог понять, как русские люди могли сочувствовать национал-социалистам... Они враги России, презиравшие русских людей последним презрением... Коммунизм в России был для них только предлогом, чтобы оправдать перед другими народами и перед историей свою жажду завоевания. Германский империализм прикрывался антикоммунизмом»¹⁷.

Например, во Франции количество эмигрантов, желавших победы фашистам, было незначительным. Другие же участвовали в Сопrotивлении. Впрочем, эта часть также была небольшой (1—1,5 %). «Нельзя было ожидать, — пишет современный историк, — что вся она, как один, вольется в ряды коммунистического Сопrotивления и с оружием в руках встанет на защиту Советского Союза. Слишком много крови и несчастий принесла им советская власть, слишком тяжелы были воспоминания о гражданской войне, потере родных и близких, отчего дома, жизнь в изгнании»¹⁸. Третьи принимали участие в борьбе с фашизмом в армиях Франции, Великобритании, США или в Сопrotивлении некоммунистического толка. Однако точное количество белоэмигрантов, боровшихся с фашизмом, определить достаточно сложно, поскольку многие фигурировали в документах союзных армий и в движении Сопrotивления под другими именами и фамилиями¹⁹. Четвертые — заняли позицию «неучастия». При этом, по мнению некоторых исследователей, именно к этой категории относилось до 60 % белоэмигрантов²⁰. Также расколоты оказались и эмигранты в других частях света²¹.

Но даже непримиримые борцы с большевиками желали победы русскому оружию. А. И. Деникин, наиболее влиятельный деятель русской эмиграции, призывал эмигрантов не поддерживать Германию в войне с СССР, неоднократно называя всех сотрудничавших с немцами представителей эмиграции мракобесами, пораженцами и гитлеровскими поклонниками²². Свою позицию он поясняет следующим образом: «Я боролся с большевизмом, а не с русским народом»²³. Бывший член Государственной думы П. Н. Милюков, проживавший в Праге, также заявил, что в случае войны эмигранты должны поддержать свою Родину²⁴. Высокий патриотический настрой высказывал Великий князь Кирилл Владимирович. Он всячески подчеркивал единство, преемственность Царской и Красной армий, утверждая, что «нет двух русских армий, по обе стороны рубежа Российского Единая Русская Армия, беззаветно преданная России»²⁵. Правда, это не означало отказа от антибольшевистской риторики. В частности, А. И. Деникин рассчитывал после победы над фашизмом «вернуть штыки» Красной армии против большевиков²⁶.

Что же привело к тому, что надежды А. Гитлера на поддержку белоэмигрантов не оправдались? Во многом это было обусловлено особенностями русского менталитета, которые не утратили «вынужденные переселенцы». Здесь, как нам представляется, следует указать на следующие факторы.

Вспомним, что для белоэмигрантов послеоктябрьского периода, несогласных с политикой правительства при новом строе, наиболее страшным наказанием была не смерть, а депортация, высылка из страны, потеря связи с родными корнями. В частности, исследовательница жизни русских ученых-эмигрантов В. Ю. Волошина подчеркивает, что «ориентация на возвращение на Родину стала существенным психологическим тормозом их адаптации»²⁷ в зарубежных странах. Например, князь Н. Д. Лобанов-Ростовский, родившийся в семье белоэмигрантов, отмечает: «По существу, у большинства наших эмигрантов полностью отсутствует римское понимание мира — “где хорошо, там и родина”. У всех нас есть внутренняя связь с Россией, эмоциональные личные “скрепы” с Общиной... Общеизвестное выражение “Россия-Матушка” — отнюдь не пустой звук для скитальца»²⁸. Вместе с тем, по нашему мнению, нельзя согласиться

с выводом князя о том, что этим «белоэмигрант отличается от соотечественников, живущих в России»²⁹.

Каждая культура обладает определенными особенностями, т. е. она включает некие константы, ценности, свойственные только ей и делающие ее уникальной. Например, для немецкой культуры характерна такая константа, как «порядок»³⁰, для английской (британской) — «здоровый смысл»³¹, и т. д. Для русской культуры основными ценностями стали «Родная Земля», «Родина», «родной человек»³². В русской культуре «родная земля», «Отечество», «Родина», «родной человек» являются основными концептами, составляющими особенность менталитета русского человека. Таким образом, подобные воззрения характерны не только для белоэмигрантов, но и в целом для менталитета русского человека. «Для верующего — Отечество — дар божий, врученный для непрерывного национально-исторического активного созидания, а неизбежные падения не отчуждают от Родины даже человека, разочаровавшегося в сегодняшней жизни в государстве»³³. Не секрет, что отношение к войне даже и у граждан СССР до начала ее было неоднозначным, так как в стране проживали раскулаченные, репрессированные, несправедливо осужденные и т. п., глубоко обиженные советской властью. Например, в воспоминаниях сына дважды раскулаченного читаем, что отец, уходя на фронт, сказал жене: «Я эту власть защищать не буду, сдамся в плен». Но через 3 месяца семья стала получать письма с фронта, в которых отец семейства писал: «Они хотят уничтожить Россию и наш русский народ». Тот человек героически погиб под Ленинградом³⁴.

Именно Родину защищали беззаветно солдаты Красной армии, без нее не могли представить себе жизни русские эмигранты, разделявшие «власть» и «Отечество». Ряд побед Германии в Польше, Скандинавии, Франции, на Балканах убедили немцев, что их армия непобедима и потребуются 3—4 недели для завоевания СССР. Однако немецкие солдаты, прошедшие Францию и Балканы, с удивлением отмечали, что в отличие от французов, попав в окружение, советские солдаты продолжают отчаянно сопротивляться³⁵.

Таким образом, тезис «Отечество в опасности» стал интегрирующим фактором и для большинства русских людей. Значительная

часть эмигрантов увидела в агрессии Гитлера против СССР не борьбу фашизма с ненавистным коммунистическим режимом, а войну на уничтожение горячо любимой Родины. Поэтому нападение Германии воспринималось и советской и белоэмигрантской интеллигенцией как общая национальная трагедия*.

Обратим внимание, что именно к этому чувству апеллировал и Верховный Главнокомандующий Вооруженных сил СССР И. В. Сталин. Содержание его выступления по радио 3 июля 1941 года оказалось неожиданным, основное внимание было сосредоточено на защите Отечества — главной ценности русской культуры. В нем прозвучала идея о сплочении русской нации как на Родине, так и за ее пределами в борьбе за единство и целостность Отечества. Эта же мысль проходила красной нитью и во время выступления Иосифа Виссарионовича 7 ноября на трибуне Мавзолея перед бойцами Красной армии³⁶. Как можно предположить, он знал об обращении к верующим митрополита Сергия, главы Русской Зарубежной Православной Церкви, сделанном в первый же день Великой Отечественной войны, в котором он призвал народ стать на защиту границ Родины, а Церковь — разделить судьбу народа³⁷. Поэтому обращение И. В. Сталина начинается словами «Братья и Сестры». В целом, как отмечают исследователи, в речи Сталина имеется несколько текстовых заимствований из данного обращения. Кроме того, в выступлении слова «Родина», «Отечество» упоминались семь раз, и лишь по одному разу «большевик» и «партия»³⁸. Видимо, Иосиф Виссарионович осознавал, что одержать победу в битве с таким врагом можно лишь объединив все силы, невзирая на факторы, разобщающие советское общество и белоэмигрантов.

Еще одна характерная черта русского интеллигента — чувство исторической преемственности. Это ощущение принадлежности не только к конкретному этапу истории, но ко всей многовековой истории Отечества и его будущего, за пределами своего личного жизненного пути³⁹. Вот как мотив связи с предшествующим поколением звучит в поэзии К. М. Симонова:

---

* Отвлекаясь от темы, отметим, что, по нашему мнению, такое отношение к Отчизне является родовой чертой российской интеллигенции, которая присуща большинству ее представителей вне времени и пространства.

Как будто за каждую русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся
За в бога не верящих внуков своих.
Ты знаешь, наверное, всё-таки Родина —
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти поселки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил⁴⁰.

Это чувство также характерно для значительной части белой эмиграции. Например, Г. П. Федотов писал: «Лицо России не может открыться в одном поколении, современном нам. Оно в живой связи всех отживших родов, как музыкальная мелодия в чередовании умирающих звуков. Падение, оскудение одной эпохи — пусть нашей эпохи — только гримаса, на мгновение исказившая прекрасное лицо, если будущее сомкнется с прошлым в живую цепь.

Как ответим мы на вопрос: где лицо России?

Оно в золотых колосьях ее нив, в печальной глубине ее лесов.

Оно в кроткой мудрости души народной.

Оно в звуках Глинки и Римского-Корсакова, в поэмах Пушкина, в эпосах Толстого.

В сияющей Новгородской иконе, в синих главах Угличских церквей.

В “Слове о Полку Игореве” и в “Житии протопопа Аввакума”.

Оно в природной языческой мудрости славянской песни, сказки и обряда.

В пышном блеске Киева, в буйных подвигах дружинных витязей, “боронивших Русь от поганых”.

В труде и поте великоросса, поднимавшего лесную целину и вынесшего на своих плечах “тягло государево”.

В воле Великого Новгорода и художественном подвиге его.

В одиноком трудовом послушании и “умной” молитве отшельника-пахаря, пролагавшего в густой чаще пути для христианской цивилизации.

В дикой воле казачества, раздвинувшего межи для крестьянской сохи до Тихого океана.

В гении Петра и нечеловеческом труде его, со всей семьей орлов XVIII века создавших из царства Московского державу Российскую.

В молчаливом и смиренном героизме русского солдата-мученика, убелившего своими костями Европу и Азию ради прихоти своих владык, но и ради цельности и силы родной земли.

Оно в бесчисленных мучениках, павших за свободу, от Радищева и декабристов, до безымянных святых могил 23 марта 1917 года.

Оно везде вокруг нас, в настоящем и прошлом — скажем твердо: и в будущем»⁴¹.

К этому же чувству обращались и авторы воззвания Белой армии, написанного в 1918 году, приводя в пример имена славных русских полководцев — Дмитрия Донского, Александра Суворова, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Невского, Михаила Кутузова. По мнению специалистов, та часть текста вышеупомянутых речей Верховного Главнокомандующего СССР, когда он обращается к истории Российского государства и подчеркивает связь поколений, напоминая воинам о славных победах русских военачальников, является заимствованием из данного воззвания и по сравнению с оригиналом включает имена Ивана Грозного и генерала Скобелева⁴². Обращаем на это внимание, поскольку относительно недавно закончилась Гражданская война, соответственно, уже появились и новые советские герои. Тем не менее, И. В. Сталин предпочитает вспоминать в своих выступлениях имена героев, общих для советского и эмигрантского общества. По-видимому, это также было направлено на преодоление разобщенности русского народа, вызванной Октябрьской революцией и Гражданской войной.

Во многом и сам план ОСТ, по которому предполагалось выселение со своих земель поляков, чехов, французов и т. д., оттолкнул эмиграцию от Гитлера. В соответствии с ним германизации должны были подвергнуться некоторые регионы Украины, Кавказа, стерты с лица земли Москва и Ленинград⁴³. Русские эмигранты не могли согласиться с уничтожением славян как низшей расы, принять уничтожение русского языка и русской культуры. Сама мысль об этом была им невыносима. Вдали от Родины белоэмигранты смогли вырастить детей, дать им образование, профессию, но, главное, сохранить русский язык и культуру, они стремились избежать ассимиляции. Сохранение Отечества

для будущих поколений было выше желания отомстить, увидеть при жизни крах ненавистного «режима». Они не отождествляли Россию с большевистской властью и хотели вернуться на Родину, но не любой ценой, особенно когда шла речь о сохранении или уничтожении русского языка и русской культуры.

Всё это пробудило еще одну черту русского человека — способность к самопожертвованию ради сохранения Отечества. И речь здесь идет не только о подвигах героев Великой Отечественной войны, которые отдали свою жизнь для приближения победы над фашизмом. Жертвенность могла проявляться по-разному*.

Это и действия солдат Красной армии, которые беззаветно сражались на полях войны. «Не пропагандистским мифом, а доказанным и массовым историческим фактом, — пишет А. Э. Ларионов, — являются очереди в военкоматы... формируемые из студентов, аспирантов, учителей, преподавателей вузов и сотрудников научных лабораторий, которые умудрялись обходить все запреты и пресловутую “бронь”... Конечно, с точки зрения социальной прагматики можно критически отнестись к подобным фактам, ведь ценность квалифицированного научного работника либо опытного педагога, одаренного, пусть и недоучившегося студента априори предполагает недопустимость самой возможности его гибели в окопах... Однако существовало еще и человеческое измерение, каковое в данном случае проявилось в осознании моральной недопустимости “отсиживаться” в тылу, в то время как на фронте ежедневно погибают тысячи людей»⁴⁴. Есть примеры такого героизма среди представителей и других творческих профессий⁴⁵.

Участие белоэмигрантов в движении Сопротивления на территории Европы тоже было высоким образцом жертвенности. Приведем лишь несколько примеров героинь-эмигранток, участвовавших в Сопротивлении во Франции и погибших в борьбе

---

* Здесь мы сознательно делаем акцент на деятельности представительниц интеллигенции. Этим мы несколько не умаляем вклад в общую победу представителей других социальных групп, поскольку выше уже говорилось, что жертвенность была характерна для большинства населения страны и представителей эмиграции. Данная выборка predetermined тематикой нашей статьи.

с фашизмом: княгиня В. А. Оболенская, обезглавленная в тюрьме Плетцензее, которую ошеломленные ее мужеством гестаповцы прозвали «Княгиня Ничего не знаю» (Prinzessin ich-Weiss-Nicht)⁴⁶; Е. Ю. Кузьмина-Караваева («Мать Мария»), которая погибла в концлагере Ревенсбрюк; Ариадна Скрябина (дочь композитора Скрябина), погибшая в стычке с пэтэновскими жандармами⁴⁷, и др.

Это и готовность тружеников тыла терпеть лишения и работать по 10—11 часов в сутки ради обеспечения фронта всем необходимым⁴⁸. Жертвенность белоэмигрантов проявлялась и в готовности тратить собственные средства для обеспечения Красной армии медикаментами, провиантом и оружием. Например, экзарх Русской Церкви в Америке митрополит Вениамин (Федченков), известный в русском зарубежье как один из духовных лидеров Белого движения, организовывал денежные сборы на нужды Красной армии и служил благодарственные молебны в связи с ее победами⁴⁹. Другой пример: С. В. Рахманинов, проживавший в США, пожертвовал в пользу Красной армии в 1941 году 8 тыс. дол., полученных от двух концертов. С 14 октября 1941 года по февраль 1942 года он дал благотворительные концерты в 39 городах США. На замечание своего помощника Н. Б. Мандровского о плохом здоровье и финансовой убыточности концертов, Рахманинов ответил: «Я буду играть для России снова и снова... Я — русский, и для меня естественно участвовать в этой борьбе»⁵⁰. Всё это показывает готовность русской и советской интеллигенции интегрироваться перед лицом общей беды.

Таким образом, связь с Родиной, с родной землей, ответственность за нее — вот что помогло России выстоять. Несмотря на территориальную разобщенность русского народа в 1920—30-х годах (советское общество и русские диаспоры за рубежом) война заставила его объединиться осознанием духовной принадлежности к исторической родине, традициям, культуре.

Определенный интерес представляет и то, что происходило по «ту сторону фронта», в оккупированных странах, ведь победа в борьбе с фашизмом была общей. Так, деятельность отрядов Сопротивления во Франции, антифашистское движение в европейских странах и участие в нем советских военнопленных, узников

концлагерей рассматривалось в ряде исследований⁵¹. С точки зрения нашей статьи справедливым будет обращение к мировоззрению западных интеллектуалов.

Интеллигенты (интеллектуалы) Германии стали первыми, кто испытал на себе перемены, происходившие в этой стране. И по мере того, как обострялась (ужесточалась) политика германского правительства по отношению к представителям отдельных национальностей, деятелям науки, искусства и др., некоторые интеллектуалы стремились покинуть Германию, так как хотели чувствовать себя в безопасности, обосноваться там, где они смогли бы продолжать работу (заниматься наукой, сниматься в кино и т. д.). Оказавшись в 30-е годы перед дилеммой: признать установившийся в Германии режим или встать на путь борьбы с ним, около 250 немецких писателей и поэтов эмигрировали в другие страны⁵². В частности, немецкий писатель Эрих Мария Ремарк покинул Германию одним из первых, за антивоенные произведения национал-социалисты совершили символическую казнь — сожгли его книги. Уехала немецкая актриса Марлен Дитрих⁵³. Следует отметить, что деятели мировой культуры четко обозначили свою позицию, отношение к тому, что происходило в Германии. В 1940 году Чарли Чаплин выпустил фильм «Великий диктатор», в котором сыграл главу рейха и высмеял притязания А. Гитлера на мировое господство⁵⁴, а М. Дитрих не раз отказывалась принимать участие в съемках немецких картин⁵⁵. Те же, кто остался в стране, предпочитали заниматься своим делом, не вмешиваясь в политику. Например, Меллер ван ден Брук «предпочитал сохранять независимость литератора, интеллектуала и создавать вне партийных рамок определенные культурные смыслы». Причем это было характерно для большого количества «консервативных интеллектуалов» в Германии⁵⁶.

Что касается оккупированной Европы, то и здесь отношение ко Второй мировой войне было «неоднозначным». Не случайно период с сентября 1939 года (нападение Германии на Польшу) до июня 1940 года (капитуляция Франции) получил название «странной войны», поскольку враждующие стороны вели только бои локального значения⁵⁷. В июне 1940 года Париж был оккупирован, однако, как отмечал в своих воспоминаниях французский певец Шарль Азнавур, жизнь в городе продолжалась.

Кафе и рестораны были открыты, и певец выступал там со своими программами⁵⁸. Весной 2015 года в Москве проходил концерт этого французского певца армянского происхождения. В это время он встречался с журналистами, которые задавали ему ряд вопросов, в том числе и относившихся к «военному» периоду его жизни. В частности, В. Познер спросил у Ш. Азнавура, что тот делал во время войны, и услышал неожиданный для русского человека ответ: «Я делал спектакли. Играл в ревю, пел в кабаре, играл в спектаклях. Я продолжал жить своей профессией, вот и всё»⁵⁹. Таким образом, складывается впечатление, что с точки зрения западного интеллектуала к жизни в Париже, в оккупированных странах в «новых условиях» можно было приспособиться, адаптироваться. Интеллектуальная элита Франции не воспринимала захват своей страны как трагедию.

Конечно же, нельзя сбрасывать со счетов движение Сопротивления, развернувшееся в оккупированной Европе в военный период. Но, во-первых, как пишет А. Васильченко, национальный состав «позволяет говорить о “французском сопротивлении” лишь с точки зрения территорий, на которых предпринимались боевые акции. Собственно французы стали активно попадать в партизанские отряды только после того, как состоялась высадка союзников в Нормандии, и вопрос о судьбе Франции был фактически предрешен. До этого момента костяки партизанских отрядов составляли бойцы интербригад разных национальностей... В общем, до 1943 года включительно значительная часть французов выступала за союз с Германией, полагая партизан-маки “бандитами”, лишь провоцирующими насилие»⁶⁰. Во-вторых, обратим внимание на цифры. В целом французское движение Сопротивления насчитывало около 40 тыс. бойцов, из них 3 тыс. — русские эмигранты и военнопленные. Примечательно в этом отношении, что сам термин «Сопротивление» произошел от названия одноименной газеты, подпольно издававшейся в оккупированном Париже российскими эмигрантами Б. В. Вильде и А. С. Левицким⁶¹. Точное количество воевавших в рядах вермахта французов «не смогли бы назвать даже педантичные немцы, поэтому остается только обратиться к цифрам оказавшихся в советском плену французских граждан — 23 136 человек»⁶² (и это только в Советском Союзе). Сама эта цифра весьма показательна, т. е. французы

оказались «по обе стороны фронта». То же самое касается и других европейских стран.

Вместе с тем представители интеллектуальной элиты вносили свой вклад в борьбу с фашизмом: помогали укрываться евреям, заботились о раненых. Пример — популярная певица Эдит Пиаф. Из оккупированного Парижа на поезде она добиралась до Берлина, где давала концерты для заключенных, находившихся в тюрьмах и ожидавших отправки на работу в Германию. Разрешение на проведение концертов Пиаф утверждалось германским командованием на самом высоком уровне. Знакомые певицы рассказывали, что после концерта она фотографировалась со своими слушателями, снимки передавались участникам движения Сопротивления, с которыми Эдит была знакома. Фотографии использовали для изготовления фальшивых документов на другие фамилии, что давало возможность заключенным совершить побег. «Сколько таких случаев было — трудно сказать, — отмечали друзья певицы. — Да и сама певица не могла упоминать эти моменты, как и участники эпизодов, они не хотели подвести певицу»⁶³. Уже это показывает некоторую дистанцированность интеллектуальной элиты от движения Сопротивления.

Как нам представляется, это связано со следующими особенностями. В основе западной культуры лежит индивидуализм, то есть она ориентирована на человека, который рассматривается как первичная и приоритетная ценность. Поэтому он живет для самого себя, а не для того, чтобы служить какому-нибудь высокопоставленному человеческому существу или сверхъестественной силе⁶⁴. Именно поэтому европейские интеллектуалы в период войны видели «трагедии маленького человека», а не трагедию народа, Родины. Отсюда, с одной стороны, желание помочь конкретному человеку, а с другой — неспособность к самопожертвованию на благо Родины.

Показательно в этом отношении высказывание народного артиста СССР В. С. Ланового. Как отмечает Василий Семёнович, в Европе журналисты его не раз спрашивали: «Что вы в России со своей Победой носите? Вот мы уже забыли». В. С. Лановой задал встречный вопрос: «Сколько дней ваши страны сопротивлялись Гитлеру?» Так как журналисты не смогли ничего сказать, то он сам дал ответ: «Польша была завоевана за 28 дней, и за те же

28 дней в Сталинграде немцы смогли захватить всего несколько домов. Дания продержалась ровно день»⁶⁵. Это касалось и других европейских стран, в частности Франции. Кампания против Франции, которая была одной из крупнейших военных держав того времени (если не брать в расчет период «странной войны»), продолжалась всего 44 дня⁶⁶.

Нельзя не указать и на некоторые параллели, которые можно провести в наши дни. Сегодня часть российской интеллигенции, усвоившая западные ценности, делает попытку иначе взглянуть на события Великой Отечественной войны. Достаточно вспомнить скандальное заявление А. Бильжо, появившееся в последнее время, относительно подвига Зои Космодемьянской⁶⁷. Отмечая справедливость возмущения, которое вызвало это заявление среди основной части интеллигенции, попытаемся оценить данное мнение в контексте выводов по нашей статье. Представляется, что А. Бильжо, усвоивший индивидуализм в качестве основополагающей ценности, искренне не понимает, как могла молодая девушка пожертвовать собой во имя страны, Родины. Поэтому он и объясняет поведение З. Космодемьянской психическим заболеванием. Как нам кажется, он пытается самому себе доказать свою «нормальность», объясняя способность к самопожертвованию психическим заболеванием («ненормальностью» с позиций индивидуализма).

Проведенное исследование позволяет сделать и еще ряд выводов. Вторая мировая война неоднозначно оценивалась русской интеллигенцией и западными интеллектуалами. Интеллигенция России, до того разобщенная территориально и идеологически, увидев в нападении Германии угрозу существования Родины, смогла объединиться и выступить единым фронтом против фашистов. Это произошло благодаря тому, что в деятельности белоэмигрантской и советской интеллигенции в этот период активизировались лучшие качества русского национального характера — беззаветная любовь к Отчизне (при разделении государства и Родины), чувство сопричастности к истории великой страны, готовность самопожертвования ради великой цели. Во многом именно это помогло советскому народу выстоять в дни страшной трагедии для всего Русского Мира.

Европейские интеллектуалы увидели в войне лишь одну из страниц европейской истории. Безусловно, они пытались оказать посильную помощь страдающим людям. Однако индивидуализм, свойственный европейцам, не позволил им объединиться и выступить единым фронтом против общей угрозы. Мы разделяем мнение, что именно интеллигенция, интеллектуалы в любой стране во многом формулируют повестку дня. Поэтому, вследствие такой позиции интеллектуалов, и народ и правительство не объединились в той ситуации и Европа достаточно легко «преклонила голову» перед завоевателем.

Мы отдаем себе отчет в том, что в небольшой по объему статье невозможно раскрыть полностью все вопросы восприятия войны вообще и Второй мировой войны в частности. Поэтому и считаем данную тему достаточно перспективной для научного поиска. Полагаем, что дальнейшее изучение обозначенной проблематики откроет новые страницы не только в истории войны, но и в истории интеллигенции. Изучение складывания менталитета русского человека и европейца, российской интеллигенции и западных интеллектуалов помогут в будущем лучше понять друг друга и наладить российско-европейские отношения, которые в настоящее время находятся в кризисе.

Примечания

- ¹ Академик Тишков: «Отрицать русский народ как объективный факт могут только шизофреники» // Газета Культура : духовное пространство русской Евразии. 2015. 1 июля. URL: <http://portal-kultura.ru/articles/person/104101-akademik-tishkov-otritsat-russkiy-narod-kak-obektivnyy-fakt-mogut-tolko-shizofreniki/> (дата обращения: 07.01.2017).
- ² См., напр.: *Лебедево Р. В.* Участие российской эмиграции и советских военнопленных во французском движении Сопротивления в годы Второй мировой войны, 1939—1945 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2011.
- ³ *Голотик С. И., Зимица В. Д., Карпенко С. В.* Российская эмиграция 1920—30-х гг. // Новый исторический вестник. 2002. Вып. 7.
- ⁴ *Лебедево Р. В.* Политический выбор российской эмиграции во Франции в период Великой Отечественной войны // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 6. С. 37.

- ⁵ См. подробнее: *Пивовар Е. И.* Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М., 2008 ; *Политическая история русской эмиграции, 1920—1940 гг. : док. и материалы / под ред. А. Ф. Киселева.* М., 1999 ; *В поисках пути : русская интеллигенция и судьбы России.* М., 1992.
- ⁶ *Изгоев А. С.* Рожденные в революционной смуте (1917—1932). Париж, 1933. С. 3—4.
- ⁷ См., напр.: *Назаров М.* Миссия Русской эмиграции. Ставрополь, 1992.
- ⁸ Приказ генерала Врангеля № 35. Сремски Карловцы, 1 сентября 1924 г. // *Политическая история русской эмиграции.* С. 10—11.
- ⁹ *Шкаренков Л. К.* Агония белой эмиграции. М., 1987. С. 37—40.
- ¹⁰ *Цурганов Ю.* Белоэмигранты и Вторая мировая война : попытка реванша, 1939—1945. URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/1003702/Curganov_Yuriy_-_Beloemigranty_i_Vtoraya_mirovaya_voyna._Popytka_revansha._1939-1945.html (дата обращения: 08.01.2017).
- ¹¹ Там же.
- ¹² Как жили белоэмигранты за рубежом // *Pravda.ru.* URL: <http://www.pravda.ru/society/fashion/tendencies/12-03-2016/1293769-artamonov-0/> (дата обращения: 08.01.2017).
- ¹³ *Урядова А. В.* Советская Россия в восприятии эмиграции // *Власть.* 2008. № 9. С. 127.
- ¹⁴ *Синкевич К. Ф.* Вне родины. М., 2004. С. 194—195.
- ¹⁵ *Решетников Л. П.* Любовь к родине оказалась сильнее классовой ненависти : (к вопросу о позиции белой эмиграции во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.) // *Перспективы : Фонд исторической перспективы.* URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=88828> (дата обращения: 06.01.2017).
- ¹⁶ *Нарочницкая Н. А.* За что и с кем мы воевали? М., 2005. С. 13.
- ¹⁷ Цит. по: *Решетников Л. П.* Указ. соч.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ См., напр.: *Прохоров Ю. И.* Казаки за Россию // *Сибирский казачий журнал* (Новосибирск). 1996. № 3 ; *Иванов С. В.* Русская эмиграция во Второй мировой войне // *Русский офицер* (Новосибирск). 1997. № 3—4.
- ²⁰ *Решетников Л. П.* Указ. соч.
- ²¹ См., напр.: *Мосейкина М. Н.* Русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920—1960-е гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2012. С. 30—31.
- ²² См.: *Трапезников Л.* Русская эмиграция во Второй мировой войне // *Lib.ru : журн. «Самиздат».* URL: http://samlib.ru/t/trapeznikow_1_w/100.shtml (дата обращения: 06.01.2017).

- ²³ Деникин А. И. Путь русского офицера. М., 1991. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/denikin_ai/index.html (дата обращения: 05.01.2017).
- ²⁴ Милуков П. Н. Правда о большевизме // Русский патриот. Париж, 1944. № 3. 11 нояб.
- ²⁵ Россия в изгнании. Судьбы российских эмигрантов за рубежом. М., 1999. С. 257—258.
- ²⁶ Любимов Л. На чужбине. М., 1963. С. 277. См. подробнее: Денисов С. И. Деникин о теории и практике германского фашизма // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences Scholar. 2014. № 3—4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/denikin-o-teorii-i-praktike-germanskogo-fashizma> (дата обращения: 06.01.2017).
- ²⁷ Волошина В. Ю. Социальная адаптация российских ученых-эмигрантов в 1920—1930-е гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Омск, 2012. С. 21.
- ²⁸ Кн. Н. Лобанов-Ростовский, Е. Евтушенко : «Я» и «Мы»: белоэмигранты и Россия // Новый Журнал : лит.-худож. журн. русского Зарубежья. 2006. № 244. URL: <http://magazines.russ.ru/nj/2006/244/kn25.html> (дата обращения: 06.01.2017).
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ См., напр.: Медведева Т. С. Ключевые концепты немецкой лингвокультуры : моногр. / под ред. Т. И. Зелениной. Ижевск, 2011.
- ³¹ Ефимова Н. И. Реализация концептов «английскости» в современных экранизациях британской классики // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Филология. Искусствознание. 2014. № 2 (3). С. 43—46.
- ³² Степанов Ю. С. Константы русской культуры : слов. М., 2001. С. 171.
- ³³ Нарочницкая Н. А. Указ. соч. С. 13.
- ³⁴ За матушку-Россию! На войну шли защищать Родину, а не советскую власть // Аргументы и Факты. 2016. 22 июня.
- ³⁵ Ванюков Д. И., Гусарьков А. И. Великая Отечественная война. М., 2007. С. 720.
- ³⁶ Сталин И. В. Речь на Красной площади 7 ноября 1941 года // Сочинения. М., 1997. Т. 15. С. 84—86.
- ³⁷ Послание Митрополита Сергия (Страгородского) 22 июня 1941 года // Седмица.RU : церковно-научный центр «Православная энциклопедия». URL: <http://magazines.russ.ru/nj/2006/244/kn25.html> (дата обращения: 21.01.2017).
- ³⁸ Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947. С. 9—17. См. также: Емельянов Ю. В. Сталин : на вершине власти. М., 2003. С. 225.
- ³⁹ Нарочницкая Н. А. Указ. соч. С. 13.
- ⁴⁰ Симонов К. Собрание сочинений : в 10 т. М., 1979. Т. 1. С. 88.

- ⁴¹ Федотов Г. П. Лицо России // Свободные голоса. СПб., 1918. № 1. Стб. 17—18. Мы приводим достаточно объемную цитату Г. П. Федотова, поскольку полагаем, что из нее невозможно исключить хотя бы одно слово, не обедняя при этом общего смысла высказывания.
- ⁴² Филиппова О. А. Обучение эмоциональному речевому воздействию : учеб. пособие. М., 2002.
- ⁴³ Мединский В. Война : мифы СССР, 1939—1945. М., 2013. С. 93—96.
- ⁴⁴ Ларионов А. Э. Интеллигенты в окопах : Великая Отечественная война глазами воинов-студентов и преподавателей // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. 2013. № 2. С. 63.
- ⁴⁵ См., напр.: Кузьмина В. М. Вклад артистов, драматургов и композиторов Центрального Черноземья в военную и трудовую мобилизацию населения в годы Великой Отечественной войны // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2012. Вып. 2.
- ⁴⁶ Ковалев М. Участие русской эмиграции во Франции в борьбе с фашизмом // Военно-исторические исследования в Поволжье : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2006. Вып. 7. С. 313.
- ⁴⁷ Лебедева Р. В. Политический выбор российской эмиграции во Франции... С. 38—40.
- ⁴⁸ См., напр.: Кантор Л. М. Промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны. СПб., 1991 ; Храмова Е. Л. Тыл России в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Самара, 2000.
- ⁴⁹ Прохоров Ю. И. Указ. соч.
- ⁵⁰ Цит. по: Васин А. Н., Велембовская К. М. Комитет «Помощь России в войне». Американская гуманитарная помощь СССР в годы Великой Отечественной войны // Континент : интернет-газета. URL: http://kontinentusa.com/komitet-pomoshh-rossii-v-vojne-amerikanskaya-gumanitarnaya-pomoshh-sssr-v-gody-velikoj-otechestvennoj-vojny/#_ftn33 (дата обращения: 06.01.2017).
- ⁵¹ См., напр.: О чем не говорилось в сводках : воспоминания участников движения Сопротивления. М., 1962 ; Семряга М. М. Советские люди в европейском движении Сопротивления. М., 1970.
- ⁵² Никифоров Ю. А. Вторая мировая война и литература // Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова. URL: http://mggu-sh.ru/sites/default/files/voyna_i_literatura.pdf (дата обращения: 21.01.2017).
- ⁵³ Дитрих М. Азбука моей жизни. М., 1997.
- ⁵⁴ Волков Е. В. «Гитлера необходимо было высмеять» : (фильм «Великий диктатор» как сатира на тоталитаризм) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2014. Вып. 2. Т. 14. С. 10.

- ⁵⁵ *Дитрих М.* Указ. соч.
- ⁵⁶ *Смирнов Д. А.* Трансформации современного мира в критике западно-европейских интеллектуалов // Интеллигенция и интеллектуалы — такие разные... и похожие : проблемы самоопределения и деятельности в XX — начале XXI века : коллектив. моногр. / отв. ред. В. С. Меметов, В. Л. Черноперов. Иваново, 2016. С. 114.
- ⁵⁷ См., напр.: *Некрич А. М.* Война, которую назвали «странной». М., 1961.
- ⁵⁸ *Азнавур Ш.* Прошлое и будущее. М., 2004. С. 11.
- ⁵⁹ Ш. Азнавур: «Я оптимист, я ни о чем не забочусь»: французский шансонье, композитор, писатель, поэт и актер Ш. Азнавур отвечает на вопросы В. Познера. URL: <http://russia-armenia.info/node/16633> (дата обращения: 07.01.2017).
- ⁶⁰ *Васильченко А.* Какое отношение к победе над фашизмом имеет Франция? // Посольский приказ : информ.-аналит. агентство. URL: <http://www.posprikaz.ru/2013/10/kakoe-otnoshenie-k-pobede-nad-fashizmom-imeet-franciya/> (дата обращения: 08.01.2017).
- ⁶¹ См.: *Красноженова Е. Е.* Немецко-фашистская оккупация и движение Сопротивления в период Второй мировой войны (1939—1945 гг.) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени / Санкт-Петербург. гос. ун-т. 2015. № 15. С. 111.
- ⁶² *Мухин Ю.* Крестовый поход на Восток : гитлеровская Европа против России. URL: <http://profilib.com/chtenie/17412/yuriy-mukhin-krestovyy-pokhod-na-vostok-gitlerovskaya-evropa-protiv-rossii.php> (дата обращения: 08.01.2017).
- ⁶³ См. об этом: *Пиаф Э.* На балу удачи. Смоленск, 1997.
- ⁶⁴ *Варламова Н. В.* Западная правовая культура: уникальность или универсальность? // Общественные науки и современность. 2011. № 5. С. 95.
- ⁶⁵ Цит. по: Василий Лановой: «США, цинично используя украинцев, решают свои задачи» // Аргументы и Факты. 2014. 26 нояб.
- ⁶⁶ *Гадеев А. В.* Франция во Второй мировой войне. URL: <http://dspace.nbu.v.gov.ua/bitstream/handle/123456789/94819/22-Gadeev.pdf?sequence=1> (дата обращения: 08.01.2017).
- ⁶⁷ Диагноз недели с доктором Бильжо : Мединский никакой не историк, а 29-й панфиловец и есть. URL: <http://theins.ru/opinions/38959> (дата обращения: 20.12.2016).

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

ББК 63.3(4Вел)52-284.3

Е. М. Кирюхина

РОЛЬ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ПРАВСТВЕННОМ ВОСПИТАНИИ ЖЕНЩИН ПОЗДНЕЙ ВИКТОРИАНСКОЙ ЭПОХИ

Проблемы становления женской интеллигенции находятся в центре внимания как зарубежных¹, так и отечественных ученых². Для поздней Викторианской и далее — Эдвардианской эпох свойственны кардинальные изменения в моделях женского гендерного поведения, связанные с постепенными переменами в положении женщин. Исследователь П. Бранка отмечает, что со второй половины XIX в., прежде всего, женщины среднего класса неосознанно стремились изменить модель гендерного поведения, поскольку, с одной стороны, были вынуждены, согласно нормам общественного поведения, исполнять роль *истинных леди*, а с другой стороны, отвечая потребностям общественно-экономического развития, начинали более активно включаться в социально-общественную жизнь страны³. Этому способствовало и быстрое развитие медицины, систем образования, появление новых технологий и настоящая «домашняя революция» в виде распространения с 1870-х гг. водопровода, швейной машинки и других домашних технических средств, облегчивших рутинную домашнюю работу и обеспечивших женщин большим свободным временем. Законодательные, социально-экономические и демографические

© Кирюхина Е. М., 2017

Кирюхина Елена Михайловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры истории и культуры Нижегородской государственной сельскохозяйственной академии. elenakiruhina@gmail.com

изменения в обществе приводили к тому, что они «оказывались уже не производными мужчины, но становились женщинами с вполне определенным социальным статусом, равным статусу мужскому»⁴. Так постепенно разрушалась «жесткая грань между общественной и частными сферами деятельности. Общество признало право женщин на участие в публичной жизни. Они получили интеллектуальную и экономическую свободу»⁵, и к началу XX в. супружество перестало восприниматься самими женщинами как единственная приемлемая для них гендерная роль. Иллюстрированные журналы являются неоценимыми источниками, способствовавшими интеллектуальному и морально-нравственному воспитанию женщин, что помогло им впоследствии пополнить ряды складывающейся на рубеже XIX—XX вв. английской женской интеллигенции.

Большой популярностью долгие годы пользовался специализированный «Журнал только для девушек» (1880—1956). Прекрасными изданиями являются «Английский иллюстрированный журнал» (1883—1913), а также «Семейный журнал Демореста» (1864—1899). Известны были и своеобразные энциклопедии домашнего хозяйства. Одни из них, как «Домашний гид Кассела» (1869), содержали конкретные советы об уходе за домом, домашними растениями и животными, рецепты обеденных блюд⁶; другие, как «Самое лучшее» (1870), добавляли к этому советы о здоровье (сон, гимнастика), располагая всё по месяцам для удобства чтения⁷.

Как и следует ожидать от женских журналов, пропагандировались различные виды модных течений в одежде. Так, «Журнал только для девушек» в 1880—1902 гг. ежемесячно публиковал иллюстрированные статьи о модных тенденциях в одежде⁸. Выше по качеству были статьи и иллюстрации в «Английском иллюстрированном журнале», при этом в последнем номере уже присутствовала реклама товаров и услуг⁹. Прекрасное по качеству издание «Семейный журнал Демореста»¹⁰ печатало уже не рисунки, а фотографии дам в модных туалетах.

Однако помимо этой тематики, созвучной современным женским журналам, периодическая печать конца XIX—XX вв. публиковала поэтические и прозаические произведения высокого художественного качества, а также много познавательного материала, должного повысить интеллектуальный уровень читательниц.

Отражая интерес к истории Англии, характерный для периода Артуровского возрождения¹¹, журналы периодически представляли иллюстрированные материалы о Средневековье, сопровождавшиеся точными рисунками исторических экспонатов, например статьи в «Английском иллюстрированном журнале»¹². В «Журнале только для девушек» делались попытки обзора и оценки значимых исторических событий на рубеже нескольких веков и знакомили читателей с выдающимися женщинами Средневековья, например статья К. Масена «Рубежи веков: где встречаются столетия»¹³ и статья С. Ф. А. Каулфелда «Дамы былых времен»¹⁴.

Помимо интеллектуального, журналы уделяли большое внимание морально-нравственному воспитанию. Периодическая печать поздней Викторианской эпохи способствовала пропаганде образа *истинной леди*. Показательно, что статьи были написаны авторами-мужчинами и представляли мужское мнение о гендерной роли женщины: обеспечивать крепкий тыл, вести домашнее хозяйство, воспитывать детей, угождать мужу — этому соответствовал определенный поведенческий кодекс. Даже сами заголовки в «Журнале только для девушек» рубежа 1880—90-х гг. весьма примечательны: Дж. Р. Рииз «Женщина — идеал мужчины»¹⁵, А. Лии «Интеллектуальное партнерство, или Как мужчина может повысить интеллектуальную жизнь женщины»¹⁶. Автор статьи «Разговор о хорошей жене» И. О. Пейн констатирует: «Женщины, конечно, сделали мужчин скотами и дьяволами, но они также сделали, — слава Богу, что они всегда это делают, — плохих людей хорошими, хороших — героями, а героев — святыми»¹⁷. Вне зависимости от материального положения, скромность, естественная искренность и доброжелательность не только по отношению к представителям своего сословия, но и к нижестоящим всячески приветствовались. Однако это не должно было умалить чувство собственного достоинства, воспитанию которого наряду с самоконтролем уделялось особое внимание (статья А. Т. Шофелда «Самовоспитание») ¹⁸. Для большей убедительности, во-первых, приводились примеры поведения и времяпрепровождения членов королевской семьи — статьи «Королева дома»¹⁹ и, позже, «Наша королева Александра: иллюстрированная биография»²⁰; а во-вторых, использовалась «наглядная агитация» в виде рисунков, часто в ироническом ключе, о будущей судьбе «хороших» и «плохих» девочек²¹.

Несомненно, различные формы куртуазных отношений ассоциировались в общественном сознании с рыцарским менталитетом и культурой, образцом для подражания в викторианском обществе, где отношения джентльмена с дамой развивались в рамках законного брака, представляя в виде семейного идеала брачные узы королевы Виктории. Женские журналы (в частности, «Журнал только для девушек») печатали советы для влюбленных девушек о том, как обрести свое счастье, — статья М. Х. Корнуэлла «Воспитание влюбленных»²², а также практические рекомендации по организации помолвок и свадеб — статья анонимного автора «Свадьба моей сестры и Как мы организовали ее»²³. Как свидетельствует «Журнал только для девушек», приобретение статуса замужней дамы воспринималось как своеобразная цель воспитания девушки — об этом пишет анонимный автор в статье «Между школой и замужеством»²⁴. Высшей же целью замужней женщины считалось рождение и воспитание детей, конечно же, в духе набожности и почитания отца семейства — так рассуждает архидиакон Уилсон в статье «Религия. Адресовано школьницам»²⁵. Однако, несмотря на четкую регламентацию времяпрепровождения замужних женщин поздней Викторианской эпохи, они уже научились совмещать домашние заботы с обязанностями по отношению к обществу (первоначально — в форме занятий благотворительностью), что постепенно приводило к обретению бóльшей независимости. Показательны некоторые советы из статьи «Хорошая жена» анонимного автора: «Хорошая жена <...> повелевает <...> повинуйся <...> следит, чтобы ее муж не строил из себя дурака, четко ведет домашнее хозяйство, заботится, чтобы ее дочери были приспособлены к жизни, и, как правило, держит своего мужа “в узде”»²⁶. Об этом стремлении к внутренней свободе при сохранении традиционных семейных ценностей пишет в своих мемуарах писательница А. Кристи (1890—1976): «Мы жили в сознании ожидающего нас безоблачного счастья; мы ждали любви, восхищения, поклонения, ждали, как о нас будут заботиться, холить и лелеять, намереваясь в то же время идти собственным путем во всем, что было для нас важным, одновременно заботясь о муже, его жизни, успехе, карьере, считая эту заботу своим священным долгом»²⁷.

Несмотря на сохранение традиционных форм времяпрепровождения, таких как шитье, вышивание, чтение, рисование, музицирование и пение, девушки и женщины Викторианской эпохи стали больше уделять внимание и другому: занятиям садоводством и выращиванию домашних растений, а также заботе о домашних питомцах. Эти занятия, освещаемые в женских журналах, демонстрировали интерес к природе, характерный для той эпохи и воспитываемый у подрастающего поколения. Как сами цветы и растения, так и их изображения были важной частью домашнего быта, моды, а также литературы и искусства Викторианской и Эдвардианской эпох. Большое распространение получили жанры «популярной ботаники», а также цветочного и растительного фольклора (*flower-lore, plant-lore*), которые включали написанные доступным языком учебники, всевозможные справочники о цветах и растениях, художественные переложения мифов и легенд о них²⁸ — такова прекрасная статья Дж. Мейсона «Романс о Природе» в «Журнале только для девушек»²⁹. Символический и геральдический смысл образов цветов был не только хорошо известен художникам, но и понятен широкому кругу зрителей, а викторианских девушек даже специально обучали составлению и рисованию цветочных натюрмортов. Именно в Викторианскую эпоху к саду стали относиться как к особому явлению, символизирувавшему стабильность и уют. Периодическую печать, и особенно журналы, предназначенные для женщин, захлестнули иллюстрированные статьи о садовых растениях и о том, как превратить в желанный сад окно, стену и любой маленький клочок свободной городской земли, — публикации в «Журнале только для девушек» за 1880—90-е гг.³⁰, статьи с иллюстрациями о том, как правильно декорировать интерьер и ухаживать за домашними цветами³¹.

Успехи научных достижений эпохи промышленного переворота вызвали особый интерес в обществе и к такой разновидности природного мира, как животные и птицы. Наличие и доступность анатомических атласов, научной литературы, обучение анатомии, уроки природоведения в школах формировали потребности в книжной иллюстрации, как научной для взрослых, так и детской, где художники старались как можно точнее и реалистичнее изображать животных и птиц. Уже в Викторианскую эпоху заботливое отношение к домашним животным и птицам

пропагандировалось и на уровне королевской династии: периодическая печать помещала статьи и фотографии членов королевской семьи с любимыми питомцами, например в цикле статей И. М. Джессопа в «Журнале только для девушек» за 1900—1901 гг.³² В периодике поздней Викторианской и Эдвардианской эпох есть много конкретных советов о том, как ухаживать за домашними питомцами, например статьи Ф. Фосетта о собаках и кошках в «Английском иллюстрированном журнале» (1905—1906 гг., 1909—1910 гг.)³³. Культивируемое в обществе и поддерживаемое периодической печатью чувство сострадания и заботы к «братьям нашим меньшим» весьма способствовало нравственному воспитанию девушек и замужних дам.

Одной из новых форм времяпрепровождения викторианских девушек и женщин стало участие в праздновании Рождества. Известно, что запрещенное согласно требованиям протестантской церкви в 1644 г. специальным парламентским актом празднование Рождества вновь начало отмечаться в конце XVII в. Однако именно в Викторианскую эпоху Рождество стало главным национальным и домашним праздником, объединяя за рождественским столом всю семью не только высших, но и средних классов, превратившись, таким образом, в особое социокультурное явление³⁴. Пропагандировался праздник и в периодической печати, например статья Р. Лэмба «Что мы обычно делаем в Рождество» в «Журнале только для девушек»³⁵. Помимо праздника для взрослых, стали устраивать специальные детские рождественские вечера, для которых печатались кулинарные рецепты праздничных блюд, с удовольствием приготавливаемых хозяйками, о чем пишет Л. Йетс в статье «Ужин для детского вечера»: «Заливное (с кроликом), куриные пирожки, Торт Герцогини, Кристаллический Дворцовый Пудинг, отлитый в формочки шоколад, желе из чернослива (дети также насладились сладкими пирожками, творожными кексами, фруктами и орехами)»³⁶. О таком празднике в семье Ч. Диккенса писала побывавшая там дочь писателя У. М. Теккерея (1811—1863 гг.) Ритчи: «...несомненно, каждый ощущал дух праздника и доброго веселья, которым так чудесно заправлял хозяин дома, имевший этот чародейский дар. <...> Я помню только, как мы танцевали, ужинали, снова танцевали, и вот мы, наконец, стоим в огромном, ярко освещенном холле,

украшенном рождественской омелой, и всё вокруг мне кажется таким чудесным, исполненным значительности и с каждым мгном, по мере появления гостей, поток которых неустанно прибывает, становится все чудесней и значительней»³⁷. Как известно, обычаем дарить подарки детям на Рождество получил распространение после начала промышленного производства игрушек, сделавших их доступными по цене для среднего класса. В журналах пользовались популярностью статьи о том, какие подарки, рождественские открытки и украшения можно сделать самим, чтобы подарить на Рождество, например статья Б. К. Сэвуда «Рождественские подарки» в «Журнале только для девушек»³⁸. Эти новые навыки и знания, получаемые в ходе отмечаемого праздника Рождества, способствовали созданию той неповторимой домашней атмосферы, в центре которой находилась викторианская женщина.

В периодической печати отмечалось повышение интеллектуальной и политической роли женщин в конце 1880-х гг. Например, в «Журнале только для девушек» в статье «Что могут делать девушки» А. Кинг писал о появлении таких новых социальных ролей, как студентка, ученица, актриса, певица, журналистка, спортсменка³⁹. В том же журнале описывались медсестры, библиотекари, учителя, женщины, занимавшиеся художественно-ремесленной деятельностью (создание рам для картин, гравировка по дереву) и творчеством (рисование, живопись) — в статье анонимного автора «Работа для всех»⁴⁰. «Журнал только для девушек» рубежа 1880—90-х гг. отмечает участие женщин в новой профессиональной деятельности, например появление с конца 1880-х гг. женщин-журналисток — в статье анонимного автора «Молодые девушки-журналистки»⁴¹, а А. Т. Скофилд в статье «Новая карьера для женщин» пишет о женщинах-преподавателях, работающих в Национальном обществе здравоохранения⁴².

В связи с изменением положения женщин изменялось и женское образование. Так, к концу XIX в., в некоторых женских колледжах девушки стали не только заниматься спортом, но и осваивать мужские виды занятий — греблю, стрельбу из лука. Это засвидетельствовано на двух фотографиях, одна из которых — групповая. Она была напечатана в «Семейном журнале Демореста» (1890—1891) к статье «Студенческая жизнь в колледже Уэллслея» за авторством Девушки из Уэллслея. Фотографии,

иллюстрирующие жизнь учениц в колледже Уэллслей, изображают девушек с большими луками⁴³.

Поздняя викторианская периодика, в частности «Журнал только для девушек», уделяет пристальное внимание не только новым профессиям и обучению, но и новым формам проведения свободного времени — занятиям в женских клубах по интересам. О причинах их возникновения пишет анонимный автор в статье, посвященной клубу Чилторн: «Тот факт, что женщины в смешанной компании выражают свои мысли, является единственным признаком каких-либо претензий на новизну в этом обществе... [в других клубах], как правило, я считаю, говорят только мужчины, в то время как женщины, если там разрешено присутствовать, слушают в тишине»⁴⁴. В таких клубах женщины могли, не опасаясь мужского осуждения и насмешек, общаться, спорить, обсуждать интересующие их проблемы. Так, Д. Хоуп в статье «Общества только для девушек» пишет об обществах, чьей задачей «является обсуждение различных вопросов, представляющих интерес, — литературных, социальных, философских, политических» (там обсуждали произведения Д. Г. Россетти, критические статьи, романы)⁴⁵. В таких клубах занимались рукоделием, писали и читали самостоятельно созданные эссе на различные темы, читали и инсценировали пьесы У. Шекспира⁴⁶, интерес к творчеству которого был весьма высок в Викторианскую эпоху. Достойна внимания статья анонимного автора «Наш клуб путешествий, и как мы управляем им», которая описывает ставшие популярными на рубеже XIX—XX вв. клубы, где можно было не просто познакомиться с интересными местами и памятниками, но и попытаться проявить свою активность: «...попробуйте представить себе, что мы являемся участниками, собирающимися путешествовать в какой-то зарубежной стране, после чего различные “комитеты” научно-исследовательских маршрутов, достопримечательностей, культуры, искусства и так далее, предоставляют клубу всю информацию об этом»⁴⁷.

Таким образом, женские журналы поздней Викторианской эпохи не только отображали постепенное изменение положения женщины в обществе, но и сами способствовали повышению интеллектуального и духовно-нравственного уровня читательниц. Обращение к истории и культуре своей страны, воспитание заботы

о мире природы, повышение самостоятельной роли женщины в контексте установления общенационального праздника Рождества, новые формы воспитания девушек (в том числе, спортивные), появление новых видов интеллектуальной деятельности и профессий, участие, в том числе публичное, в самостоятельно созданных обществах и клубах по интересам, — всё это, в итоге, способствовало становлению феномена английской женской интеллигенции.

Примечания

- ¹ История женщин на Западе : в 5 т. / под общ. ред. М. Перро. СПб., 2015. Т. 4 : Возникновение феминизма: от Великой французской революции до Мировой войны.
- ² Нестерова С. В. Образ английской и американской женщины в представлении современников : последняя треть XIX — начало XX века : дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2004. URL: <http://www.dissercat.com/content/obraz-angliiskoi-i-amerikanskoi-zhenshchiny-v-predstavlenii-sovremennikov-poslednyaya-tret-x> (дата обращения: 14.03.2013); Ефимова Е. Ш. Изменение положения и социокультурного статуса женщин среднего класса Великобритании в 1870—1920-х годах : дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2008. URL: <http://www.dissercat.com/content/izmenenie-polozheniya-i-sotsiokulturnogo-statusa-zhenshchin-srednego-klassa-velikobritanii-1> (дата обращения: 14.03.2013).
- ³ Branca P. Silent Sisterhood : Middle Class Women in the Victorian Home. Pittsburgh, 1975.
- ⁴ Шамина Н. В. Женская проблематика в викторианском романе 1840—1870-х годов: Джейн Остен, Шарлотта и Эмили Бронте, Джордж Элиот : дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2005. URL: <http://www.dissercat.com/content/zhenskaya-problematika-v-viktorianskom-romane-1840-1870-kh-odov-dzhein-osten-sharlotta-i-em> (дата обращения: 14.03.2013).
- ⁵ Нестерова С. В. Указ. соч.
- ⁶ Cassel's Household Guide : Being a Complete Encyclopaedia of Domestic and Social Economy and Forming a Guide to Every Department to Every Department of Practical Life. L., 1869. Vol. 1—3.
- ⁷ Best of Everything. Philadelphia, 1870. URL: <http://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=loc.ark:/13960/t8w95tr6r;view=1up;seq=7> (дата обращения: 24.10.2015).
- ⁸ В 1883—1894 гг. статьи выходили под заглавием: *A Lady Dressmaker. Dress: In Season and In Reason*. В 1894—1896 гг. — *The Lady Dressmaker. Girl's Attire: The Newest and Best*. В 1897 году — *The Lady*

- Dressmaker. The Day's Apparel. В 1891—1899 гг. — The Lady Dressmaker. Frocks for To-morrow. Далее: The Lady Dressmaker. My Clothes Month by Month // The Girl's Own Paper, 1900. URL: <http://www.victorianvoices.net/ARTICLES/GOP/Fashion/Annual/1900-Fashion.pdf> (дата обращения: 21.10.2015); The Lady Dressmaker. How a Girl Should Dress // The Girl's Own Paper, 1901. URL: <http://www.victorianvoices.net/ARTICLES/GOP/Fashion/Annual/1901-Fashion.pdf> (дата обращения: 21.10.2015); Norma. How a Girl Should Dress // The Girl's Own Paper, 1902. URL: <http://www.victorianvoices.net/ARTICLES/GOP/Fashion/Annual/1902-Fashion.pdf> (дата обращения: 21.10.2015).*
- ⁹ В 1909—1911 гг. статьи выходили под названием: *Lady Kathlin. Fashion Reflections // The English Illustrated magazine. L. ; N. Y., 1909—1910*; а со второй половины 1911 по 1913 г. — *Lady Edna. Fashion Reflections // The English Illustrated magazine. L. ; N. Y., 1911—1913.*
- ¹⁰ Demorest's family magazine. N. Y., 1868—1892.
- ¹¹ Кирюхина Е. М. Репрезентация образов исторических личностей средневековья прерафаэлитами и художниками их круга // Преподаватель, XXI век. 2015. № 3. С. 277—290.
- ¹² Gordon H. C. English Historical Costumes for Ten Centuries : or «Fashion's Mirror» for Men // The English Illustrated magazine. L. ; N. Y., 1908. Vol. 39. P. 157—163. URL: <http://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39015056059770;view=1up;seq=7> (дата обращения: 24.10.2015).
- ¹³ Marson C. Century-Ends / Where Centuries Meet // The Girl's Own Paper, 1900. URL: <http://www.victorianvoices.net/ARTICLES/GOP/History/1900-CenturyEnds.pdf> (дата обращения: 21.10.2015).
- ¹⁴ Caulfield S. F. A. The Ladies of the Olden Times // The Girl's Own Paper, 1889. URL: <http://www.victorianvoices.net/ARTICLES/GOP/History/1889-OldenLadies.pdf> (дата обращения: 21.10.2015).
- ¹⁵ Rees J. R. Woman — a Man's Ideal // The Girl's Own Paper, 1890. URL: <http://www.victorianvoices.net/ARTICLES/GOP/Women/1890-IdealWoman.pdf> (дата обращения: 21.10.2015).
- ¹⁶ Lee A. Intellectual Partnerships, or, How Men May Stimulate the Mental Life of Women // The Girl's Own Paper, 1892. URL: <http://www.victorianvoices.net/ARTICLES/GOP/Women/1892-IntellectualPartners.pdf> (дата обращения: 21.10.2015).
- ¹⁷ Payne E. O. A Talk About a Good Wife // The Girl's Own Paper, 1888. URL: <http://www.victorianvoices.net/ARTICLES/GOP/Women/1888-GoodWife.pdf> (дата обращения: 21.10.2015).
- ¹⁸ Schofield A. T., MD. Self-Modelling // The Girl's Own Paper, 1895. URL: <http://www.victorianvoices.net/ARTICLES/GOP/Women/1895-SelfModelling.pdf> (дата обращения: 21.10.2015).

- ¹⁹ The Queen at Home // The Girl's Own Paper, 1894. Vol. 15. № 740. March, 3. P. 337—341. URL: <http://www.victorianvoices.net/ARTICLES/GOP/Royalty/1894-Queen.pdf> (дата обращения: 21.10.2015).
- ²⁰ Our Queen Alexandra: a Pictorial Biography // The Girl's Own Paper, 1902. URL: <http://www.victorianvoices.net/ARTICLES/GOP/Royalty/1902-QueenAlexandra.pdf> (дата обращения: 21.10.2015).
- ²¹ Cartoon // The Girl's Own Paper, 1895. URL: <http://www.victorianvoices.net/ARTICLES/GOP/Women/1895-ContrastsCartoon.pdf> (дата обращения: 21.10.2015).
- ²² *Cornwall Legh M. H.* The Art of Bringing Up Lovers // The Girl's Own Paper, 1901. URL: <http://www.victorianvoices.net/ARTICLES/GOP/Women/1901-Lovers.pdf> (дата обращения: 21.10.2015).
- ²³ My Sister's Wedding, and How We Organized It // The Girl's Own Paper, 1893. URL: <http://www.victorianvoices.net/ARTICLES/GOP/Social/1893-Wedding.pdf> (дата обращения: 21.10.2015).
- ²⁴ Between School and Marriage // The Girl's Own Paper, 1886. URL: <http://www.victorianvoices.net/ARTICLES/GOP/Women/1886-BetweenSchoolandMarriage.pdf> (дата обращения: 21.10.2015).
- ²⁵ *Ven. Archdeacon Wilson (the).* Religion: an Address to Schoolgirls // The Girl's Own Paper, 1892. URL: <http://www.victorianvoices.net/ARTICLES/GOP/Women/1892-Religion.pdf> (дата обращения: 21.10.2015).
- ²⁶ The Good Wife // The Girl's Own Paper, 1902. URL: <http://www.victorianvoices.net/ARTICLES/GOP/Women/1902-GoodWife.pdf> (дата обращения: 21.10.2015).
- ²⁷ *Кристи А.* Автобиография / пер. с англ. *В. Чемберджи, И. Дорониной.* М., 2015. С. 202.
- ²⁸ *Вронская А.* Наука или поэзия?: популярная ботаника в викторианской Англии // Обсерватория культуры. 2007. № 2. С. 121—125. URL: <http://www.gardenhistory.ru/page.php?pageid=212> (дата обращения: 11.12.2012).
- ²⁹ *Mason J.* The Romance of Nature // The Girl's Own Paper, 1889. URL: <http://www.victorianvoices.net/ARTICLES/GOP/Folklore/1889-RomanceofNature.pdf> (дата обращения: 21.10.2015).
- ³⁰ A Wall Garden: a Novelty for Small Town // The Girl's Own Paper, 1892. URL: <http://www.victorianvoices.net/ARTICLES/GOP/Garden/1892-WallGarden.pdf> (дата обращения: 21.10.2015); *Stables G.* Window Gardening // The Girl's Own Paper, 1883. URL: <http://www.victorianvoices.net/ARTICLES/GOP/Garden/1883-WindowGardening.pdf> (дата обращения: 21.10.2015).
- ³¹ Flowers in the House // The Girl's Own Paper, 1880. URL: (GOP 1880) <http://www.victorianvoices.net/ARTICLES/GOP/Household/1880-FlowersinHouse.pdf> (дата обращения: 21.10.2015).

- ³² *Jessop E. M.* The Queen's Pet Dogs: Meet Gina, Spot («always with the Queen»), Seppo and Marco // *The Girl's Own Paper*, 1900. URL: <http://www.victorianvoices.net/ARTICLES/GOP/Royalty/1900-QueensDogs.pdf> (дата обращения: 21.10.2015).
- ³³ *Fawcett F.* Some Dogs and Their Ways // *The English Illustrated Magazine*. L.; N. Y., 1905—1906. Vol. 34. P. 490—496. URL: <http://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39015056059796;view=1up;seq=9> (дата обращения: 24.10.2015); *Fawcett F.* The Culture of the Domestic Cat // *The English Illustrated Magazine*. L.; N. Y., 1909—1910. Vol. 42. P. 441—447. URL: <http://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39015056059903;view=1up;seq=7> (дата обращения: 24.10.2015).
- ³⁴ *Зброжек Е. В.* Викторианство в контексте культуры повседневности // *Известия Уральского государственного университета*. 2005. № 35. С. 28—44. URL: [http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0035\(01_09-2005\)&xsl=showArticle.xslt&id=a03&doc=./content.jsp](http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0035(01_09-2005)&xsl=showArticle.xslt&id=a03&doc=./content.jsp) (дата обращения: 14.03.2013).
- ³⁵ *Lamb R.* What We Used to Do at Christmas // *The Girl's Own Paper*, 1883. URL: <http://www.victorianvoices.net/ARTICLES/GOP/Xmas/1883-Christmas.pdf> (дата обращения: 21.10.2015).
- ³⁶ *Yates L.* The Children's Party Supper // *The Girl's Own Paper*, 1897. URL: <http://www.victorianvoices.net/ARTICLES/GOP/Xmas/1897-ChildrensXmasSupper.pdf> (дата обращения: 21.10.2015).
- ³⁷ *Теккерей Р. Э.* Свидетельства современников // *Тайна Чарльза Диккенса: библиографические изыскания / сост. Е. Ю. Гениева, Б. М. Парчевская*. М., 1990. С. 278—280.
- ³⁸ *Saward B. C.* Christmas Gifts // *The Girl's Own Paper*, 1887. URL: <http://www.victorianvoices.net/ARTICLES/GOP/Xmas/1887-ChristmasGifts.pdf> (дата обращения: 21.10.2015).
- ³⁹ *King A.* What Girls May Do // *The Girl's Own Paper*, 1880. URL: <http://www.victorianvoices.net/ARTICLES/GOP/Work/1880-WhatGirlsMayDo.pdf> (дата обращения: 21.10.2015).
- ⁴⁰ *Work for All* // *The Girl's Own Paper*, 1884. URL: <http://www.victorianvoices.net/ARTICLES/GOP/Work/1884-Workforall.pdf> (дата обращения: 21.10.2015).
- ⁴¹ *Young Women as Journalists* // *The Girl's Own Paper*, 1891. URL: <http://www.victorianvoices.net/ARTICLES/GOP/Work/1891-Journalists.pdf> (дата обращения: 21.10.2015).
- ⁴² *Schofield A. T.* A New Career for Women // *The Girl's Own Paper*, 1891. URL: <http://www.victorianvoices.net/ARTICLES/GOP/Work/1891-Career.pdf> (дата обращения: 21.10.2015).
- ⁴³ *A Wellesley Girle.* Student Life at Wellesley College // *Demorest's Family Magazine*. N. Y., 1890—1891. Vol. 27. URL: <http://babel.hathitrust.org/>

- cgi/pt?id=umn.31951000970026q;view=1up;seq=14 (дата обращения: 24.10.2015).
- ⁴⁴ Friends in Council : the Chiltern Club // The Girl's Own Paper, 1885. URL: <http://www.victorianvoices.net/ARTICLES/GOP/Social/1885-Societies.pdf> (дата обращения: 21.10.2015).
- ⁴⁵ *Hope D.* Girls' Own Societies // The Girl's Own Paper, 1880. URL: <http://www.victorianvoices.net/ARTICLES/GOP/Social/1880-GirlsSocieties.pdf> (дата обращения: 21.10.2015).
- ⁴⁶ Our Shakespeare Society // The Girl's Own Paper, 1885. URL: <http://www.victorianvoices.net/ARTICLES/GOP/Social/1885-Shakespeare Soc.pdf> (дата обращения: 21.10.2015).
- ⁴⁷ Our Travel Club, and How We Manage It // The Girl's Own Paper, 1900. URL: <http://www.victorianvoices.net/ARTICLES/GOP/Travel/1900-TravelClub.pdf> (дата обращения: 21.10.2015).

ББК 63.3(4Бел)61-283.2

И. И. Шевчук

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
НАУЧНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ БЕЛАРУСИ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х ГОДОВ:
СОЗДАНИЕ КОМИССИИ
ПО УЛУЧШЕНИЮ БЫТА УЧЕНЫХ**

Эпохальными событиями начала XX в. стали Первая мировая война и Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 г. Их последствия обусловили небывалое снижение уровня промышленного и сельскохозяйственного производства бывшей Российской империи, качества жизни всех социальных слоев общества. Данные обстоятельства особенно четко проявились на территории Беларуси, где на протяжении нескольких лет находился один из основных театров военных действий между Россией

© Шевчук И. И., 2017

Шевчук Игорь Иванович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории славянских народов Брестского государственного университета. ihar7@rambler.ru

и Германией, позднее — советско-польской войны. К этому добавились мероприятия большевистской партии, которые имели целью скорейшую социалистическую (коммунистическую) модернизацию уже республиканской России. Всё указанное повлекло за собой не только кардинальные изменения в политическом управлении, но логично вызвало возникновение новых органов управления, новых методов хозяйствования, в целом структурную перестройку экономики.

Наиболее ощутимо ситуация сказалась на интеллигенции, в том числе научной. Она фактически потеряла стабильный доход в результате гиперинфляции и нерегулярных выплат заработной платы, а реквизиции лишали ее накоплений. Голод 1921—1922 гг., опасности военного времени, болезни, нормирование продуктовых и промышленных товаров по классовому принципу не просто угрожали жизни, а стали причиной смерти многих ученых. Об этом, например, многократно сообщал журнал «Наука и ее работники», печатая на своих страницах объемные некрологи. Так, только в Петрограде от голода, холода, болезней погибли академики А. А. Шахматов, А. А. Марков, Б. А. Тураев, А. С. Лаппо-Данилевский, Х. Я. Гоби, А. А. Иностранцев и др.¹ В начале 1920-х гг., по данным Комиссии по улучшению быта ученых (КУБУ), их зарплата уменьшилась в 8—10 раз по сравнению с 1913 г.²

Вынужденное приспособление большей части дореволюционной интеллигенции к новой социальной действительности сопровождалось непосредственным вмешательством партийных органов в кадровые процессы с целью регулирования состава научной интеллигенции (количественного и качественного) в зависимости от текущих потребностей советской власти. Прежде всего, учитывалась «полезность» конкретного научного работника для социалистического строительства и, безусловно, его лояльность политико-идеологическим и экономическим мероприятиям, которые осуществлялись государственным руководством. Нельзя также не учитывать ставку инициаторов социальных преобразований на широкое внедрение достижений науки в социальную практику как условие ее результативной реконструкции.

Вместе с тем, отношение к научной интеллигенции было двояким: репрессивное воздействие на несогласных с новой

властью и понимание необходимости сохранения высококвалифицированного кадрового потенциала. Последнее выразилось в осознании неизбежности денежной и продовольственной поддержки ученых. Ее реализация, в определенной степени, должна была способствовать также и «советизации» последних, хотя бы до уровня внешней лояльности. Нельзя отказать новому руководству в понимании того, что условия быта и материальное обеспечение были едва ли не главными факторами стимулирования научной деятельности в тех условиях.

Белорусская историография, в отличие от российской, данному вопросу самостоятельного внимания не уделяла. Определенное освещение он стал получать только в последнее десятилетие. Но опять же, в русле разработки отдельных тем, рассматривавшихся немногими авторами. В контексте благотворительной деятельности АРА* отдельными интересными фактами дополняются представления о функционировании Белорусской комиссии по улучшению быта ученых (БелКУБУ) и ее связи с упомянутой организацией в книге А. М. Лукашука³. В таком же направлении выполнено исследование Э. Г. Иоффе и Б. А. Мельцера⁴, статья М. Б. Ботвинника⁵, в которых предпринята удачная попытка показать работу в БССР еще одной благотворительной, но подчеркнута национальной еврейской организации Джойнт**. Правда, М. Б. Ботвинник просто повторил, без соответствующих ссылок, значительную часть информации, опубликованной Э. Г. Иоффе и Б. А. Мельцером за три года до выхода его статьи. При изучении организационной истории гуманитарных наук в Беларуси, работа белорусской КУБУ несколько шире очерчена автором данной статьи⁶. В научной литературе встречаются и более мелкие (номинативные) упоминания о комиссии. Некоторое отражение история КУБУ нашла при освещении отдельных моментов деятельности секций научных работников (СНР) профсоюза работников

---

* Американская организация помощи (American Relief Administration, ARA) была создана в 1919 г. для помощи Европе, с 1921 г. — в России и СССР. Функционировала в СССР до 1923 г.

** Американский еврейский объединенный распределительный комитет до 1931 г., после — Еврейский объединенный распределительный комитет (American Jewish Joint Distribution Committee, Jewish Joint Distribution Committee).

просвещения⁷. Эта важная для понимания научной деятельности и политики тема настолько слабо разработана, что даже в таких изданиях, как шеститомные «История Беларуси» и «Энциклопедия истории Беларуси», 18-томная «Энциклопедия Беларуси», отсутствуют специальные статьи, посвященные БелКУБУ.

Как известно, институализация науки новейшего времени в Беларуси происходила после 1920 г. Отсутствие научного сообщества к началу 1920-х гг. не вызвало потребности в указанных выше мерах по созданию условий деятельности ученых после Октября 1917 г. Поэтому представляется совершенно целесообразным обратить внимание на их осуществление в РСФСР. Это тем более необходимо, поскольку основные реконструкционные мероприятия в области науки и высшей школы, которые проводились в России, непосредственным образом внедрялись в Беларусь, и без представления о них проблематично понять процессы, происходившие в БССР. Более того, в первой половине 1920-х гг. основная доля финансирования на обозначенные выше цели направлялась из Москвы. Для примера, в предыдущих публикациях автора статьи обращалось внимание на финансирование и подведомственную принадлежность Белорусского государственного университета Наркомату просвещения (НКП) РСФСР в первые два с половиной года его существования.

Для «сохранения научных сил, необходимых социалистическому строительству» декретом СНК РСФСР (23 декабря 1919 г.) предусматривались мероприятия, направленные на поддержание существования «наиболее выдающихся специалистов» через усиленное обеспечение (вещевое, продовольственное — «паек» красноармейский, академический, литерный и т. д.), освобождение от разных повинностей, создание жилищных условий с минимальными удобствами. Контроль за их осуществлением возлагался на специальную комиссию, которая стала называться Центральной комиссией по улучшению быта научных специалистов (чуть позже — ученых; ЦеКУБУ). Она возникла благодаря активной позиции Максима Горького, который считал: «Работники науки должны цениться именно как самая производительная и драгоценная энергия народа, а поэтому для них необходимо создать условия, при которых рост этой энергии был бы как можно облегчен»⁸.

Действие постановления решено было распространить на 500 ученых и 50 литераторов. 10 ноября 1921 г., уже после создания Петроградской комиссии по улучшению быта ученых в январе 1920 г. и Московской в августе 1921 г., СНК РСФСР решил назначить постоянную Комиссию для всестороннего обследования и улучшения быта ученых⁹. Ее роль стала выполнять ЦеКУБУ, которой были подотчетны «местные» КУБУ. Дата создания Комиссии подчеркивалась и в ее полугодовом отчете¹⁰. Кстати, в циркуляре ЦеКУБУ, разосланном 14 ноября 1922 г., утверждалось о создании Комиссии декретом СНК РСФСР от 6 декабря 1921 г.¹¹ Но упомянутый в нем декрет «Об улучшении быта ученых» содержит информацию о заслушивании Советом народных комиссаров проекта мероприятий, представленных на заседание как раз Центральной комиссией и утвержденных высшим исполнительным органом¹². Другое дело, что дальнейшее совершенствование правовых оснований ее деятельности произошло 14 февраля 1922 г., когда было принято «Положение о ЦеКУБУ» и местных КУБУ¹³.

Подобного рода организационные меры совершались властями из-за неприятия ими независимых профессиональных организаций, созданных ранее, считавшихся закрытыми кастовыми образованиями¹⁴. «Большинство честной интеллигенции было против нас», — утверждал в 1925 г. знаток вопроса Н. И. Бухарин¹⁵. Соответственно в 1921 и 1922 гг. были ликвидированы Союз научных деятелей и Союз научных учреждений и вузов¹⁶. А с конца 1921 г. делаются попытки создания секций научных работников. В литературе справедливо отмечалось, что Центральная комиссия по улучшению быта ученых брала на себя функции распределения благ и учета научного потенциала, а профессиональная организация научных работников (СНР) главным образом — политические¹⁷.

Такое отношение к профсоюзным функциям общественных организаций следовало исходя из позиций большевистских лидеров, которые заявлялись открыто: «“Огосударствление” профессиональных союзов и фактическое огосударствление всех массовых организаций пролетариата обусловлено внутренней логикой трансформационного процесса. Более мелкие ячейки рабочего аппарата должны превратиться в носителей общеорганизационного процесса, который планомерно направляется коллективным разумом рабочего класса, который приобретает свое материальное

воплощение в высшей и всеохватывающей организации, его государственном аппарате»¹⁸. Таким образом, профсоюзы рассматривались как массовые организации, призванные, прежде всего, «содействовать» советской власти.

В Беларуси подобные столкновения интересов не отмечены, поскольку для них не существовало предварительной базы в виде самодостаточного научного сообщества. Здесь создание профессиональных организаций ученых, как и возникновение самой социальной группы ученых, происходило с начала 1920-х гг. на почве, как минимум, лояльности к советской власти. Именно поэтому в республике можно было с большей отдачей реализовать стремления советского руководства, показательно сформулированные Н. И. Бухариным: «Нам необходимо, чтобы кадры интеллигенции были натренированы идеологически на определенный манер. Да, мы будем штамповать интеллигентов, будем изготавливать их, как на фабрике»¹⁹.

Недостаточное внимание к деятельности белорусской КУБУ, в том числе из-за плохой сохранности архивных материалов, обусловило в свою очередь отсутствие конкретной (насколько это возможно в наших условиях) информации даже о создании и начале ее деятельности. Разберем данную констатацию на одном примере, учитывая, что мы утверждаем не об ошибочных позициях авторов, а о их неоднозначности.

Э. Г. Иоффе и Б. А. Мельцер писали о создании БелКУБУ в сентябре 1922 г. и о регистрации ею 107 научных работников, которые подразделялись на четыре категории²⁰. Почти то же самое констатировал автор данной статьи, не абсолютизируя количество ученых. Действительно, такая информация, правда, с разделением научных работников не на четыре, а на шесть категорий, содержится в отчете КУБУ за 1922 г., составленном 15 декабря²¹. Вместе с тем, в сдвоенном номере «Трудов Белорусского государственного университета в Минске» за 1922 г. написано следующее: «Летом 1922 года организовалась Белорусская Комиссия по улучшению быта ученых. В состав Комиссии вошли: Председатель СНК — Червяков, НКП — Игнатовский, проф[ессора] Кирсанов, Беркенгейм, Некрашевич*, Пичета, Ярошевич»²².

---

* С. М. Некрашевич звания профессора не имел и соответствующей должности не занимал.

Приблизительно в то же время сборник ЦеКУБУ, содержание которого представляло собой отчет Комиссии за 1922 г., сообщал о персональном составе белорусской КУБУ: «Председатель — Игнатовский (НКП). Члены — Червяков (пред. Б[елорусского]СНК), Вейнер — зав. Главпрофобра. От БГУ — проф. Беркенгейм и проф. Пичета, от Политехнического института — проф. Ярошевич, от Института Белорусской Культуры — проф. Некрашевич»²³.

Для выяснения этих обстоятельств обратимся еще раз к архивным материалам, в том числе выявленным позже упомянутых публикаций. Первый раз мы встречаемся с Комиссией по улучшению быта ученых в Беларуси в документе под названием «Протокол совещания Минской КУБУ с представителями Правления БГУ (13 июля 1922 г.)». Здесь отдельно определены «члены КУБУ — проф. Беркенгейм и Некрашевич» и «члены Правления [БГУ] — проф. Ивановский Владимир Николаевич и Корсак, от Москвы — Иргер». Из процитированного следует, что Ивановский и Корсак не входили в состав КУБУ. А присутствие московского представителя говорит о важности данного заседания. Это, возможно, объясняется принятым решением «немедленно возобновить деятельность КУБУ» (здесь и далее курсив мой. — *И. Ш.*)²⁴. Приведенное позволяет сделать вывод, что приехавшие из России ученые, в частности работники БГУ, в конце 1921 г. или начале 1922 г. уже были зарегистрированы в КУБУ в местах выезда. Они получали академическое обеспечение, но изначально необходимости в создании «местной» КУБУ не испытывали, поскольку, работая на постоянной основе либо занимая нештатные должности в Минске, имели более прочные связи, например, с Москвой и Смоленском. Среди них выделим профессоров В. И. Пичету, Ф. Ф. Турука, Н. М. Никольского, В. В. Перцева, Д. А. Жаринова и др. Кстати, сказанное подтверждается переводом на академическое обеспечение Н. М. Никольского, Д. А. Жаринова, В. В. Перцева из Смоленска в Минск только с 1 января 1923 г., а также из других городов — И. И. Замотина, М. П. Соколовского, Н. Колоколова²⁵.

Присутствие на совещании представителя Центральной комиссии свидетельствует, по всей видимости, о заинтересованности последней в создании отдельной «местной» белорусской КУБУ. Ее организация позволяла не только контролировать выделенные

средства, промышленные товары, продукты питания, но и «держать руку на пульсе» кадровых изменений при проведении научной политики в союзной республике. Таким образом, именно Москве, как можно полагать, принадлежала инициатива организационного оформления Белорусской комиссии по улучшению быта ученых.

После упомянутого совещания дело по оформлению специального распределительного органа стало идти более быстрыми темпами. Ровно через две недели — 26 июля состоялось первое (протокол № 1) заседание членов КУБУ Н. К. Ярошевича, С. М. Некрашевича и Б. М. Беркенгейма. Ими принято решение: «...ввиду отсутствия каких-либо материалов по вопросу организации КУБУ... обратиться к члену КУБУ В. И. Пичете, который находится в Москве, с просьбой выслать анкеты, инструкции о квалификации ученых, финансировании КУБУ, после чего приступить к организации КУБУ»²⁶.

Их позиция представляется несколько странной. Как упоминалось, положение о местных КУБУ принято Центральной комиссией еще в феврале, но члены Минской КУБУ, похоже, им не владели даже через полгода после утверждения. Между прочим, в положении конкретно представлены функции комиссий и область их деятельности: «Местная КУБУ должна осуществлять регистрацию и учет всех научных работников на территории своей губернии либо области, наблюдать за правильностью распределения фондов обеспечения, защищать интересы ученых и ежемесячно держать отчет перед ЦеКУБУ»²⁷. Кстати, данное положение, в его первоначальном виде, встречено нами всего один раз в архивных материалах только 1924 г. (секция научных работников) с входящей датой 14.03.1924 г.²⁸ Хотя, возможно, получение этого экземпляра потребовалось во время подготовки к ликвидации БелКУБУ.

В несколько переработанном применительно к белорусским условиям виде положение рассматривалось 24 августа 1922 г. на Коллегии Наркомпроса БССР. Доработки заключались в том, что БелКУБУ определялась полномочным органом не только ЦеКУБУ, но и СНК БССР (п. 1). Ей предоставлялся необходимый технический аппарат в «инспекторiate Научных Учреждений» (п. 11), руководимом С. М. Некрашевичем (одновременно — председатель Института белорусской культуры). Здесь

определялся состав Комиссии. В документе от руки чернилами дописано: «БелКУБУ конституируется из следующих представителей: а) Совнаркома, Наркома Просвещения т. Игнатовского, б) Наркомпроса — Главного Инспектора Проф.-техн. образования т. Вейнера, в) Наркомпрода — т. Гальперина, г) Союза Рабпроса — т. Нодэля, д) Наркомфина — т. Талунтиса, е) Инбелкульта — т. Некрашевича, ж) Университета тт. Пичеты и Беркенгейма и з) Сельско-хоз. института — двух товарищей по назначению Правления последнего»²⁹.

Несмотря на юридическую неоформленность деятельности Комиссии, протокол ее второго заседания от 7 августа 1922 г. имеет заголовок «Заседание БелКУБУ». Значительно увеличилось количество присутствующих: В. М. Игнатовский, С. М. Некрашевич, Н. К. Ярошевич, Б. М. Беркенгейм, В. Н. Ивановский. Правильность высказанного выше предположения об инициативе Москвы в создании белорусской комиссии подтверждает повестка дня собрания. Заслушав отношение ЦеКУБУ об организации БелКУБУ, присланное в Минск 27 апреля 1922 г., участники совещания приняли его к сведению и согласились представить решение на утверждение в ЦИК БССР. Тогда же они выбрали главой комиссии А. Г. Червякова, заместителем В. М. Игнатовского, секретарем С. М. Некрашевича³⁰. Вскоре, как было показано, произошли некоторые персональные изменения в руководстве и КУБУ возглавил В. М. Игнатовский. Обратим внимание на то, что в Москве, вероятно, думали о своевременной реализации апрельского предписания. А узнав о невыполнении решения, прислали своего эмиссара для проведения в жизнь требования центрального органа. Присутствие московского представителя, как можно видеть из последующих событий, действительно ускорило дело.

Свою практическую деятельность Комиссия начала, таким образом, с 13 июля 1922 г. как Минская КУБУ и с 26 июля того же года — как Белорусская КУБУ. Работа проявилась, например, в распределении между зарегистрированными членами продуктов питания, кухонной утвари и «20 коробок гуталина» (на заседаниях 13 и 26 июля); регистрации и ходатайствовании перед ЦеКУБУ о зачислении в свой состав 52 лиц, в том числе В. В. Лепёшкина, К. М. Мицкевича (Якуба Коласа), И. Д. Луцкевича (Янки Купалы), С. Е. Плавника (Змитрака Бядули) и других (12 августа, протокол

№ 3). Но эти мероприятия осуществлялись, безусловно, исключительно под эгидой Центральной комиссии, поскольку белорусская не получила на то время формального юридического республиканского статуса.

Только 9 сентября 1922 г. ЦИК БССР решил утвердить БелКУБУ, персональный состав которой определялся таким образом, как было предложено на Коллегии Наркомпроса в августе³¹. Еще через месяц, 6 октября 1922 г., соответствующим постановлением СНК БССР БелКУБУ получила юридический статус при нем: «В целях изучения и улучшения положения научных работников учреждается при СНК “Белорусская комиссия по улучшению быта ученых”»³².

Функции этого чрезвычайного органа советской власти были довольно широкие: регистрация научных работников, осуществление их квалификации, обеспечение продовольственными и промышленными товарами, дополнительными денежными выплатами («академический паек»), культурное, медицинское и санаторно-курортное обслуживание. Поскольку мы анализируем организационную историю Комиссии, подробно останавливаться на направлениях ее деятельности не будем, т. к. это предполагается осуществить в отдельной публикации.

Ликвидация негосударственных форм профсоюзных объединений работников науки и высшей школы в 1921 и 1922 гг., открытие в связи с этим широких возможностей внедрения в жизнь огосударствленных профсоюзов, что соответствовало представлениям советского руководства об их роли и месте в коммунистическом строительстве, постепенно нивелирует роль комиссий по улучшению быта ученых, потому что их функции в «нормальных» обстоятельствах дублировали функции профсоюзов. С конца 1923 г. в составе Профсоюза работников просвещения активно создаются специальные секции научных работников. Соответствующие процессы, разумеется, имели место и в Беларуси. Кстати, еще в октябре 1922 г. руководство ЦеКУБУ продемонстрировало понимание временности ее существования. В кратком обзоре деятельности Комиссии отмечалось: «По мере организации на местах Секции научных работников при профсоюзах, местные КУБУ по согласованию

с ЦеКУБУ могут быть распущены, а их функции будут передаваться местным органам секции»³³.

Таким образом, с 1923 г. СНР, в том числе и в Беларуси, получают широкое распространение. На общем собрании СНРБ 20 декабря дискутировалась возможность оставления БелКУБУ параллельно с секцией. Но за это высказался только один профессор А. М. Евлахов, против — профессора Б. М. Беркенгейм, В. И. Пичета, И. Т. Титов. В результате обмена мнениями собрание постановило: «БелКУБУ должна прекратить свою деятельность и передать все свои функции Бюро СНР». Там же был избран состав бюро, куда вошли члены БелКУБУ В. И. Пичета, В. М. Игнатовский, С. Я. Вольфсон, И. Т. Титов, А. М. Касаткин, ассистент А. Щепотьев, И. И. Цвикиевич, кандидатами — Е. Успенский и В. Васильев. В свою очередь бюро СНР 24 декабря постановило ходатайствовать перед СНК о ликвидации Комиссии³⁴. Вскоре к делу подключился профсоюз работников просвещения, который 2 января обратился в СНК с просьбой устранить БелКУБУ и передать ее ресурсы, права и функции секции научных работников при Рабпросе Беларуси³⁵.

Изучение архивных документов позволяет судить о создании ликвидационной комиссии в конце марта 1924 г., поскольку 1 апреля И. Т. Титову, А. Щепотьеву и Кунцевицкому направлено отношение от бюро СНР с информацией о назначении ее членами, хотя постановление СНК БССР о ликвидации БелКУБУ датируется 2 апреля 1924 г. (все права в отношении охраны интересов научных работников переходят к СНР). Перед комиссией была поставлена задача «провести фактическую приемку БелКУБУ до 20 апреля»³⁶.

От БелКУБУ, согласно Акту приемки от 26 апреля, посланному в профсоюз работников просвещения БССР 7 мая 1924 г., были приняты дела с общей перепиской Комиссии, инструкции, циркуляры, переписка с ЦеКУБУ, протоколы заседаний, приход сумм, выдача займов научным работникам, документы по затратам, журналы с входными и исходными бумагами, кассовая книга. Никакого имущества Комиссия не имела, а на ее счету находились 200 дол. США и 882 руб. 33 коп.³⁷ Заметим, что значительный массив документов БелКУБУ, направленный в Центральное правление профсоюза работников просвещения, в архивном фонде отсутствует.

Время существования и самостоятельной активной деятельности комиссий по улучшению быта ученых оказалось недолгим. Это определялось политическими обстоятельствами, которые обуславливали поиски путей построения отдельных профессиональных организаций ученых. Таким образом, КУБУ как временные и чрезвычайные образования, очевидно, не вполне соответствовали представлению руководства о себе как о «школе коммунизма», одновременно фактически выполняя функции, которые при «нормальных условиях являлись непосредственной задачей профессиональной организации», — отмечалось в резолюции «О комиссиях по улучшению быта ученых» Всероссийского совещания представителей местных секций научных работников еще в июле 1923 г.³⁸

Ранее исследователи, в том числе и автор данной статьи, затрагивая различные аспекты из истории БелКУБУ, ставили на этом точку в освещении ее деятельности. Но дальнейшие исследования показали неполноту такого подхода. Как выясняется, в Беларуси существовала еще и «вторая» Комиссия по улучшению быта ученых. Аналогично с «первой» мы пока не можем назвать конкретную дату начала ее фактической деятельности. Но можно констатировать, что, как и в первом случае, она началась еще до юридического оформления статуса новой КУБУ.

Сведений о ней обнаружено еще меньше, чем о ее предшественнице, но даже имеющиеся позволяют более разносторонне реконструировать одну из страниц научной жизни республики в 1920-е гг. Первое известное нам упоминание касается решения пленума Центрального совета секции научных работников, принятого 16 мая 1926 г.: добиться организации при СНК БССР БелКУБУ с целью включения в государственный бюджет затрат по организации курортной помощи, командировок, премий и других «по улучшению положения научных работников» мероприятий. Через месяц уже Центральное бюро СНР утвердило проект положения об организации Комиссии и ориентировочную смету на 1926/27 финансовый год. Смета за исключением упомянутого выше содержала расходы на издание научных журналов и справочника «Наука и научные работники СССР» (информация по БССР, справочник издан в 1927 г.³⁹ — *И. Ш.*) и определялась общей суммой в 42 000 руб. О том, что работа КУБУ не была только

декларацией, а имела реальный характер, свидетельствуют, по крайней мере, два момента. Во-первых, СНР, конечно, могла инициировать создание Комиссии, но приступить к разработке положения без согласования с определенными властными структурами — вряд ли. Во-вторых, в пользу высказанного мнения свидетельствует информация секретаря СНР В. Д. Друщица от 30 сентября 1926 г., которой Центральное бюро СНР извещалось о сокращении Наркоматом просвещения бюджета БелКУБУ с 37 000 руб. до 10 000 руб.⁴⁰ Таким образом, приведенные суммы вариантов сметы КУБУ свидетельствуют о неоднократных, как минимум двух, согласованиях их с НКП, а комиссариата соответственно с СНК. Значит, вопрос о существовании БелКУБУ был проработан на высшем правительственном уровне и реализован в «явочном порядке».

На сегодняшний день о конкретной деятельности Комиссии известно немного. Так, отчет СНР в октябре 1926 г. сообщал, что ее средства состоят из фонда БелКУБУ — приблизительно 800 руб. Из этого фонда до мая 1926 г. выдавались небольшие займы. Со следующего месяца такая практика была прекращена в связи с увеличением средств кассы взаимопомощи Белгосуниверситета⁴¹.

Подчеркивает отношение Наркомата просвещения к Комиссии позиция его Главпрофобра, который на совещании 24 марта 1927 г. постановил считать целесообразным организацию отдельного издательства СНР при БелКУБУ на правах паевого общества с приглашением для участия в нем БелКУБУ, НКП, СНР, вузов, НКЗемледелия, НКЗдравоохранения, Белорусского государственного издательства и Института белорусской культуры⁴².

Возможно, отмеченное выше было обусловлено положительным заключением Комиссии законодательных проектов (КЗП) при СНК, которая 22 марта 1927 г. одобрила проект Устава ЦКУБУ (так написано в протоколе № 95 заседания КЗП). Точнее — «Положение о Центральной Комиссии по улучшению быта ученых БССР». Здесь, как видим, несколько изменено предыдущее название Комиссии с Белорусской на Центральную КУБУ БССР, что непосредственно указывает на ее самостоятельность от московской ЦеКУБУ и обусловлено, по-видимому, исключительно белорусским республиканским финансированием. На заседании заместитель наркома просвещения Волосевич подчеркнул,

что создание ЦеКУБУ БССР не будет требовать специальных ассигнований и аппарата.

Принятый проект свидетельствует о понижении статуса второй белорусской КУБУ по сравнению с первой до уровня структурного подразделения секции научных работников и подчинении (финансовом и организационном) Наркомату просвещения. Необходимо обратить внимание, что СНР, которая еще три года назад упорно добивалась ликвидации Комиссии, теперь так же настойчиво требует ее создания. Конкретные мотивы изменения ее позиции понять на основании имеющихся материалов трудно, поскольку большинство функций, предусмотренных для ЦеКУБУ БССР, на самом деле дублировали функции СНР. Исходя из логики событий и имеющихся фактов, можем предложить следующие, как представляется истинные, причины. Первая, быть равными «центру» — Москве, хотя бы формально, что, возможно, в некоторой степени обусловлено очень активным проведением национальной политики (коренизации и белорусизации). При этом необходимо иметь в виду сохранение московской ЦеКУБУ, которая просуществовала до начала 1930-х гг. Вторая причина — стремление через КУБУ получить хоть какие-то дополнительные средства на улучшение условий быта и профессиональной деятельности ученых республики. Третья — настойчивое стремление иметь свою КУБУ обуславливалось, скорее всего, тем, что доминантой ее деятельности было (либо от нее требовалось) воспитание и перевоспитание научных работников и только частично — материально-финансовое обеспечение.

Но ситуация оказалась не такой простой и однозначной, как это виделось из Минска. Представляется, именно Москва не позволила деунифицировать общую систему обеспечения ученых СССР. Явно не для того довольно трудно, и относительно длительное время, «центр» создавал специальные, фактически государственные, профсоюзы деятелей науки и высшей школы. Что ситуация складывалась подобным образом, либо очень близко к охарактеризованной нами, свидетельствует резкая смена позиции по данному вопросу председателя СНК БССР Я. А. Адамовича (наверное, он тоже был «резко» поправлен высшими союзными органами власти). На протоколе КЗП он написал: «Считаю, что в условиях БССР Комиссии по улучшению быта ученых быть

не должно. А дело это должны вести НКПросвещения, а также правления ВУЗ'ов и Секция Научных Работников. Яз. Адамович. 30.03.27 г.»⁴³ Вот теперь Белорусская комиссия по улучшению быта ученых окончательно и юридически, и фактически прекратила свое существование.

Вместе с тем, попытка создания учреждения с подобными распределительными, но подчеркнута иерархическими, функциями, опять же по примеру Москвы, была совершена в июле 1931 г. в виде Комиссии содействия ученым при СНК БССР⁴⁴. И опять же период ее функционирования оказался непродолжительным. КСУ была ликвидирована в сентябре 1934 г. по требованию СНК СССР как незаконно созданная⁴⁵.

Таким образом, в Беларуси закончили свою историю чрезвычайные государственные органы обеспечения ученых, которые по причине определенной стабилизации политического и экономического положения в СССР периода НЭПа и успешного создания и расширения государственных профсоюзов, подконтрольных советской власти, исчерпали свои политические ресурсы и стали ненужными в условиях неэкстремальной жизни общества.

Примечания

- ¹ *Калистратова Т. И.* Институт истории ФОН МГУ–РАНИОН (1921—1929). Н. Новгород, 1992. С. 11.
- ² Первые результаты деятельности советской власти в сфере культуры и образования (1917—1920 гг.). URL: <http://www.istmira.com/istoriya-rossii-20-vek/653-pervye-rezultaty-deyatelnosti-sovetskoj-vlasti-v.html> (дата обращения: 04.01.2017).
- ³ *Лукашук А.* Прыгоды АРА ў Беларусі. Радые Свабодная Эўропа / Радые Свабода, 2005.
- ⁴ *Иоффе Э. Г., Мельцер Б. А.* Джойнт в Беларуси. Минск, 1999.
- ⁵ *Ботвинник М.* Первые шаги Джойнта в Беларуси // Беларусь у XX стагоддзі. Мінск, 2003. Вып. 2. URL: <http://mb.s5x.org/homoliber.org/ru/xx/xx020105.html> (дата обращения: 04.01.2017).
- ⁶ *Шаўчук І. І.* Гуманітарныя навукі ў сацыяльнай гісторыі Беларусі (20—30-я гады XX ст.). Брэст, 2007. С. 85—88.
- ⁷ *Дубовик А. К., Дубовик Е. А.* Создание и деятельность профессиональной организации научной интеллигенции Беларуси // Труд. Профсоюзы. Общество. 2007. № 4. С. 8—13.

- ⁸ Цит. по: Максим Горький — председатель Комиссии по улучшению быта ученых в Петербурге. URL: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/news/2008/1210.htm> (дата обращения: 04.01.2017 г.).
- ⁹ Организация науки в первые годы Советской власти (1917—1925 гг.): сб. док. Л., 1968. С. 340, 344, 345.
- ¹⁰ Шесть месяцев работы Центральной комиссии по улучшению быта ученых при Совете Народных Комиссаров (ЦЕКУБУ): крат. отчет. М., 1922. С. 45.
- ¹¹ Национальный архив Республики Беларусь (далее — НАРБ). Ф. 306. Оп. 1. Д. 33. Л. 48.
- ¹² Организация науки в первые годы Советской власти. С. 347.
- ¹³ Год работы Центральной комиссии по улучшению быта ученых при Совете Народных Комиссаров (ЦЕКУБУ), декабрь 1921 г. — декабрь 1922 г. М., 1922. С. 75, 76.
- ¹⁴ *Иванова Л. В.* Формирование советской научной интеллигенции (1917—1927 гг.). М., 1980. С. 214.
- ¹⁵ *Бухарин Н. И.* Судьбы русской интеллигенции // Бухарин Н. И. Путь к социализму: избр. произв. Новосибирск, 1990. С. 103.
- ¹⁶ Наука и кризисы: историко-сравнительные очерки. СПб., 2003. С. 452.
- ¹⁷ *Хабибрахманова О. А.* Государственная система ранжирования научной интеллигенции Татарстана посредством социального обеспечения в 1920—1930-е годы // История России и Татарстана: итоги и перспективы энциклопедических исследований. Казань, 2010. Вып. 2. С. 159.
- ¹⁸ *Бухарин Н. И.* Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. С. 111.
- ¹⁹ *Бухарин Н. И.* Судьбы русской интеллигенции. С. 108.
- ²⁰ *Иоффе Э. Г., Мельцер Б. А.* Указ. соч. С. 49.
- ²¹ НАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 130. Л. 20.
- ²² Белкубу // Труды Белорусского государственного университета в Минске. 1922. № 2/3. С. 369.
- ²³ Год работы Центральной комиссии по улучшению быта ученых... С. 117.
- ²⁴ НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 36. Л. 6.
- ²⁵ Там же. Ф. 306. Оп. 1. Д. 33. Л. 77 адв.
- ²⁶ Там же. Д. 32. Л. 1.
- ²⁷ Год работы Центральной комиссии по улучшению быта ученых... С. 76.
- ²⁸ НАРБ. Ф. 306. Оп. 1. Д. 88. Л. 108.
- ²⁹ Там же. Ф. 42. Оп. 1. Д. 125. Л. 93.
- ³⁰ Там же. Ф. 205. Оп. 1. Д. 36. Л. 7.

- ³¹ Там же. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1179. Л. 7.
- ³² Там же. Ф. 15. Оп. 1. Д. 28. Т. 2. Л. 83.
- ³³ Там же. Ф. 306. Оп. 1. Д. 33. Л. 36.
- ³⁴ Там же. Д. 53. Л. 12, 30, 33.
- ³⁵ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 416. Л. 1.
- ³⁶ Там же. Ф. 306. Оп. 1. Д. 88. Л. 197, 203, 233.
- ³⁷ Там же. Л. 347.
- ³⁸ Организация науки в первые годы Советской власти. С. 354.
- ³⁹ Научные работники Белорусской Советской Социалистической Республики : справ. Минск, 1927.
- ⁴⁰ НАРБ. Ф. 306. Оп. 1. Д. 151. Л. 111 адв., 113, 186.
- ⁴¹ Там же. Д. 275. Л. 13.
- ⁴² Там же. Д. 285. Л. 145 об.
- ⁴³ Там же. Л. 205.
- ⁴⁴ Пра арганізацыю пры Савеце народных Камісараў БССР Камісіі Дапамогі вучоным : паст. СНК БССР, 7 ліпеня 1931 г. // Збор законаў БССР. Аддз. I. 1931. № 30. Паст. 205.
- ⁴⁵ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 7181. Л. 72.

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

ББК 63.3(2)522-414.13

Е. М. Петровичева, С. С. Харитонов

«СЛУЖИТЕЛЬ ИСТИНЫ И НАРОДА»: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ИНТЕЛЛИГЕНТА-НАРОДНИКА И. Н. ХАРЛАМОВА

Пониманию особенностей социокультурных процессов, характерных для пореформенной России, способствует изучение возрастающего влияния на них наиболее активной общественной силы — интеллигенции. Яркий след в ее деятельности оставили интеллигенты-народники. По мнению отечественного ученого Г. Н. Мокшина, народничество стало первой развернутой и теоретически обоснованной формой выражения интеллигентского самосознания¹. Еще одним фактором влияния на идейное развитие интеллигенции явился процесс пополнения ее рядов выходцами из духовного сословия. Их мировоззрение, полагает современная американская исследовательница Л. Манчестер, основывалось

© Петровичева Е. М., Харитонов С. С., 2017

Петровичева Елена Михайловна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории России, директор Гуманитарного института Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых. helenp94@mail.ru

Харитонов Сергей Сергеевич — аспирант кафедры истории России Педагогического института Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых. ss.haritonov@mail.ru

Научная публикация подготовлена в рамках государственного задания ВлГУ № 927/14 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности.

«на особой (нередко секуляризированной) форме религиозности»². Одним из типичных представителей реформаторского народничества был молодой владимирский публицист, литератор, сын сельского священника Иван Николаевич Харламов. Особенности жизненного пути и мировоззрения, характеризующие его как интеллигента-народника, выходца из духовного сословия, хотелось бы отразить в данной статье.

Харламов родился в 1854 году в маленьком погосте Вереетево Ковровского уезда Владимирской губернии (ныне Камешковский район Владимирской области), «затерянном в лесу одного из глухих мест средней полосы», как писал он в автобиографическом очерке, опубликованном в 1884 году³. Произведение охватывает период жизни в погосте и годы учебы в духовном училище. По словам Л. Манчестер, появление автобиографических мемуарных произведений, принадлежащих детям клириков, «помогало поповичам укрепить свое единство и прочертить собственную генеалогию интеллигенции, альтернативную представлениям выходцев из дворянства»⁴. При описании детского периода литератор акцентирует внимание на идее ценности знаний. В связи с этим центральное место в первой части очерка занимают фигуры священников и церковнослужителей, игравших в погосте роль интеллигенции. Они старались не отставать от времени: читали охотно и много, нередко вели дискуссии на богословские темы. Неудивительно, что и ребенок еще до поступления в училище «глядя ли на старших, или по врожденной любви к книгодству» приобщился к чтению и прочитал «от доски до доски» исторические книги Ветхого завета и Евангелия с Деяниями святых апостолов.

Совсем иным колоритом окрашен училищный период жизни. Перед нами своеобразная изнанка жизни захолустного провинциального города N (под которым подразумевается город Суздаль Владимирской губернии). На первый план здесь выходят фигуры новых знакомых подростка — часовщика Ермолая Иваныча и заштатного дьячка Льва. Оба, чуждые мещанства, отдаленно напоминали городских юродивых — обличали людские пороки, растлевающие душу, и, естественно, не принимались мещанской средой. Тема борьбы с человеческими пороками перекликается с фигурой самого автора, стоявшего перед выбором:

«Мне говорили о карьере, — вспоминал он, — я слушал и хотел “оправдать доверие”, а какая-то неотразимая сила стаскивала меня с прямой и ровной дороги “паинок” помимо моего сознания, моей воли, и сопротивление этой силе доставляло мне только страдания...»⁵ По мнению известного владимирского биографа рубежа XIX—XX веков А. В. Смирнова, «простое деревенское воспитание положило начало честности в мыслях, справедливости в поступках, стремления к правде и любви к народу»⁶. Добавим к этому, что свою роль могло сыграть и воспитание в среде духовенства, формировавшее обостренное восприятие действительности как столкновение этических ценностей, «арену бескомпромиссной борьбы добра и зла»⁷. Ее олицетворением в творчестве Харламова стала проблема противостояния индивидуального и коллективного начал, красной нитью проходящая через многие его произведения.

Воспоминаний о периоде учебы во Владимирской духовной семинарии Харламов не оставил, однако в одной из своих полемических статей он отзывается о семинарской атмосфере весьма категорично: «Признаемся, мы не можем без крайнего озлобления вспомнить эту до мозга костей развращенную систему “морали”», — заявлял народник⁸. Не вызывает сомнений, что эти слова основаны на собственном горьком опыте бурсацкой жизни. На его основе Харламов делал закономерный вывод, что семинария в том виде, в каком она существовала тогда, отжила свой век и со временем ее необходимо будет передать в руки народа. Как отмечала Л. Манчестер, в понимании поповичей «бурса была своеобразным мостом между “святым” миром детства и испорченной мирской сферой», которую выходцам из духовенства в дальнейшем предстояло «спасти от гибели»⁹.

К семинарскому периоду относится важное событие в жизни Харламова — его знакомство с владимирским писателем Н. Н. Златовратским. С 1872 года в течение нескольких лет Златовратский проживал в родном городе. Стоит сказать, что дом Златовратских во Владимире был связан с взлетом активности демократических сил конца 1850-х годов, видел в своих стенах Н. А. Добролюбова и в течение последующих десятилетий продолжал оставаться притягательным местом для владимирской молодежи. При этом фигура Златовратского являлась своеобразным

связующим звеном поколений 60-х и 80—90-х годов¹⁰. Воспоминания марксиста С. П. Шестернина свидетельствуют о значении Златовратского для владимирской молодежи тех лет: «В те немногие дни, когда Н. Н. [Златовратский] бывал во Владимире, он был постоянно окружен семинаристами и гимназистами. Помню как мы, гимназисты, темными осенними вечерами пробирались по грязным неосвещенным улицам к Златовратскому, который неизменно встречал нас с особой радостью. Делясь своими деревенскими впечатлениями и наблюдениями, он горячо призывал нас в народ, на помощь крестьянину...»¹¹ Для Харламова Златовратский стал старшим товарищем и литературным наставником. По словам его дочери Софьи, Харламов «близкий по своим убеждениям отцу, был очень предан ему»¹². Возможно, что в тот период у начинающего литератора оформились представления о народническом движении, социальной миссии интеллигенции.

В 1875 году Харламов был уволен из семинарии по прошению и поступил в Санкт-Петербургский университет. Этот период отмечен знакомством с писателями, публицистами, книгоиздателями, началом собственной литературно-публицистической деятельности. Укажем на несколько значимых моментов. На рубеже 1870—80-х годов Харламов помогал публицисту А. И. Эртелю в работе в частной библиотеке, располагавшейся на Невском проспекте. Библиотека была не просто местом обмена книгами — по воспоминаниям публициста Н. С. Русанова, в библиотеке Эртеля встречались литераторы из «Отечественных записок», «Дела», «Слова», «Русского богатства», революционеры партии «Народная воля»¹³. В тот же период Харламов вошел в состав редакции журнала «Русское богатство», организованного литераторами демократического направления на артелях начальных классов. В 1880—1882 годах он работает секретарем в газете «Страна», отстаивавшей либеральные, народнические идеи, ведет хронику в журнале «Дело». Какая-то часть событий марта 1881 года, Русанов отмечал, что «энергичная передовица в “Стране”, ясно говорившая о необходимости дать России свободные политические учреждения, принадлежала перу покойного И. Н. Харламова»¹⁴. Основное время молодого литератора в этот период занимали Публичная библиотека, лекции, редакция и рабочий кабинет. Даже поездки на родину в летние месяцы рассматривались им

как возможность для исследований, поскольку из дома Харламов присылал корреспонденции и статьи, основанные на материале быта крестьян Владимирщины¹⁵.

О том, что студенту столичного университета жилось в тот период нелегко, свидетельствует хотя бы тот факт, что в течение пяти лет ему четырежды приходилось менять место жительства. В письмах к писателю Ф. Д. Нефедову, редактировавшему газету «Русский курьер», неоднократно встречаются просьбы поскорее выслать гонорары за статьи ввиду тяжелого материального положения отца. На иждивении сельского священника из Суздальского уезда в то время находилось семеро детей, поэтому Харламов, как старший сын, зачастую просил переводить деньги за публикации напрямую отцу. «В деньгах он ужасно нуждается, — пояснял народник. — И каждый день дорог, и каждая копейка»¹⁶.

В 1882 году Харламов подвергся аресту. Поводом послужил тот факт, что у московского дворянина В. И. Яковенко в шифрованных записках был обнаружен список имен и адресов, где беглые политические ссыльные, связанные с партией «Народная воля», могли бы найти пристанище по дороге из Сибири в европейскую часть страны. В списке оказался и адрес Харламова. Полгода он провел в доме предварительного заключения, откуда был выпущен за отсутствием данных для его обвинения. Вместе с тем, за Харламовым было установлено негласное полицейское наблюдение¹⁷.

В 1883 году Харламов женился на выпускнице женских врачебных курсов сестре Златовратского — Анне Николаевне (тоже, к слову сказать, находившейся под негласным надзором полиции). Молодая семья проживала в Московской и Смоленской губерниях, супруги неоднократно приезжали на родину во Владимирскую губернию, останавливались в доме Златовратских. Судя по донесению полиции, они «ни в чем предосудительном замечены не были».

В 1883—1885 годах по приглашению известного экономиста профессора А. С. Посникова Харламов работал статистиком статистического отделения Смоленского губернского земства. К этому периоду относится проведение смоленскими земскими статистиками — передовым отрядом служащих земства — сплошного подворного обследования крестьянского хозяйства в шести уездах по обширной программе, разработанной под руководством Посникова. Подворная перепись дополнялась обследованием

общих условий селений. После обработки собранного материала был опубликован шеститомный «Сборник статистических сведений по Смоленской губернии»¹⁸. В томе, посвященном Вяземскому уезду, отдел о крестьянском хозяйстве, промыслах и кредите был составлен Харламовым на основе материалов, собранных в ходе живого общения с сельскими жителями тех мест летом 1884 года.

В октябре 1885 года у Харламова проявились первые признаки страшного заболевания — туберкулеза. В июне 1886 года он вместе с семьей Златовратского выехал на лечение кумысом в Самарскую губернию. Лечение не дало ожидаемого эффекта. В ноябре того же года в донесении помощника начальника Московского губернского жандармского управления по Клинскому и Волоколамскому уездам сообщалось, что здоровье Харламова «настолько плохо, что он не встает с постели и едва ли выздоровеет»¹⁹. Скончался Иван Николаевич Харламов 18 (30) марта 1887 года и был похоронен в селе Раменье Волоколамского уезда Московской губернии (ныне Шаховской район Московской области), где его жена работала земским врачом.

В течение десятилетнего периода творческой деятельности Харламов опубликовал несколько десятков художественных и публицистических статей и очерков. Среди них, прежде всего, стоит упомянуть крупные научно-публицистические очерки («статьи-монографии», по определению А. В. Смирнова) по вопросам обычного права («Женщина в русской семье»), а также посвященные проблемам церковного раскола и сектантства («Странники», «Духоборцы», «Штундисты», «Идеализаторы раскола», «Протопоп Иван Неронов»). Произведения Харламова публиковались в передовых «толстых» журналах тех лет, таких как «Дело», «Русская мысль», «Древняя и новая Россия», «Русское богатство», «Вестник Европы», многочисленных газетах.

Главным объектом исследований народника на протяжении всего творческого пути являлось крестьянство, а важнейшим принципом творчества — стремление к реалистичному изображению действительности*. В рассмотрении проблем пореформенного крестьянства народник выступал как против идеализации

---

* К слову сказать, один из литературных псевдонимов Харламова — «Реалист».

отдельных его сторон, так и против нагнетания чувства безысходности и катастрофы. «Мы не говорим, — отмечал он, — что у художника не должно быть собственной идеи, тенденции. Он, как и каждый человек, не может не иметь своих взглядов. Но тенденция никогда не должна владеть художником сильнее, чем непосредственное впечатление от живого факта. В правдивом воспроизведении живых впечатлений, именно их, а не своих идей заключается все значение художника»²⁰. При этом отношение самого Харламова к творчеству было сродни общественному служению. Как отмечает Л. Манчестер, столь характерный для интеллигентов — выходцев из среды духовенства образ служения народу являлся, по сути, «продолжением идей социально-пастырского движения»²¹. С этим утверждением вполне можно согласиться. Один из собратьев по литературному труду охарактеризовал его следующим образом: «Несколько суровый и холодный на первый взгляд, он сразу преображался, когда речь заходила о его любимых темах. Беспощадный в нападках, И. Н. [Харламов] становился в то же время искренним другом тех, в ком замечал стремление к правде и любовь к народу. Это был действительно литературный работник, работник ради принципа, а не литератор-ремесленник, видящий лишь один гонорар»²². Возможно, поэтому для него так притягательны оказались образы борцов с мещанскими пороками из собственного детства и фигуры лидеров церковного раскола, которых Харламов в своих очерках определяет как проповедников-обличителей. Стремление к реализму в произведениях народника не исключает тенденциозность, с которой он рисует городской и крестьянский мир, заостряя внимание на разлагающих влияниях индивидуализма. Подобную модель отношения к жизни и творчеству, свойственную русской классике петербургского периода, которая «не уставала обличать зло и кривду, торжествующие в жизни», отечественный исследователь А. М. Панченко называл «светским вариантом юродства»²³.

В качестве фундаментальной общественной ценности Харламов рассматривал идею демократических свобод, основываясь на народнических представлениях о социальном равенстве. Моделью справедливого социального устройства, по его мнению, выступала сельская община. В своих работах исследователь

подчеркивал комплексный, многогранный характер данного явления, прочно укоренившегося в крестьянском сознании. Поэтому Харламов разделял интерес к изучению роли народных масс в истории, к популярной в XIX веке идее борьбы двух начал — «централизма и народоправства», во многом следуя идеям историков демократического направления, таких как Н. И. Костомаров и А. П. Щапов.

Внимание, уделяемое вопросам эволюционного общественно-исторического развития, закономерностям общественных отношений, наводит на мысль о близости взглядов народника круга И. С. Тургенева, Л. А. Полонского и Я. В. Абрамова — сторонникам эволюционного пути развития общества²⁴. Проблема эволюции общественного самосознания в мировоззрении Харламова была связана с понятием рационализма. Под ним он подразумевал особую склонность ума рассуждать на «достаточном основании», объяснять явления естественными причинами, а не сверхъестественным вмешательством, т. е. по сути — материалистическую систему мышления, отличающуюся осознанностью, критичностью, системностью, этической направленностью.

Существенной представляется самоидентификация интеллигента-народника, сына сельского священника через его отношение к церкви и интеллигенции. В качестве основной проблемы духовенства исследователь указывал на его зависимую роль перед государством. Как утверждал Харламов, особое духовное сословие «по нынешнему времени — учреждение невозможное, не ему играть какую-нибудь роль в будущем развитии русской жизни»²⁵. Поэтому выходом из сложившегося положения, по его мнению, должна была стать общая реформа церковного управления на началах «выборно-соборных», которая предполагала отделение церкви от государства. В перспективе Харламов видел духовенство частью народной массы, поскольку лишь в этом случае у него были шансы сохранить свой авторитет в обществе. Здесь отчетливо просматривается стремление народника к расширению гражданских свобод, преодолению сословной разобщенности, повышению, прежде всего, общественного авторитета крестьянского сословия. При этом значение института церкви определялось исследователем исходя из утилитарной идеи народной пользы.

В своих статьях Харламов разделял понятия «народ» и «интеллигенция». Интеллигенция, по мнению Харламова, не являлась частью народа и по своему развитию, и по экономическому положению, и по исторической роли. «Нам незачем печалиться, — писал народник, — если “интеллигенция” не попадает под понятие “народ”; мы — не народ в тесном смысле, это правда, но вместе с народом мы образуем нацию (на основе племенного родства и единства языка), образуем государство, задача которого — устранять противоречия интересов наших и народных, регулировать борьбу этих общественных групп, примирять противоречия жизненных интересов народа и интеллигенции, если таковые окажутся»²⁶.

В рамках проблемы долга интеллигенции перед народом, популярной в общественной среде второй половины XIX века, Харламов говорил о двух типах отношения демократической интеллигенции к народу. Первое направление, связанное с именами Д. И. Писарева и Г. И. Успенского, полагало, что интеллигенция должна выступать в роли вожака, спасти народ, научить его, как нужно жить. По мнению Харламова, интеллигенция «устремилась на подвиг с целью слишком общей и потому слишком неопределенной... устремилась и чуть не на всех пунктах обожглась». Второе направление, связанное с именами Н. А. Добролюбова и Н. Н. Златовратского, «более спокойное и обдуманное», ставило на первое место не себя (т. е. интеллигенцию), а народ. Интеллигенты видели в народе не просто забитую и обездоленную массу, а прежде всего носителя высоких общественных идеалов, «таких великих нравственных начал, каких нет у интеллигенции, и каким ей не мешало бы поучиться у него». В соответствии с этим, в задачи интеллигенции входило «ближе присмотреться к народу, хорошенько изучить его, понять, почему он отказывается от наших рецептов и гонит нас прочь?»²⁷. Очевидно, что сам народник причислял себя ко второй группе. Следуя современной типологии русской интеллигенции, предложенной Г. Н. Мокшиным²⁸, Харламова можно отнести к представителям социально-экономического подхода, сблизившего его с идеологами «малых дел» И. И. Каблицем, С. Н. Кривенко, В. П. Воронцовым.

Интересно посмотреть на описанные выше идеи Харламова сквозь призму его отношений в родительской семье. Ни выбор

им светской карьеры, ни критические высказывания в адрес института церкви, ни очерки, посвященные религиозным сектам, и даже арест — не вызвали конфликта «отцов и детей». Выше уже упоминалось, что он периодически гостил в родительском доме, всячески старался поддерживать отца материально. О роли Харламова в родительской семье можно судить по отзыву его младшего брата, академика живописи Николая Николаевича Харламова: «Я вырос в большой семье и в среде, где без авторитета не обойтись. В нашей семье авторитет был и очень сильный, и заслуженный — старший брат Иван Николаевич»²⁹.

Преследуя преимущественно социальные цели, народник ориентировал свои очерки на широкую читательскую аудиторию, а затрагиваемые проблемы (например, кустарных промыслов, религиозных меньшинств, положения женщины в семье и обществе и др.) рассматривались им как один из аспектов борьбы за расширение гражданских прав, улучшение экономического положения социально незащищенных слоев населения. Имевший некогда непосредственное отношение к народничеству отечественный марксист Г. В. Плеханов подчеркивал эту особенность типичного образованного разночинца: «Общественные интересы преобладают у него над всеми прочими. Чисто литературные вопросы занимают его сравнительно очень мало»³⁰. Учитывая сказанное, можно было бы вполне упрекнуть народника в излишнем схематизме сюжетов художественных очерков, упрощенном взгляде на исторические процессы, социальные отношения, отметить зачастую полемический характер его произведений. Однако оценивать его работы с научной или эстетической точки зрения необходимо, на наш взгляд, с поправкой на их утилитарность. Вместе с тем нужно признать, что народник при создании научно-публицистических произведений опирался на достаточно широкую источниковую базу, затрагивал обширный круг злободневных проблем пореформенного периода, высказывая порой нестандартные взгляды на их решение, многие из которых и по сей день не утратили актуальности. В связи с этим характеристика, данная Харламову А. В. Смирновым — «служитель истины и народа», представляется справедливой. Интеллигент-народник оправдал ее своей жизнью и творчеством.

Примечания

- ¹ Мокшин Г. Н. Идеологи легального народничества о русской интеллигенции : моногр. Воронеж, 2007. С. 3.
- ² Манчестер Л. Поповичи в миру : духовенство, интеллигенция и становление нового самосознания в России. М., 2015. С. 14.
- ³ Харламов И. Н. Без начала и без конца : (дневник в отрывках из воспоминаний о детстве) // Вестник Европы. 1884. № 5/6. С. 517—547.
- ⁴ Манчестер Л. Указ. соч. С. 72.
- ⁵ Харламов И. Н. Указ. соч. С. 513.
- ⁶ Смирнов А. В. Уроженцы и деятели Владимирской губернии, получившие известность на различных поприщах общественной пользы : (материалы для биобиблиографического словаря). Владимир, 1896. Вып. 1. С. 145.
- ⁷ Манчестер Л. Указ. соч. С. 377.
- ⁸ Харламов И. Н. К вопросу о положении духовенства // Страна. 1880. № 91. С. 4.
- ⁹ Манчестер Л. Указ. соч. С. 234.
- ¹⁰ Титова В. И. Кружок Златовратских во Владимире // Записки владимирских краеведов. М., 2000. Вып. 3. С. 23.
- ¹¹ Шестернин С. Владимирский кружок молодежи и Н. Е. Федосеев : (страничка воспоминаний) // Федосеев Н. Е. — один из пионеров революционного марксизма в России : (сборник воспоминаний). М. ; Пг., 1923. С. 106—107.
- ¹² Златовратская С. Н. Из воспоминаний об отце // Златовратский Н. Н. Воспоминания. М., 1956. С. 360.
- ¹³ Русанов Н. С. На родине, 1859—1882. М., 1931. С. 257.
- ¹⁴ Русанов Н. С. Событие 1 марта и Н. В. Шелгунов // Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. М. Воспоминания. М., 1967. Т. 1. С. 358.
- ¹⁵ См.: Харламов И. Н. Факты общинного владения // Московское обозрение. 1878. № 1. С. 37—47 ; *Он же*. Из Суздальского уезда : (корреспонденция в редакцию газеты «Русский курьер», 16 июля 1879 года) // Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ). Ф. 342. Оп. 1. Д. 151. Л. 1—2 об.
- ¹⁶ РГАЛИ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 129. Л. 4 об.
- ¹⁷ Государственный архив РФ. Ф. 63. Оп. 41. Д. 139. Л. 1.
- ¹⁸ Валиулина И. В. История развития статистики Смоленщины // Статистика в современном обществе: ее роль и значение в вопросах государственного управления и общественного развития : материалы межрегион. науч.-практ. конф. Н. Новгород, 2015. С. 34.

- ¹⁹ Государственный архив Владимирской области. Ф. 704. Оп. 1. Д. 31. Л. 84.
- ²⁰ *Харламов И. Н.* Московская беллетристика // Дело. 1883. № 7. С. 5.
- ²¹ *Манчестер Л.* Указ. соч. С. 378.
- ²² *Смирнов А. В.* Указ. соч. С. 158.
- ²³ *Панченко А. М.* Юродивые на Руси // Панченко А. М. Я эмигрировал в Древнюю Русь. Россия: история и культура : работы разных лет. СПб., 2005. С. 41.
- ²⁴ *Головкин В. М.* Социально-философские идеи эволюционного развития в теоретическом наследии Я. В. Абрамова // История и историография правого народничества : сб. ст. Воронеж, 2014. С. 200.
- ²⁵ *Харламов И. Н.* К вопросу о положении духовенства. С. 4.
- ²⁶ *Харламов И. Н.* [Рецензия] // Страна. 1881. № 97. С. 6 (рец. на ст.: *Пытин А. Н.* Изучение русской народности // Вестник Европы. 1881. № 8. С. 756—771).
- ²⁷ *Харламов И. Н.* Наблюдения над народной жизнью // Страна. 1882. № 87. С. 8 (рец. на кн.: *Успенский Г.* Деревенская неурядица : (рассказы). СПб., 1881—1882. Т. 1—3 ; *Златовратский Н.* Деревенские будни. СПб., 1882).
- ²⁸ *Мокишин Г. Н.* Типология русской интеллигенции в публицистике легальных народников // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: История. Политология. Социология. 2007. № 1. С. 54.
- ²⁹ *Печкин М. Б., Тупицын И. В.* Харламов Николай Николаевич : жизнь и творчество. Фурманов, 2013. С. 126. Авторы издания высказывают предположение, что Николай Харламов, оставив по совету старшего брата Ивана семинарию, уехал в Петербург и смог поступить в Императорскую Академию художеств. Карьеру священника выбрал лишь один из пятерых братьев Харламовых — Михаил.
- ³⁰ *Плеханов Г. В.* Гл. И. Успенский // Плеханов Г. В. История в слове. М., 1988. С. 222.

ББК 60.03

О. В. Шимельфениг, Л. Я. Солодовниченко**ВЕЧНЫЙ ВЫЗОВ ИНТЕЛЛИГЕНТУ
НА ФОНЕ РЕНЕССАНСА. ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ**

Историю и философию связывает вечная проблема (встающая во все времена перед каждым мыслящим человеком), которую можно сформулировать как двуединый вопрос «Что есть реальность и кто я в ней?» потому, что картина реальности неизбежно обусловлена программами восприятия и интерпретации воспринимаемого автором. Так же и историческая реальность воспринимается и интерпретируется по-своему той или иной группой исследователей (иногда прямо по чьему-то заказу) и, строго говоря, конструируется каждым историком в зависимости от его самоидентификации в усвоенной им картине мира, часто мало осознаваемой, но принимаемой им за «объективную»¹.

Как к этой фундаментальной философской, мировоззренческой двуединой проблеме неизбежно выходит историк? Обратимся для выразительной иллюстрации к трудам исследователя Ренессанса Л. М. Баткина, получившего международное признание: «О Возрождении, как и о любой другой эпохе в истории культуры, можно рассказать по-разному». Далее он развивает эту мысль,

---

© Шимельфениг О. В., Солодовниченко Л. Я., 2017

Шимельфениг Олег Владимирович — кандидат физико-математических наук, доцент Саратовского государственного университета, вице-президент регионального отделения Академии проблем качества РФ. Shim.OV@mail.ru

Солодовниченко Лилия Яковлевна — кандидат философских наук, президент Саратовского регионального фонда «Фонд научных и культурных инициатив межконфессионального сотрудничества». angelinaalvidas@yandex.ru

говоря о том, что «можно расположить феномены культуры и портреты ее творцов в хронологической последовательности, показав мыслительные традиции или художественные школы в перестроенности их связей и столкновений. Тогда читатель увидит, что ренессансная культура жила от своего рассвета до заката, меняя облик и окраску при меняющемся историческом освещении. Возрождение при этом выглядит как событийный ряд, как некое происшествие в мировой культуре. В таком описании непременно есть завязка, кульминация и финал, которые, казалось бы, естественно даны самой историей. Это рассказ с классической фабулой, драматизм которой неизменно впечатляет нас и наиболее непосредственно и привычно соответствует понятию “история”. Необходимость такого, называемого генетическим или диахроническим, способа изучать прошлое — очевидна и непреходяща»².

Однако всякое описание типа культуры наталкивается на трудности, неодолимые в рамках диахронического подхода: 1) как определить временные границы изучаемого исторического явления (того же Возрождения — «еще не» или «уже»?); 2) в разных сферах культуры эти границы разные; 3) какие феномены включать в исследуемое явление, а какие нет; 4) согласно Б. О’Келли, тысячи монистических умов получают тысячи «центральных фактов», то есть «нет Истины о Ренессансе, есть истины»³. После такой констатации Л. М. Баткин заключает, что если оставаться на обозначенной позиции, то для историка это означало бы «признать поражение в своем главном деле — в осмысленной целевой регистрации прошлого»; при этом все трудности, по сути, сливаются в одну: прежде чем описывать историю «итальянского Возрождения», надо знать, что это такое, но чтобы понять суть явления — надо изучать его историю, то есть получаем «заколдованный круг»!

Разумеется, выдающийся ученый предлагает свое решение: «Всякие дискуссии о периодизации бессмысленны, если они не ведутся вокруг **теоретического понимания** Возрождения. Границы Возрождения там, где мы констатируем начало и конец **своейственной ему системы мышления**. Прежде чем очертить Возрождение хронологически, мы обязаны очертить его историологически. В этом методическом аспекте мы вправе употребить оборот “прежде чем” безо всякой условности. Нарочито заостряя

формулировку, я бы сказал, что проблемы периодизации Возрождения не существует! Есть только **проблема интерпретации**. Договорись мы о ней, остальное приложится» (выделено нами. — *О. Ш., Л. С.*)⁴.

В принципе, в первом приближении, мы согласны с ученым, но разве очевиден и общепонятен смысл выделенных нами ключевых терминов автора: «теоретическое понимание», «система мышления» и «интерпретация»? Здесь-то и требуется обращение к их мировоззренческому осмыслению — философской рефлексии, чтобы **согласовать, прежде всего, их понимание**. В том-то и дело, что «договориться об интерпретации» совсем нелегко (см., например, работу В. Руднева «Морфология реальности»). Если бы так просто было договариваться об интерпретации происходящего в реальности, то не было бы враждующих групп религиозных фундаменталистов, противоборствующих научных школ, воюющих кланов и армий. То есть, основной причиной всех конфликтов и трагедий — от бытовых до мировых — **как раз** и является проблема взаимопонимания и согласования точек зрения с выходом на совместную конструктивную деятельность. Достаточно обратиться к современной политической ситуации в мире, которая балансирует на грани глобальной катастрофы. Более полувека назад трагически погибший (именно в результате политических разборок) президент США Джон Кеннеди заметил: «В наш ядерный век **неверное истолкование** намерений другой стороны может иметь более **страшные** последствия, чем **все войны** человечества» (выделено нами. — *О. Ш., Л. С.*).

Рискнем **предложить кардинальное философское решение проблемы интерпретации, а значит, и «заколдованного круга» исторического исследования**, разумеется, отдавая себе отчет в ограниченности наших возможностей быть услышанными и понятыми (в силу действия именно тех подсознательных механизмов восприятия, которые мы, как раз, и будем вскрывать здесь). Тем не менее, мы надеемся, что не вызовет возражения (при некотором размышлении) такое исходное утверждение: всякое «теоретическое понимание», «система мышления» и «интерпретация» опираются на нечто **еще более глубокое**, заложенное в каждого индивида генетически и той локальной средой, в которой он родился, вырос и живет в данный момент, то есть что-то вроде

«системы мышления», по Баткину, только отнесенной не к эпохе, а к конкретному человеку. Причем это ментальное, **невидимое** физическим зрением, образование, которое, пользуясь терминологией современной технологической культуры, можно назвать комплексом программ по переработке всего воспринимаемого, во многом не осознается своим обладателем, но, по сути, определяет в целом его поведение, а значит, и судьбу. Поскольку же будущее человечества, очевидно, зависит от действий каждого человека, то мы все оказываемся заложниками наших подсознательных установок — предпочтений и шаблонов мышления. Решение о начале ядерного апокалипсиса примет конкретный человек на основании **своей интерпретации** полученной информации, исходя из своей мало осознаваемой картины мира...

Мы полагаем, что человеческая культура, включая религиозную, конечно, изначально ориентирована на повышение степени самоконтроля каждого члена общества. Эта школа становится всё более необходимой, когда люди начинают создавать орудия производства и войны, чреватые масштабным самоуничтожением. Но если актуальность задачи обучения рефлексии достаточно очевидна, то ее нетривиальность, огромная трудность — не всем сразу понятна. Тем более, что в традициях естествознания и впитавшей его образ мыслей европейской культуры — не замечать **судьбоносное** значение этой проблемы. Для демонстрации ее нетривиальности можно обратиться к примеру из жизни отнюдь не рядового человека, а талантливейшего творца, психолога и знатока отечественной культуры и языка — Н. В. Гоголя, не отрефлексировавшего глубоко разницу в моделях мира современной ему и Киевской Руси. «Показательно, что имея текст такого памятника, как “Слово о полку Игореве”, перед глазами, цитируя из него места, ясно говорящие об особом способе понимания мира, даже внимательный читатель, вроде Гоголя, склонен был всё же переосмыслить их в свете своей модели средневековья (а последняя строилась как часть его модели мира). <...> **каждому человеку свойственно воспринимать свою точку зрения не как одну из возможных, подлежащую изучению и описанию, а в качестве “естественной” и “очевидной”**» (выделено нами. — *О. Ш., Л. С.*)⁵.

Таким образом, человечество, наконец-то, вынуждено осознать классическую труднейшую философскую проблему,

доступную когда-то лишь для избранных — «Познай самого себя», уже как **главную** и решающую для своего выживания. Парадоксально, но понятно с точки зрения философской истины о взаимопереходе противоположностей, что игнорирование своего внутреннего мира и параноидальное сосредоточение только на внешнем, видимом, измеряемом, на так называемой «объективной реальности» и материальной пользе, привело человечество, в конце концов, на грань самоуничтожения и вынужденного обращения к противоположному — **сознательному аспекту** Универсума. Балансирование на грани катастрофы — это плата за нежелание изучать и взаимодействовать с Целостностью мироздания, которое не сводится к вселенскому механизму, а основывается на Вселенском Разуме. Выдающиеся ученые-физики начали осознавать этот единственно спасительный поворот в понимании мироустройства и утверждают следующее.

Фритьоф Капра (специалист по физике высоких энергий — Вена, Париж, Стэнфорд, автор широко известной книги «Дао физики»): «**Космос — живой. Он разумен или наделен разумом.** Мы должны признать, что **Земля — в первую очередь живая система.** Это приведет к определенному общественному сознанию или социальной деятельности. <...> Весь космос — это процесс, содержащий структуры, которые вы осознаете. ...многие науки ведут в одном направлении. Оно должно изменить весь взгляд на науку и мотивацию ученого от контроля и доминирования над Природой до сотрудничества с ней. <...> В биологии метод изучения животного был таков: привязать его, расчленив или воткнуть в него электроды. Но это не способ понять животное. Этот способ доминирования был привнесён во все науки, и он всё ещё используется нами. **То, что мы делаем, пытаясь господствовать над Природой — самоубийство.** Мы должны осознать, что мы не можем управлять природой. Это природа или живой космос куда более широкого масштаба... В средние века ученые трудились на своем поприще во славу Божью. Это было целью, а не господством. Это означало быть просветленным, **достигнуть собственного просветления. Такой подход должен быть возрожден, иначе наука не выживет.** Это как раз тот подход, который присущ мистической традиции. Вы изучаете реальность, используя собственное тело и разум как инструмент. Вы не стремитесь господствовать

или управлять. Я думаю, что должно произойти глубинное изменение сути дела» (выделено нами. — *О. Ш., Л. С.*)⁶.

Образ мира, объединяющий в себе разумно-духовную и материальную составляющие, статику форм и динамику изменений — известен тысячи лет как Божественная Космическая Игра (на санскрите — Лила), которую современным языком можно назвать Сюжетно-игровой картиной мира⁷. На ее основе мы предлагаем осмыслить ключевые термины исторического исследования «теоретическое понимание», «система мышления» и «интерпретация» и процедуру самого исследования, не обращаясь к химерическим абстракциям «объективной» и «субъективной» реальности.

Почему химерическим? Открываем даже не марксистский словарь, а современную Википедию, пытаюсь читать не автоматически (по шаблонам, забитым в подсознание с детства), а включив разум: **«Объективная реальность — мир, существующий независимо от субъекта и его сознания. Представление о мире, как о внешней (окружающей) реальности, не зависящей от позиции, понимания и восприятия субъекта».**

Как вы думаете, находясь в здравом уме, можно ли иметь «представление о мире», который с нами ничем не связан, так как не зависит ни от нашей позиции, ни от нашего понимания, ни от нашего восприятия, то есть нам предлагают представить нечто в принципе не воспринимаемое, но одновременно проверяемое на «объективность», адекватность — любым, обученным определенным приемам, дураком? Вот, подходящие к случаю, высказывания Диона Хризостома: «Коль скоро немислимое было однажды усвоено, то уже становится немислимо не верить этому» и «Люди морочат не только друг друга, но и самих себя».

По-детски наивная фантастическая идея такого «объективного» восприятия реальности родилась в среде европейских «естествоиспытателей», которые в упор не замечали самих себя, своих неучтенных взаимодействий с миром в целом и, прежде всего, **своего «программного» аппарата перемалывания воспринимаемого**, который, конечно же, невидим физическими органами чувств, а то, что нельзя пощупать и измерить, того для них нет!⁸ Мастера всех духовных традиций начинают путь пробуждения, отрезвления индивида с демонстрации его шаблонов мышления, их решающего

влияния — на **интерпретацию** всего воспринимаемого, а на ее основе — на организацию своего поведения, определяющего, в конечном счете, судьбу человека и человечества⁹.

Отсюда (из односторонней позиции, когда из целостности мира — «я» + «не-я» — выброшена первая часть «я», свойства которой и определяют, прежде всего, наблюдаемый и конструируемый ею образ Целого и дальнейшее развитие событий) и появляются расхожие поверхностные «доказательства» «объективности» реальности: бросайся с восьмого этажа и расшибешься насмерть — вот она неумолимая «объективная реальность»! Но в том-то и дело, что человек — не бульжник, который ученый Галилей бросал с Пизанской башни. Он может не только засекают время полета бульжника и выводить формулу ускорения свободного падения, но и задуматься о том, стоит ли ему куда-то бросаться, кто же он такой, откуда он взялся и мог ли появиться чудесным сказочным образом из сгустка первичной космической пыли, оставаясь, по сути, им же, пока не осознает своего происхождения от Вселенского Духа. И тогда он может даже рискнуть заняться исследованием не только механики, но и устройства своей души (психики), а то и Духа, творящего все формы мироздания. Поэтому человек, подобно Творцу, может соучаствовать в создании невероятного, как бы берущегося из ниоткуда, и его нельзя свести к только механически воспроизводящимся формам и сюжетам.

Таким образом, есть реальность человека, пробуждающего его от рабства у своих подсознательных шаблонов мышления; есть реальность ученого, который варит часы и смотрит на яйцо в руке, и т. д.; то есть, строго говоря, реальностей столько, сколько субъектов восприятия, но как же назвать ту общую единую реальность, в которой они все находятся, хотя каждый взаимодействует с ней по-своему (что, опять же не исключает групп индивидов с более или менее близкими способами восприятия и взаимодействия)? Термин «субъективная» не годится по той же причине — такая реальность еще более очевидная абстрактная химера, опровергаемая простой неожиданной оплеухой соседа, который почему-то не вписался в мою «субъективную» реальность. То есть, «объективной» и «субъективной» реальностей в настоящей **целостной, единой, живой реальности** не существует. Ее привычное деление на подобные части произвольно, мало

осознаваемо и не рефлексруется. В серии своих работ мы предложили называть всё происходящее **коммунальной реальностью (она же Божественная Космическая Игра)**, которая и состоит из своих поделчиков, многим из которых так хочется называть ее «объективной», — чтобы избежать ответственности за свои мысли (якобы не влияющие на нее) и дела (вытекающие из этих мыслей), или чтобы манипулировать другими, обосновывая свои интересы «объективной» необходимостью... Хотя, разумеется, следует признать, что подобная привычная поверхностная дифференциация реальности дает возможность как-то ориентироваться в ней, описывать ее и действовать, но результаты такого безответственного, «автоматического» манипулирования миром (из модели которого мы выбросили самих себя), в конце концов, и привели к настоящей катастрофической ситуации, когда уже пора вернуться к традиционным целостным картинам мира вместе со всеми его поделчиками и, прежде всего, с самими авторами описаний, которые не хотят отвечать за свои произведения¹⁰.

Таким образом, вслед за основными духовными традициями и выдающимися учеными¹¹ (кстати, не только современниками, еще Бэкон говорил, что малое знание уводит от Бога, а большое возвращает к Нему) предлагаем согласиться с наличием в мироздании Разумного Начала, Источника — вне времени и пространства, не имеющего никакой формы (известное как апофатическое понимание Бога) и поэтому порождающего их все, в том числе, и каждого из нас. Из простой же материи, полностью лишенной творческого разумного начала, не мог бы появиться столь изумительно сложно и согласованно организованный Космос и «венец творения» — мыслящий человек. Как заметил по этому поводу известный отечественный философ и знаток античности А. Ф. Лосев, при сложении даже бесконечного количества пустых карманов в течение бесконечного количества лет — в них не появится монетка. Но в это чудо, похлеще Христовых деяний (которые вполне объяснимы его обращением к Высшей силе), фанатично верят атеисты-материалисты. Но так и должно быть, ибо Вселенский разум разыгрывает партии Космической Игры с Самим Собой, но, разумеется, через свои же проявления-воплощения — индивидов, которые воображают себя независимыми самостоятельными сущностями и поклоняются миру форм,

«забыв» о своей сопричастности бесформенному Творцу, но именно эта «амнезия» и служит движущей пружиной их борьбы и всевозможных взаимодействий, порождающих Коммунальную Реальность — Божественную Космическую Игру. Начало очередного Сюжета Миропроявления можно ассоциировать с «утром» — пробуждением Браммы, или «Большим взрывом» — на языке односторонне материалистической науки. В образе же Божественной Космической Игры духовно-сознательная составляющая «зашнуровывается» взаимопереходами с физической составляющей — через каждого индивида, порождая тем самым развитие событий в мире; то есть каждый из нас, на основе воспринимаемых им сюжетов действительности через свой «программный комплекс» формирует сценарий поведения, который пытается реализовать, и равнодействующая таких попыток всех соучастников Космической игры формирует Сюжет миропроявления.

Стало быть, люди существенно различаются между собой не столько физически и физиологически, сколько психически, ментально — в диапазоне от — в основном запрограммированных, почти «биороботов» — до осознанных сотворцов, как самих себя, так и окружающей среды. Ярким примером своеобразия и очевидного приоритета — духовного, сознательного над физическим — являются известные чудотворцы: Святой благоверный князь Василий (Василько), Ростовский чудотворец, Святые благоверные князь Петр и княгиня Феврония, Муромские чудотворцы (XIII в.), Преподобные Сергей и Герман, Валаамские чудотворцы (XIV в.), Святитель Арсений, епископ Тверской, чудотворец, Преподобный Тихон, Калужский чудотворец (XV в.), Святитель Тихон Задонский, чудотворец (XVIII в.), Преподобный Серафим Саровский, чудотворец, Святой праведный Иоанн Кронштадтский (XIX в.)¹².

Таким образом, для биоробота мир — «объективен», подобен ему, то есть воспринимается как воспроизводящаяся по определенным законам-программам машина. Но эта картина «объективной» машинной реальности становится всё более проблематичной, когда «биоробот» начинает замечать свою долю участия в формировании происходящего, причем не только в повторяющихся квазициклических сюжетах, обеспечивающих относительное сохранение форм мироздания, но и в оригинальных, инновационных.

Тогда он начинает понимать, что мир не сводится к воспроизводству имеющихся форм, закономерностей природы и общественных договоренностей, хотя они **просто необходимы** для поддержания на некоторое время существования Вселенской Сцены, но не следует смешивать и отождествлять **необходимое повторяющееся с главным, сущностным — творческим духовным Началом мироздания**. Это, всё же, **разные** полюса, хотя и Единого Целого (по сути Двуетьного), за счет этой «разности потенциалов», проявляющейся полярно в разных индивидах (существах, силах) мироздания, и раскручивается очередная партия Космической Игры, в том числе история человечества.

Тогда становится ясно, что осознанно меняя структуру и систему программ интерпретации (более высокого уровня, чем физиологических), можно получать различные картины мира, например античного, христианского, ренессансного и т. д., что фактически и делают итальянские гуманисты, легко меняясь позициями в своих диалогах-спорах. Выразительным примером манипуляции огромными массами людей через интерпретацию «фактов» (в том числе и с помощью их выбора — предвзятого «вырезания» из целостного, взаимосвязанного потока событий, то есть преднамеренного создания «объекта», «явления», а затем перекомпоновки — монтажа из этих фрагментов нужных автору или заказчику сюжетов) являются современные средства массовой коммуникации, что взято ими из технологии создания кинофильмов. Кстати, совершенно так же, только не контролируя себя, поступает и ученый, и любой человек, ибо каждым из них управляет их подсознательный «программный комплекс», структурируя все восприятия под свои фундаментальные и сегодняшние предпочтения, интересы и цели. Но если создатели фильма, ангажированные журналисты и редакторы СМИ сознательно манипулируют своей аудиторией, то ученый простофиля, бескорыстный общественный деятель и рядовой гражданин искренне верят в свое якобы «объективное» восприятие и «независимую» позицию, находясь при этом во власти своей мало осознаваемой онтологии и тех, кто изучил ее.

Поэтому на предельно (и даже запредельно) высоком уровне понимания происходящего мы приходим к сюжетно-игровой картине мира, то есть начинаем относиться к миру не

только как к воспроизводящемуся **механизму**, а как к ежемгновенно становящемуся Вселенскому Действу, в развитии которого мы можем принимать всё более **осознанное участие**, соответствующее нашим способностям и возможностям, то есть с определенной долей **ответственности**, по крайней мере, за судьбу свою и своего ближайшего окружения. Очевидно, что сюжетно-игровой подход не отменяет науку и религию, а включает их в интегральную картину мира, в которой человек может управлять своими интерпретационными программами, не становясь их рабом, отождествляясь не с ними, а с самим, творящим всё, Началом, но, разумеется, беря тогда персональную ответственность за свои деяния, то есть не предъявляя никому претензий за всё, что с ним произойдет. Так и относятся к жизни в целом все святые и мудрецы. В различных духовных традициях такой человек назывался дважды рожденным, пробужденным, освобожденным, совершенным и т. п. Ведущие деятели Возрождения, по сути, приближались к такому типу «совершенного» человека, как они это сами называли.

Вернемся к философии истории. Мечта об «объективной» картине какого-то явления (как в гуманитарных, так и в естественных науках), действительно, опирается в возможность согласованной его интерпретации всеми учеными. Но откуда берется интерпретация того или иного «факта»? Возьмем пример у самого же Л. М. Баткина: «...каково ренессансное отношение к христианству? Ответ обычно зависит от того, какие факты более симпатичны исследователю и какой стороне дела он склонен придать решающее значение»¹³; или в той же работе говорится об исследователе Л. Ольшки, который в гуманизме Ренессанса видит лишь «экзотическую предысторию науки»; и, наконец, автор приходит к принципиальному заключению, что «**способ ренессансного мышления** неотделим от **онтологии**: от представлений о движении исторического времени, о космосе, о Боге, месте человека в мире» (выделено нами. — *О. Ш., Л. С.*)¹⁴.

Надеемся, что уже понятно (вспомним мысль Лотмана о модели мира Гоголя, не рефлексивной им), что «способ мышления» человека любой эпохи неотделим от его, во многом неосознаваемой, «онтологии»; поэтому мечта об «объективной» картине того или иного явления основана на глубоко укоренен-

ном в подсознании шаблоне отождествления коммунальной (но по-разному воспринимаемой и творимой своими подельниками) действительности с этой поверхностной, химерической абстракцией, когда закон всемирного тяготения или правила дорожного движения объявляются главным содержанием, смыслом Вселенской Драмы, а не воспринимаются как подсобные механизмы Вселенской Сцены.

Тем не менее, не всё так безнадежно индивидуально и релятивно в Сюжетно-игровом подходе, как может показаться на первый взгляд. На его основе можно построить типологию исследователей (см., например, наши работы¹⁵), включая эксклюзивную позицию пробужденного — со-сценариста и со-режиссера Космической Игры, по существу совпадающую с картиной мира ренессансного интеллигента, которая возникает в трудах Л. М. Баткина. В заключение предложим стратегию исследования, основанную на последовательно «зашнуровываемся» конструировании — **осознанной позиции ученого** и через ее **видимую призму** — **картины изучаемого им явления**, — что и решит проблему согласованного прояснения понятий «теоретическое понимание», «система мышления» и «интерпретация» на основе сюжетно-игрового подхода. Мы согласны с основными выводами Л. М. Баткина именно потому, что объект его исследования — эпоха Возрождения — вывела его на эксклюзивную диалогическую сценаристски-режиссерскую метапозицию, с которой наблюдаются все остальные частно-ролевые взгляды на историю происходящих событий.

Действительно, одна из существенных черт нашего сюжетно-игрового подхода — это его сквозная диалогичность, поскольку информационные потоки пронизывают Коммунальную Вселенную, связывая ее в единое целое. Л. М. Баткин в результате многолетних кропотливых исследований приходит к выводу, что та же черта является определяющей для эпохи Возрождения: «Уяснению того, что в Ренессансе наиболее “ренессансно”, типологически значимо, обеспечивает ему неповторимое место в истории, возможно, способствовало бы понятие **диалогического равновесия** как **системосозидающего принципа этой культуры**, отличающего ее от других форм перехода к новому времени

и тем более от тех культур Высокого средневековья, которые не в состоянии были стать и не стали переходными» (выделено нами. — *О. Ш., Л. С.*)¹⁶.

Далее, рассматривая трактат Поджо Браччолини «Об алчности», «Камальдульские беседы» Кристофоро Ландино и другие тексты того времени, автор заключает: «Все три точки зрения даны всерьез, персонифицированы и разведены. Объединяет их уже то, что они даны рядом, взаимоуважительно, в дружеском разговоре. Теза и антитеза выглядят как до конца последовательные и замкнутые, их примирение в синтезе — отчасти внешнее, ибо синтез — это еще одна, третья, точка зрения. Перед нами демонстрация “разнообразия складов ума” (*varietas ingeniorum*), и принятый в диалоге логический статус уравнивает, по существу, синтез с теми самодовлеющими мнениями, которые он синтезирует. Наиболее важным для литературного, жизненного и логического единства диалога оказывается общее культурное пространство, в котором разворачиваются и встречаются разные культуры и разные истины. <...> Истинный синтез — в самой возможности сопоставления, в способе мышления, а не в конечном выводе. В диалоге нет непрерывной логической линии доказательства, его единство возникает из дискретности. Вывод синтеза — как контрапунктический бас, первый среди равных голосов музыкальной полифонической ткани»¹⁷.

Так, разбирая сочинение Лоренцо Баллы «О наслаждении», автор открывает очевидные **игровые** аспекты серьезного мировоззренческого диалога: «Это игра, но серьезная игра, ничуть не исключая искренности высказывания и служения истине. Это серьезность, но игровая серьезность, без пены на губах, без угрюмости, жесткости, тяжеловесности, непререкаемости какого бы то ни было убеждения. Гуманисты спорят не на шутку, отстаивают выношенные убеждения, это их подлинные, а не “притворные” мнения, но они готовы к диалогу, готовы, если будут убеждены в обратном, отказаться от своих мнений и тем самым обнаруживают, что не срослись с ними и могут отделиться от себя самих. Поэтому их серьезность скрепляется не кровью, а смехом. Они оказываются способными поддразнивать друг друга, забавляться, услаждаться спором при всей громадной жизненной важности обсуждаемых проблем. Их радует не красное словцо,

не уловка, ими движет не спортивный интерес, а любовь к истине, но истине, переливающейся возможностями, непредвзятой, открытой, играющей с собой, *играющей внутри себя*. Это спор, сознательно задуманный и обставленный как **божественное игрище духа**» (выделено нами. — *О. Ш., Л. С.*)¹⁸.

Далее автор замечает, что гуманизм — одновременно и миф, и его преодоление, предположив, что «игровой» принцип в этой исторической ситуации сыграл роль повитухи, облегчая переход к новому способу мышления. Интересно отметить, что и сюжетно-игровой подход тоже сыграл роль повитухи в адаптации нашей страны с середины 80-х годов прошлого века к жестким условиям современного миропорядка через разработанную нашей саратовской командой ученых и управленцев технологию проблемно-деловых игр¹⁹. Надеемся, что и устраиваемые нами ныне диалоги мыслящей интеллигенции по фундаментальной философской проблеме «Что есть реальность?» с привлечением в качестве «заочных» собеседников мыслителей разных эпох — помогут в трансформации миропонимания, прежде всего ученых и управленцев, от односторонне материалистического к целостной духовно-психологической картине мира с включением в нее нас самих²⁰.

Этюд о ренессансной игре Л. М. Баткин завершает выводом о потере высокого мистериального смысла понятия игры в новое время: «Оба подхода к игре будут, однако, свидетельствовать об одном стиле мышления и сводиться — с романтически-возвышающей или прагматически-осуждающей окраской — к общему пониманию игры как “игры в бисер”, как того, что противостоит непосредственно жизненной серьезности. Тем самым новое и новейшее время оттенит своеобразие и переходность Ренессанса с его “*ludum serium*” — “серьезной игрой”, укорененной в стиле жизни гуманистов»²¹.

Мы надеемся, что читатель теперь готов услышать и принять обоснования нашего заключительного тезиса о том, что гуманист Ренессанса, по сути, близок к вневременному идеалу совершенного человека (пробужденного, освобожденного и т. п.) всех духовных традиций. Гуманист, по своей сути, подобен Творцу, разыгрывающему в своих многообразных воплощениях все роли. Вот некоторые штрихи к портрету гуманиста, рисуемому Л. М. Баткиным, сближающие его с идеалом человека

в духовных традициях: «В фанатизме, с которым гуманисты предавались своим занятиям, сохранилось нечто от религиозного обета, от усердных монашеских бдений, от их экстаичности, ритуальности и аскезы. “Время гуманистов” тоже пронизано жаждой высшей мудрости и избранничества»²².

В заключении третьей главы, посвященной диалогу как главной, сущностной характеристике ренессансной культуры, Л. М. Баткин подробно останавливается на осмыслении фрески Рафаэля «Афинская школа», усматривая в ней символ всей эпохи Возрождения. Символичны и одновременно естественны и непринужденны 57 персонажей (Пифагор, Гераклит, Сократ, Эпикур, Диоген...) грандиозного вневременного и вместе с тем исторического действия. В его центре два протагониста — Платон и Аристотель, запечатленные в едином параллельном движении, однако их вечный мировоззренческий конфликт отражен в противоположных жестах правых рук и твердых взглядах в упор друг на друга.

«Рука Платона указывает на небо, рука Аристотеля простерта над землей. Вертикаль отводит к постижению разума и божества, горизонталь же — к познанию мироустройства, вертикаль — к платоническому спиритуализму, горизонталь — к перипатетическому натурализму. Это, по-видимому, подтверждается также именами исторических или аллегорических персонажей, ибо на стороне Аристотеля мы видим знаменитых “физиков”, магов, натурфилософов, а на стороне Платона — наставников в добродетели и чистом любомудрии. Впрочем, Платон держит как раз космологическое сочинение “Тимей”, Аристотель же — “Этику”; схема немедленно оказывается нарушенной, теза и антитеза вмещают друг друга. Но так и должно быть. Разве ренессансная “физика, натуральная магия, герметизм не были тесно связаны с антропологической и этической проблематикой, и разве флорентийский неоплатонизм не интересовался астрологией, медициной, физическим макрокосмосом”? <...> Ибо это именно живописное воплощение ренессансного диалога! [Мы, зрители, словно бы находимся в недостающем сегменте и] ...можем вступить в доблестный круг философов, заняв предусмотрительно оставленное для нас место, и принять участие в беседе»²³.

Однако духовные традиции и сюжетно-игровой подход, да и сам диалоговый дух Ренессанса, могут предложить другое особое место рефлексирующему зрителю, готовому к пробуждению от гипноза материальных форм. Он может представить себя **между** Платоном и Аристотелем с другим — третьим жестом, указывающим **на себя**, поскольку истинное понимание всего невозможно без постоянного осознания неустранимого инструмента познания — самого себя, что связано с еще более древней максимой, находящейся на фронтоне Дельфийского храма: «Познай самого себя». Лишь этот путь самопознания и обуздания приведет к выявлению собственных стереотипов восприятия, мышления и поведения, а затем и к освобождению от их плена. Победившему себя наградой будет возможность по-настоящему прочувствовать иные точки зрения на мир и самоизмениться так, чтобы стать осознанным и ответственным сотворцом всего происходящего, максимально реализующим свой потенциал.

Нам осталось сформулировать — с позиции сюжетно-игрового подхода — свои предложения для историка, да в принципе, и для любого исследователя. Описание какого-либо явления должно строиться как некая **двуединая процессуальная, сюжетная целостность**, как спирально разворачивающаяся последовательность сюжетных фракталов, в которую **явно включены два взаимосвязанных предмета исследования: сам исследователь и рассматриваемое явление**, ибо, во многом неосознаваемые, установки ученого неизбежно участвуют в выделении им из Мирового Целого (Сюжета Миропроявления) объекта исследования, гипотез о его содержании и методов изучения. Традиционно же не рефлекслируемый результат такой деятельности объявляется «объективным». Например, если говорить о Ренессансе, то, как справедливо не раз замечает Л. М. Баткин, **установки исследователя определяют главное** в том, что он увидит, начиная от периодизации и кончая содержанием. Так, цитируемый им Л. Ольшки выносит «приговор» Возрождению: «Нельзя было заменить жизнь театральным представлением». Понятно, что с подобной материалистической позиции, где эпоха титанов культуры оценивалась лишь как «экзотическая предыстория науки», нельзя увидеть их духовный подвиг, когда они всю жизнь в целом

воспринимали как Вселенский Спектакль, который нужно было сыграть с начала и до конца с полной ответственностью и отдачей. Поскольку вне какой-то позиции — из ниоткуда — ничего увидеть и исследовать невозможно, то мы и предлагаем в процессе научного исследования **сознательно, рефлексивно и явно конструировать в «зашнуровывающемся» процессе — как свою позицию, так и сопряженно с ней, через нее — описание изучаемого явления**, без наивных претензий на единственно правильную, «объективную» точку зрения.

Таким образом, следует заключить, что автоматически «объективного» исторического исследования быть не может, ибо современный историк обязан одновременно с профессиональными изысканиями пытаться отвечать на традиционный двуединый философский вопрос «Что есть реальность и кто я в ней?», то есть заниматься также и саморефлексией, осознавать и вербализовать свой образ мира, свою идентификацию в нем, без чего результаты его труда не имеют осмысленного основания, убедительной и ясной аргументации.

В заключение мы не можем не выразить искреннюю благодарность и безграничную признательность Валерию Сергеевичу Меметову — профессору Ивановского университета, основавшему отечественную школу интеллигентоведения, третий десяток лет со всё большим успехом проводящему международные научные конференции на базе ИвГУ, создавшему НИИ интеллигентоведения и журнал «Интеллигенция и мир», — во-первых, за плодотворное предложение обратиться к трудам специалиста по эпохе Возрождения Л. М. Баткина; во-вторых, за саму идею этой работы, появившейся при подготовке нашего доклада «Между Платоном и Аристотелем» для Юбилейной XXV межгосударственной научно-теоретической конференции по интеллигентоведению (в 2014 году), имеющей в качестве своего символического образа центральный фрагмент знаменитой картины Рафаэля «Афинская школа»; и, в-третьих, за саму возможность участвовать в деятельности школы интеллигентоведения с 2004 года, которая, как мы уверены, вносит значительный вклад в развитие отечественной и мировой культуры.

Примечания

- ¹ *Гачев Г. Д.* Национальный космо — психо — логос // Вопросы философии. 1994. № 2. С. 59—78 ; *Мотрошилова Н. В.* Понятие и концепция жизненного мира в поздней философии Эдмунда Гуссерля // Вопросы философии. 2007. № 7, 9 ; *Руднев В.* Морфология реальности. М., 1996 ; Что есть реальность? Беседы о реальности : саратовская интеллигенция в «INTELLECT GAME SESSION» / рук. проекта, сост. и ред. *О. В. Шимельфениг, Л. Я. Солодовниченко.* Саратов, 2009.
- ² *Баткин Л. М.* Итальянское Возрождение : проблемы и люди. М., 1995. С. 21.
- ³ Там же. С. 23.
- ⁴ Там же. С. 25.
- ⁵ *Лотман Ю. М.* Литературоведение должно быть наукой // Лотман Ю. М. Статьи по типологии культуры : материалы к курсу теории литературы. Тарту, 1970. Вып. 1. С. 112.
- ⁶ Интервью с лауреатами Нобелевской премии, взятые во время Всемирного конгресса «Синтез науки и религии». Бомбей, 1993. С. 71—73.
- ⁷ См.: *Гроф С.* Космическая игра. М., 2001 ; *Радхакришнан С.* Индийская философия : в 2 т. М., 1956—1957 ; *Шимельфениг О. В.* Живая Вселенная : сюжетно-игровая картина мира, XXI век: «САМОЗАВЕТ» или «САМОАПОКАЛИПСИС». Саратов, 2005.
- ⁸ *Гачев Г. Д.* Книга удивлений, или естествознание глазами гуманитария, или образы в науке. М., 1991 ; *Гете.* Избранные философские произведения. М., 1964 ; *Лосев А. Ф.* Из ранних произведений. М., 1990 ; *Уилбер К.* Интегральная психология. М., 2004.
- ⁹ Суфизм — глобальная картина мира : философские и практические аспекты / рук. проекта, сост. и ред. *Л. Я. Солодовниченко, О. В. Шимельфениг.* Саратов, 2013.
- ¹⁰ Что есть реальность? ; *Шимельфениг О. В., Солодовниченко Л. Я.* «Самозавет» или «Самоапокалипсис» как следствие выбора в альтернативе: «духовное — материальное» // Интеллигенция и мир. 2007. № 4. С. 82—101 ; *Шимельфениг О. В., Солодовниченко Л. Я.* Роль мировоззренческих парадигм интеллигенции в ситуации глобального кризиса // Интеллигенция и мир. 2012. № 2. С. 62—78.
- ¹¹ *Ортега-и-Гассет Х.* Что такое философия? М., 1991 ; *Радхакришнан С.* Указ. соч. ; *Хазрат Инайят Хан.* Учение суфиев. М., 1998.

- ¹² Чудотворцы Православной Церкви : собр. житий святых. Б. м. : Изд-во Борисова, 2007.
- ¹³ *Баткин Л. М.* Указ. соч. С. 194.
- ¹⁴ Там же. С. 189.
- ¹⁵ *Шимельфениг О. В., Солодовниченко Л. Я.* Различные принципы типологизации верующих // Вестник Самарского института бизнеса и управления. 2012. Вып. 7, ч. 3. С. 129—134.
- ¹⁶ *Баткин Л. М.* Указ. соч. С. 26.
- ¹⁷ Там же. С. 167—168.
- ¹⁸ Там же. С. 179.
- ¹⁹ *Шимельфениг О. В.* К истории создания технологии проблемно-деловой игры в Саратове // Города региона : культурно-символическое наследие как гуманитарный ресурс будущего : материалы междунар. науч.-практ. конф. Саратов, 2003. С. 136—138.
- ²⁰ *Шимельфениг О. В., Солодовниченко Л. Я.* «Беседы о реальности» в восьми актах : интеллигенция Саратова в «Intellect game session» // Интеллигенция и мир. 2009. № 3. С. 50—74 ; Что есть реальность?
- ²¹ *Баткин Л. М.* Указ. соч. С. 126.
- ²² Там же. С. 113—114.
- ²³ Там же. С. 198—200.

ББК 85.374.3(4Гем)6-3

Г. С. Рагозин

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИСТОРИИ ПРУССИИ В КИНЕМАТОГРАФЕ ГДР, 1971—1990 гг.

Использование мифов и образов прошлого вместе с их репрезентацией в массовой культуре является одной из современных тем исследований, связанных с культурой в СССР и родственных ему режимах «социалистического лагеря». Однако формирование, культивирование и эволюция образов прошлого наличествуют в любой культуре и при любом политическом режиме, работая в идеологическом контексте на поддержание и развитие ключевых государственных и национальных мифов, являясь методами их репрезентации и воздействия на общественное мнение. Помимо этого, воспроизведение образов прошлого в искусстве — одно из практических проявлений использования исторического наследия и проведения исторической политики. В тоталитарных режимах обращение к историческому наследию часто становится инструментом не только идеологии и пропаганды, но и придания новых элементов национальной и региональной идентичности.

Не меньшую роль при этом играет государственный заказ на произведения искусства, выдаваемый авторам, на представление образа того или иного деятеля. Часто являющийся политически мотивированным в тоталитарном режиме, изначальный

© Рагозин Г. С., 2017

Рагозин Герман Сергеевич — аспирант кафедры всеобщей истории высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова, ragozin92@gmail.com

замысел находит свое отражение в окончательной реализации какого-либо проекта. Особенно это касается кинематографа в качестве одного из основных видов искусства в массовой культуре XX века. В государствах соцлагеря кинематограф, как и другие виды искусства, находился под контролем органов партийного и государственного аппарата, и часто задания на тиражирование тех или иных образов режиссеры и сценаристы получали директивно. Изначальный замысел мог подвергаться корректировке, исходя из заданных партийными руководителями установок. С другой стороны, некоторые представители государственной власти оказывали консультативную поддержку проектам, в основном это относилось к консультантам от Национальной Народной Армии.

Всё это в полной мере относилось к Германской Демократической Республике, где средства кинематографа включились в систему государственной идеологии, пропаганды и исторической политики, установленную СЕПГ. В условиях раскола Германии трансформация немецкой идентичности продолжилась в двух вариантах — либеральном в ФРГ и советизированном в ГДР. В последней изменения начались еще в оккупационный период и сопровождались выдвиганием СЕПГ на лидирующие позиции в обществе и государстве, а также установлением партийно-государственного контроля над искусством¹. Причем в начальный период существования ГДР вопрос о «национальной» составляющей немецкой идентичности не ставился даже юридически, ее новая версия предполагала социально-групповую солидарность², что сопровождалось отрицанием «прусского наследия», выраженным, в том числе, и в демонтаже ряда монументов и ансамблей в Берлине и Потсдаме.

Пруссия как германское государство была формально ликвидирована законом Союзного Контрольного Совета в 1947 году³, и отношение к ней в последующий период задавалось тем тоном, какой изначально озвучили советские оккупационные власти в подконтрольной им зоне Германии. Кроме контроля со стороны держав-победительниц, и прежде всего СССР, немалую роль в проведении антипрусской политики в ГДР играл личностный аспект: значительное число высшего руководства СЕПГ в тот момент были выходцами из Саксонии, и Пруссию они воспринимали

в целом негативно еще до 1947 года. Эти политические установки привели к тому, что были демонтированы такие памятники — символы прусской культуры, идеологии и государственности, как Городские Замки в Берлине и Потсдаме, Гарнизонная церковь, памятники Фридриху II и прусскому генералитету. Ситуацию усугубляло то, что один из идеологических центров Прусского королевства — Кенигсберг был отчужден от Германии, что тоже сказалось на возможностях поддержания прусской составляющей в немецкой культуре и национальной идентичности того времени. На связанную с Пруссией тематику в ГДР в массовой культуре фактически был наложен запрет, который продержался вплоть до 1970-х годов, в том числе в кинематографе.

Изменение этого положения началось с перестановками в высшем руководстве ГДР на рубеже 1960—70-х годов. Отставка Вальтера Ульбрихта с высших государственных постов привела к тому, что поддерживать антипруссский дискурс стало затруднительно, особенно в свете налаживания отношений с ФРГ и ухода наиболее бескомпромиссных оппонентов прусского наследия из политики. Приход к власти Эриха Хонеккера побудил в СЕПГ обращение к нарративу прусской истории для легитимации «социалистической немецкой нации» с целью определенного дистанцирования от СССР, с одной стороны, и выстраивания новой альтернативы ФРГ, с другой. С этого времени начинается инкорпорация «прусского наследия» в государственную идеологию ГДР, в том числе посредством заказа на продукцию кинематографа с соответствующей тематикой. Обращение к истории Пруссии в данном случае означало тиражирование тех образов, которые вписывались в идеологию и политическую реальность и были частью немецкой национальной идентичности до 1945 года. Хотя на первых порах СЕПГ и делала главный акцент на участниках сопротивления нацистскому режиму в Германии в качестве поворота к «антифашистско-демократическим преобразованиям»⁴, с этого момента внимание стало смещаться в сторону образов деятелей XVIII—XIX веков. Это проявилось в трудах ученых, например Ингрид Миттенцвай, обращавшихся к проблематике истории Пруссии. Ее исторические концепции касательно фредерицианской эпохи нашли применение в государственной идеологии ГДР в 1980-е годы.

Новое понимание прусской истории в ГДР задала концепция двух мыслителей — Альфреда Козинга и Вальтера Шмидта, в основе которой лежали два термина — «Erbe» и «Tradition», причем первый воспринимался скорее в негативной окраске, второй — в целом позитивно и заложил основу для переосмысления истории Пруссии с целью интеграции ее нарратива и мифов в культурную и идеологическую реальность ГДР⁵. Стали говорить в первую очередь о прусской государственной и военной традиции, прежде всего, в Национальной Народной Армии ГДР, которая и стала одним из главных заказчиков и консультантов представителей культурной интеллигенции, работавшей над кинопроектами.

Оказала свое влияние и частичная либерализация кинематографа после прихода к власти Эриха Хонеккера: новый генеральный секретарь ЦК СЕПГ провозгласил свободу творчества в рамках социализма возможной. С другой стороны, руководство Республики весьма критично воспринимало пожелания деятелей кинематографа в части выхода за пределы соцреализма, называя их «попытками стоять одной ногой в капитализме, а второй — в социализме», то есть — заведомо обреченными на неудачу⁶. Особенно остро ситуация обстояла в 1980-е годы, по мере нарастания экономического кризиса в странах соцлагеря, который не обошел и ГДР. Положение осложнял и конфликт поколений в режиссерской среде: начали свою деятельность те авторы, чье политическое сознание было выстроено исключительно в период существования ГДР и изначально находилось в русле политики СЕПГ в области культуры.

Проблема образа Пруссии и отношения к прусскому наследию сохраняла свою остроту весь период существования ГДР. Политика СЕПГ в данном аспекте отдавала приоритет марксистско-ленинской идеологии и антифашизму, что сказывалось на задействованных сюжетах. Вторыми после участников антигитлеровского сопротивления здесь шли представители Реформации, национально-освободительных и революционных движений. Крайне редко в последнюю категорию включались реформаторы периода 1807—1814 годов, участники войны за освобождение Германии от господства Наполеона и сподвижники российско-прусского союза. Лишь в 1970-е годы произошел поворот к образам деятелей прусской истории, снова подвергшимся

мифологизации в ГДР, — акценты расставлялись на более позитивных, с точки зрения марксистской идеологии, результатах политики политических и общественных деятелей, с сохранением критики отдельных элементов прусской государственной системы и политики монархов.

Представление целого ряда образов деятелей истории Пруссии сопровождалось бурной дискуссией в среде кинематографистов, историков, Национальной Народной Армии и партийно-государственного аппарата на региональном и общегосударственном уровнях. Проблема была не только в подборе актерского состава для кинокартин, но и в детальной проработке персоналий: реконструкции характера, стратегий взаимодействия с другими людьми и проведения собственных проектов в жизнь, особенностей мышления, поведения и речи. По сути, перед авторами проектов стояла задача по комплексному выстраиванию образов прусских военных и государственных деятелей, а также Пруссии в целом с учетом заказа на «социалистический патриотизм» со стороны СЕПГ. Это сразу предполагало заданность образов, их проработку в определенном ключе, что нашло свое отражение в конечных продуктах киноиндустрии ГДР.

Формат представленных кинокартин был различным — это и фильмы массового проката, например «Lützower», и многосерийные фильмы для телевидения — «Scharnhorst», «Sachsens Glanz und Preußens Gloria». Последний был экранизацией ряда художественных произведений, посвященных событиям истории XVIII века. Одной из ключевых съемочных площадок стала киностудия DEFA в Бабельсберге, хотя немало эпизодов выбранных картин снималось в других местах, в том числе за пределами ГДР, в странах социалистического лагеря. Подготовка всех лент, как уже отмечено ранее, проходила в активном взаимодействии режиссеров и сценаристов с представителями исторической науки, Национальной Народной Армии, партийно-государственного аппарата. Режиссеры и сценаристы, получая заказ на ту или иную тематику, вступали в продолжительный диалог со всеми заинтересованными организациями, и конечный результат представлялся после детальной переработки материала.

Первым знаковым фильмом с использованием образов истории Пруссии стал «Lützower» Вернера Вальрота, вышедший

на экраны в 1972 году. Он явился поворотной точкой в политике репрезентации прошлого в ГДР. Кинолента была посвящена событиям войны за освобождение Германии в 1813 году. Первое обращение к тематике немецкого национального движения и участия Пруссии в борьбе с Наполеоном привлекло к себе внимание Национальной Народной Армии: ее представители сотрудничали с режиссером и сценаристом, а также консультировали в части вопросов подготовки боевых сцен. В качестве основы сюжета был взят миф о Фрайкоре майора Адольфа фон Лютцова, развернувшего партизанскую войну против французских войск в Германии в 1813 году. И хотя большая часть событий фильма происходила вне Пруссии, основное внимание отдавалось прусским военным и их сторонникам, их стратегиям действия и мышления. В конечной версии они были представлены не столько как борцы с Наполеоном, а как представители немецкого национального движения, обращавшиеся, в том числе, к работам идеологов того времени, например Эрнста Морица Арндта. Этим тиражировался миф о Пруссии как одном из ключевых участников освобождения Германии в 1813—1814 годах при содействии русских войск, а также основной площадки для дискуссии о создании немецкого национального государства.

Значение данного фильма заключается в том, что началась инкорпорация мифов о военном сопротивлении Наполеону в государственную идеологию ГДР и семантическую составляющую Национальной Народной Армии, при поддержке которой готовилась лента. Фильм ускорил восприятие военных реформаторов и участников войны 1813 года со стороны Пруссии в качестве элемента воинской традиции, т. е. национально-консервативный нарратив мифов о войне 1813—1814 годов возвращался в национальную идентичность⁷. Вместе с учреждением орденов Шарнхорста и Блюхера началась трансляция прусского дискурса в государственной идеологии посредством кинематографа. Это шло вразрез с формальным осуждением «прусского реакционного милитаризма», хотя последний часто отождествлялся с королевской властью, не представленной напрямую в фильме. При подготовке кинолент к выходу в прокат режиссеры и сценаристы подвергались значительному риску критики со стороны партийных органов власти в связи с игнорированием одного из главных тезисов

политики СЕПГ, бывшего в обиходе практически с создания республики. С другой стороны, обращение к результатам деятельности Эрнста Морица Арндта было не менее спорным в свете того, что такие представители национального движения часто противопоставляли немцев и славянские народы, а также немцев и евреев, что ставило под угрозу антифашистскую составляющую государственной идеологии в ГДР и, в той же степени, отношения республики с другими странами соцлагеря.

Вторым проектом стал телесериал «Scharnhorst» режиссера Вольфа-Дитера Пансе, посвященный событиям Наполеоновских войн и реформ в Пруссии 1807—1814 годов и вышедший в свет в 1978 году. Заказ на данную работу был представлен режиссеру и автору сценария в свете политики дальнейшего встраивания прусского дискурса в идеологический оборот СЕПГ. Дискуссия о методах выполнения этой задачи была достаточно острой: коллективу авторов предстояло работать не только с образами деятелей национального движения, но и генералитета, высшего руководства Пруссии и монархии Гогенцоллернов, что было достаточно сложным заданием в условиях господствующей идеологии. Вопрос о том, в каком свете представить короля Фридриха Вильгельма III, генералов Герхарда Шарнхорста, Августа фон Гнейзенау, Германа фон Бойена, канцлеров и авторов проектов реформ Генриха Карла фон Штейна и Карла Августа фон Гарденберга, стоял крайне остро: одно только их включение в государственную идеологию шло вразрез с официальными оценками марксистской исторической науки и линии СЕПГ.

Проработка образов этих деятелей представляла особую сложность: тезис о реакционности «прусского абсолютизма» еще не вышел из употребления, хотя и приобретал гораздо более мягкие формы в исторической науке. Поэтому детализация образа короля Фридриха Вильгельма III и его супруги Луизы вызвала особые затруднения, особенно в свете того, что последняя была заметным элементом прусской, а затем и общегерманской мифологии вплоть до 1918 года, а фигура и действия первого вызывали противоречия еще во время событий 1806—1814 годов, вплоть до дискуссии в среде реформаторов об отрешении монарха от престола. С реинтеграцией военных и гражданских реформаторов начала XIX века в государственное и национальное мифотворчество

внимание со стороны ЦК СЕПГ к проекту было повышенным, что подтвердило возвращение памятников ряду деятелей на их исторические места в Восточном Берлине.

Работа над сериалом под пилотным названием «Generalangriff» началась в 1972 году, однако в дальнейшем Вольф-Дитер Пансе принял решение озаглавить его в честь одного из ключевых реформаторов — генерала Герхарда фон Шарнхорста, одного из авторов военной реформы в Пруссии, подвергшегося активной мифологизации в ГДР в этот период. Помимо возвращения памятника Шарнхорсту на его историческое место, был учрежден орден его имени для генералитета ННА ГДР и армий Варшавского договора. Сюжет сериала строился по классическому формату драмы, что особенно видно в начальных эпизодах, когда предложения Шарнхорста не находили понимания у прусского генералитета, и в завершающих, где действия генералов и реформаторов преподносились как самопожертвование. Такое прочтение нарратива о реформах и реформаторах 1807—1814 годов было задано в рамках предварительной подготовки сценария проекта. Остальные эпизоды выстроены на основе мифа о жестком противодействии короля и высшего дворянства реформаторам и их проектам, последующем подъеме с 1813 года национально-освободительного движения в Германии, а также содействию распространению его идей со стороны прусских реформаторов, хотя гражданские чиновники Штейн и Гарденберг здесь были скорее ролями второго плана⁸.

В сравнении с предыдущей кинокартиной прослеживается изначальная массовость проекта по заказу СЕПГ и ННА, привлечение «Прусского мифа» как репрезентации этики службы государству и обществу. В дополнение к ним были отражены прусские «*Secundärtugenden*» как одна из основных черт государства. Образ реформаторов, как гражданских, так и военных, выстраивался на основе контрастов с их предшественниками и «несвободой» большинства населения королевства до преобразований. В фильме получили освещение идеи «народной армии» и обращения государства к жизни нации, это является маркером того, что в ГДР реформаторов 1807—1814 годов выставили в качестве «предшественников» республики и силы, представляющей общественный прогресс⁹. То же можно сказать и о самом королевстве

Пруссия. Данный телесериал, играя на контрасте с ФРГ, стал подтверждением приоритета прусского наследия в политике СЕПГ по воздействию на немецкую национальную идентичность в условиях раскола Германии. В реализации проекта принял участие полковник ННА ГДР, военный историк Ханс-Юрген Усчек, выступивший консультантом по военно-историческим вопросам — деятельности комиссии Шарнхорста в 1806—1813 годах и проведению военной реформы. Главным отличием сериала от «Lützower» и политики по отношению к прусскому наследию в целом стало допущение в государственное мифотворчество образов государственных деятелей, проектов и практики реформ. В таком формате сериал вышел на телеэкраны ГДР.

Говоря о прусской тематике в кинематографе ГДР на данном этапе, следует отметить то, что тезис о реакционности «прусского милитаризма»¹⁰ не находил себе применения в рамках данного государственного заказа, сохранялась лишь определенная критичность в адрес персон монархов, например Фридриха Вильгельма III. Это ставило под вопрос всю историческую политику СЕПГ. Главных героев — участников и современников Наполеоновских войн в обеих лентах представили в образе предшественников национального движения — участников революции 1848—1849 годов и сторонников демократизации страны. С другой стороны, оба проекта стали опытом манипуляции общественным мнением и задания его в нужное СЕПГ русло. В репликах персонажей часто фигурировала лексика и конструкции марксистского характера: например, «национальная» или «народная армия», «разрушить старые формы, чтобы создать новые», упоминание революции как средства преобразований, что подчеркивало заказной характер продуктов и жесткий партийный контроль над режиссерами и сценаристами. Сценарий сериала, игра и реплики актерского состава были достаточно строго регламентированы, особенно это касалось Хорнста Дирнды, игравшего главную роль — генерала Герхарда Шарнхорста. Это прослеживается по их содержанию в общем контексте, а также наличию отпечатков марксистской идеологии в репликах.

В сериале подчеркивалось российско-прусское «братство по оружию», подвергались критике королевская власть и противники реформ за препятствование прогрессу. Помимо этого,

задавалась преемственность ГДР от «старой Пруссии», в том числе и реформаторов начала XIX века. 1970-е годы стали возвращением «прусского» в немецкую национальную идентичность в ГДР, что вызывало недовольство в Саксонии. Там считали репрезентацию исключительно прусской истории в государственной идеологии игнорированием своей культуры. Однако в целом заказ СЕПГ на массовое тиражирование образов ключевых фигур прусской истории был выполнен и успешно представлен, доказательством чему послужило использование сериала при преподавании истории Германии в школе.

Контрастом с уже упомянутыми лентами стал телесериал «*Sachsens Glanz und Preußens Gloria*», вышедший частями в 1983 и 1987 годах под руководством режиссера Ханса-Йоахима Каспжика. По своему формату это была смесь жанров телесериала, исторического кино и экранизации художественных произведений. Первые две серии проекта под заголовком «*Gräfin Cosel*» главный акцент ставили на Саксонии, Пруссия появляется лишь во второй серии и не является определяющим контекстом местом действия. При этом изначально задавался характерный для марксистской историографии образ авторитарного и милитаризованного абсолютистского государства, что продемонстрировала сцена конфликта короля Фридриха Вильгельма I и кронпринца Карла-Фридриха (будущего короля Фридриха II). Однако телесериал не был сосредоточен исключительно на военной теме, особенно если говорить о первых четырех эпизодах. Он обращался к повседневности королевских дворов Саксонии и Пруссии, придворной борьбе за власть, дипломатии и внешней политике, взаимоотношениям двух государств как предшественников ГДР. Однако главной целью сериала в 1982 году было заявлено художественное представление образов «прогрессивных» Пруссии и Саксонии в ключе их «противодействия внешнему давлению», под которым подразумевались, в первую очередь, Австрия, Франция и, в меньшей степени, Россия¹¹. В свете идеи «социализма национальных цветов ГДР» это означало балансирование между национальной немецкой идентичностью и марксистской идеологией при частичном обособлении от остального соцлагеря и СССР.

Главными историческими фигурами сериала стали курфюрст Саксонии и король Польши Август II, король Пруссии

Фридрих II и персоналии их окружения. Сериал преследовал, помимо прочего, задачу примирения конфликтующих традиций Саксонии и Пруссии в ГДР, а также популяризацию их истории средствами визуальных образов, поэтому места съемки подбирались настолько аутентично, насколько это было возможно в свете того, что часть монументов и памятников была или уничтожена, или находилась в стадии реставрации. Однако марксистская идеология и здесь оставила свой отпечаток — это использование концепций «абсолютизма» и «классовой борьбы» относительно устройства Пруссии и Саксонии в рамках того времени. Последняя часть сериала — «Aus dem Siebenjährigen Krieg», в которой хоть и преобладает сюжетная линия войны, по сути реабилитировала прусскую тематику в идеологии и пропаганде ГДР окончательно: в фильме фигура Фридриха II является одной из основных. Хотя в противовес нацистскому кинематографу, например фильму «Der große König» Файта Харлана, образ короля на поле боя представлен в кадре гораздо меньше, уделялось внимание другим его увлечениям, в частности музыке. Этими эпизодами Фридрих II и образы его эпохи были окончательно инкорпорированы в систему государственной идеологии, как ее задавала СЕПГ, в качестве образа авторитарного, но нацеленного на службу своему государству правителя, по сути, отказавшись от более раннего мифа о нем, фигурировавшего в историографии. Это шло вразрез даже с компромиссными по отношению к королю оценками в историографии ГДР¹². С другой стороны, было уделено внимание и второму крупному региону республики — Саксонии, что отвечало поставленной задаче представления обеих исторических областей как равных в культурном и политическом контекстах.

Выполнение заданий художественной интеллигенцией ГДР в рамках работы над кинолентами на темы истории Пруссии было одним из приоритетных направлений политики СЕПГ, касающихся исторического наследия. Представители разных отраслей искусств и гуманитарных наук сталкивались с рядом сложностей при работе над образами прусской истории во время подготовки фильмов: это и идеологическая заданность лент, которая отражалась на сценариях и их воплощениях, и в целом трудность проработки образов реформаторов, военных и государственных деятелей,

а также интеграция их в контекст той картины истории Пруссии, которая использовалась в государственной идеологии ГДР. Фактически, в ней отводилось место королевству как предшественнику республики и символу борьбы за национальное самоопределение в условиях постоянного внешнего давления, что прослеживается по представленным в фильмах трактовкам.

Работа интеллектуальной и творческой элиты ГДР, в части демонстрации образов истории Пруссии в кинематографе, проходила в общем контексте трансформации политики СЕПГ в отношении исторического наследия и возврата «прусского наследия» в немецкую национальную идентичность. В условиях раскола Германии были задействованы мифы и сюжеты, ранее отвергаемые по причине попытки строительства идентичности на основе социально-групповой солидарности с марксистским подтекстом. С другой стороны, марксистская идеология отражалась и в представленных кинолентах, тем самым включая их в систему пропаганды ГДР. Сюжеты на тему истории Пруссии часто использовались в противовес ФРГ и, в меньшей степени, СССР в период нахождения у власти Э. Хонеккера. Против ФРГ «прусское» использовалось как одна из основ национальной идентичности и в качестве символики борьбы за прогресс и мир против внешнего давления, а в противовес СССР как метод сохранения немецкой национальной идентичности в соцлагере. Помимо этого, все кинофильмы на тему истории Пруссии преследовали задачу формирования «социалистического патриотизма», что проявлялось в использовании тех или иных фраз, терминов и речевых приемов артистами — участниками проектов.

Роль кинорежиссеров и сценаристов, работавших над данными проектами, следует расценивать в контексте поставленной перед ними задачи по инкорпорации истории Пруссии в государственную идеологию и историческую политику со стороны ЦК СЕПГ. Упомянутые в данной статье фильмы, несмотря на свои недостатки, смогли выполнить поставленную задачу, даже с учетом технического отставания кинематографа ГДР от ФРГ, в силу детальной проработки задействованных образов, чему немало способствовали консультанты из числа историков и военных. Однако в итоге, несмотря на ряд достигнутых успехов и признание большинства из этих лент даже в ФРГ, свою цель

по соединению исторического наследия и марксистской идеологии эти киноленты не достигли по причине значительного крена на военную и имперскую составляющие Пруссии и несоответствия задаваемым марксистскими историками концепциям. Это привело к провалу формирования новой немецкой идентичности в ГДР и усилению кризиса режима СЕПГ в идеологическом аспекте.

Примечания

- ¹ Резолюция ЦК СЕПГ о борьбе против формализма в искусстве и литературе, за прогрессивную немецкую культуру // История Германии : учеб. пособие : в 3 т. М., 2008. Т. 3. С. 503—504.
- ² Verfassung der Deutschen Demokratischen Republik. 1949. Vom. 7. URL: <http://www.verfassungen.de/de/ddr/ddr49-i.htm> (дата обращения: 17.01.2016).
- ³ Gesetz Nr. 46. Auflösung des Staates Preußen. 1947. Vom. 25. Februar. URL: <http://deposit.d-nb.de/cgi-bin/rqframe.pl?ansicht=3&zeitung=jouroffi&jahrgang=1947&ausgabe=058&seite=07000582> (дата обращения: 08.03.2016).
- ⁴ *Münkler H.* Die Deutschen und ihre Mythen. Berlin, 2009. S. 421—429.
- ⁵ *Orlow D.* The GDR's failed search for a national identity, 1945—1989 // German Studies Review. 2006. Vol. 29, № 3. P. 537—558.
- ⁶ *McGee L. G.* Revolution in the Studio? The DEFA's fourth generation of film directors and their reform efforts in the last decade of GDR // Film History. 2003. Vol. 15, № 4. P. 445.
- ⁷ *Wiechmann G.* Das Preußenbild in der DDR-Medien: DEFA-Spielfilm «Lützower» // Der Wandel des Preußenbildes in den DDR-Medien. Bonn, 1997. S. 51—52.
- ⁸ *Mayers P.* Die DDR-Fernsehproduktion «Scharnhorst» // Der Wandel des Preußenbildes in den DDR-Medien. S. 78.
- ⁹ Ibid.
- ¹⁰ *Orlow D.* Op. cit. P. 537—558.
- ¹¹ *Spinder S.* Preußen in den DDR-Medien, dargestellt am Beispiel von «Sachsens Glanz und Preußens Gloria» // Der Wandel des Preußenbildes in den DDR-Medien. S. 11.
- ¹² *Orlow D.* Op. cit. P. 537—558.

Г. А. Гамкрелидзе

**ПОСТСОВЕТСКАЯ ГРУЗИЯ И ЕЕ ВНЕШНЯЯ
ПОЛИТИКА В ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ
МИХАИЛА СААКАШВИЛИ:
РАЗМЫШЛЕНИЯ ГРУЗИНСКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ**

Понять национальные проекты и видение национальных интересов политическими элитами в России и Грузии чрезвычайно важно для осмысления движущих сил различных политических действий, в том числе в сфере российско-грузинских отношений¹.

Формирование внешнеполитического курса Грузии в годы правления Михаила Саакашвили (2004—2013 гг.) напрямую связано с теми внутривнутриполитическими процессами, которые начали развиваться в период президентства его предшественника Эдуарда Шеварднадзе. При Шеварднадзе происходило постепенное снижение российского влияния в Грузии и прямо пропорциональное укрепление позиций США. Шел процесс «вестернизации» политической элиты бывшей советской республики Закавказья.

Вестернизация грузинской интеллектуальной и политической элиты постепенно достигает точки невозврата. Начатый еще при Эдуарде Шеварднадзе прозападный вектор грузинской внешней политики сформировал целое поколение грузинского истеблишмента, которое не мыслит никаких других путей развития страны иначе, чем через поспешное вступление в НАТО, гипотетическую интеграцию в структуры Евросоюза, а также жесткую антироссийскую риторику².

Весьма интересным кажется мнение турецких экспертов, говорящих о том, что «в 2004 году ЕС и НАТО пришли на постсоветское пространство. Российское руководство восприняло прием прибалтийских стран в НАТО как угрозу российским государственным

© Гамкрелидзе Г. А., 2017

Гамкрелидзе Георгий Александрович — аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Ивановского государственного университета. g.gamkr@yandex.ru

интересам. Российское руководство было также обеспокоено западной помощью в смене режима в Грузии. США и их европейские союзники проявляли повышенную заинтересованность в территориях, непосредственно окружающих Россию. А НАТО, как основная западная структура в сфере безопасности, прямо воплощала собой для России угрозу ее национальной безопасности»³.

Стоит отметить, что сам Саакашвили неоднократно давал оценку внешней политике своего предшественника, фактически разделяя ту ее часть, которая была нацелена на развитие дальнейшего активного сотрудничества с США вплоть до вступления в военно-политический блок НАТО. Еще до своего избрания на пост президента Грузии Михаил Саакашвили рассматривался как прозападный настроенный политик, который, став главой государства, продолжит курс сближения с Западом и дистанцирования от России.

Однако, приняв президентские полномочия, М. Саакашвили провозгласил налаживание отношений с Россией как одну из главных целей внешнеполитического курса, подчеркнув «необходимость поддержания тесных партнерских связей в сфере экономики». И действительно, руководство Грузии во главе с Саакашвили, пришедшее к власти после «революции роз» (ноябрь 2003 г.), предпринимало попытки урегулировать отношения с Россией, в первую очередь за счет изменения политики, проводившейся в отношении Чечни, а также создания совместных с РФ «антитеррористических центров»⁴.

Некоторый прогресс в отношениях между Россией и Грузией ознаменовала собой и первая личная встреча В. Путина и М. Саакашвили, которая состоялась в Москве 11 февраля 2004 года. Но дальнейшие события показали, что эти тенденции, к сожалению, не нашли своего должного развития. Первым камнем преткновения послужили события в Аджарии и свержение А. Абашидзе. В 2004 году стало очевидным, что дальнейшее развитие политической ситуации в Грузии зависело главным образом от внешних факторов. Становилось ясно, что у команды Михаила Саакашвили не хватит сил, чтобы в одиночку решить поставленные задачи⁵.

Грузинские интеллектуалы обратили внимание на эти трудности и проблемы внешней политики своей страны и попытались сформулировать предложения для обсуждения.

Прежде всего, стоит обратить внимание на позицию такого видного политического деятеля Грузии того времени, какой стала после возвращения на Родину из европейской диаспоры Саломе Зурабишвили. В 2006 г., являясь лидером оппозиционной партии «Путь Грузии», она как бывший министр иностранных дел сразу же высказалась против того курса, который начал проводить президент Саакашвили после ее отставки.

«Невозможно понять, каким курсом идет Грузия — к России, США, к Востоку или к Западу», — заявила на пресс-конференции в Тбилиси в апреле 2006 года Зурабишвили, которая вместе с главой МИД РФ подписала 30 мая 2005 года в Москве соглашение о выводе российских военных баз с грузинской территории. Позднее, весной 2010 г., она уже прямо охарактеризовала политику Саакашвили по отношению к России как провокационную⁶.

Если попытаться оценить суждения грузинской политической элиты о национальных интересах своей страны, то наиболее показательной представляется точка зрения видного грузинского эксперта, сопредседателя Института политических исследований Георгия Тархана-Моурави. Он выделяет некоторые из них, которые распадаются на ряд кластеров: а) национальные интересы в том виде, в котором они пропагандируются среди населения и в определенной степени апеллируют к распространенным в обществе (а частично созданным посредством этой самой пропаганды) представлениям. Согласно этим представлениям, государственное строительство и территориальная целостность — высшие приоритеты; б) Грузия — успешная демократия; в) все беды Грузии от России, Грузия — европейская страна и будущее Грузии — в Европе; г) интеграция в НАТО — единственная гарантия защиты от России, США — главная надежда, православие — основа грузинской идентичности, у Грузии замечательные экономические перспективы и достижения⁷.

Как отмечали Т. Пхеладзе и Н. Силаев, позиции Грузии в системе европейской безопасности значительно трансформировались за 20 лет независимости. Из «государства-потребителя» Грузия, шаг за шагом, превратилась в страну, вносящую собственный вклад в общую систему безопасности. Участие грузинских военных в миротворческих операциях в Косово, Ираке и Афганистане, с учетом их восходящей роли и количества, является

ярким тому примером. Вместе с этим, в результате реализации таких проектов, как Баку-Тбилиси — Джейхан, Баку-Тбилиси — Эрзерум, NABUCCO, TRACECA, WHITE STREAM и других, Грузия становится важнейшей транспортной артерией и существенной составляющей энергетической безопасности Европы. В 2010 году Грузии было предложено подать официальную заявку для присоединения к Энергетическому сообществу ЕС⁸, поэтому вектор европейской и евро-атлантической интеграции является ключевым и определяющим для грузинской внешней политики. Несмотря на существующие проблемы территориальной целостности, западная ориентация государства остается безальтернативной⁹.

Для Соединенных Штатов Южный Кавказ жизненно важен и из-за его роли транспортного коридора для поставки энергетических ресурсов Каспия на международные рынки, и из-за географической близости к Ближнему Востоку и Центральной Азии. После того как в 1993 году Россия провозгласила доктрину «ближнего зарубежья», постоянный представитель США в ООН Мадлен Олбрайт, посетившая Баку в сентябре 1994 года, заявила там, что Южный Кавказ лежит в сфере интересов США и что «США не могут согласиться с тем, что России на Кавказе должна принадлежать какая-то особенная роль»¹⁰.

Основная причина активности американской политики в данном регионе продиктована именно экономическими интересами. Как заявил президент США Джордж Буш-младший 17 мая 2001 года, «разнообразить источники поставки энергоресурсов нужно не только для обеспечения энергетической безопасности, но и из соображений национальной безопасности. Слишком сильная зависимость от какого-то одного источника энергоресурсов, особенно иностранного, делает нас уязвимыми для ценовых шоков, внезапных перебоев с поставками, а в особо неприятных случаях — и для шантажа»¹¹.

Как известно, начало отношениям между Грузией и НАТО было положено еще в 1992 году со вступлением Грузии в Совет североатлантического сотрудничества. После «революции роз» был сделан более серьезный упор на осуществление реформ в Грузии, в частности за счет Индивидуального плана партнерства с НАТО, впервые составленного Грузией и НАТО в 2004 году. В сентябре 2006 года Грузия обрела возможность начать интенсифицированный диалог о намерениях стать членом НАТО¹².

В целом, как утверждали Т. Пхеладзе и Н. Силаев, говоря о национальных интересах и целях национальной безопасности Грузии, можно выделить следующие основные составляющие: 1) обеспечение суверенитета и территориальной целостности страны; 2) устойчивое экономическое развитие и энергетическая безопасность; 3) развитие демократии, гражданского общества, обеспечение верховенства закона и защиты прав человека; 4) европейская и евро-атлантическая интеграция, региональная стабильность и сотрудничество; 5) обеспечение геополитических функций Евразийского транзитного коридора и культурно-экономического центра Кавказа¹³. По их оценке, М. Саакашвили и его советники исходили из того, что вторжением в Абхазию и Южную Осетию Россия преследует исключительно свои стратегические задачи. Прежде всего, это касается приостановления процесса евро-атлантической интеграции Грузии, а также близости к Евразийскому транзитному коридору и транспортному узлу, соединяющему Западную и Восточную Грузию¹⁴.

Несколько иначе интерпретирует эти же проблемы М. Мацаберидзе. Согласно его точке зрения, пришедшее к власти после «революции роз» правительство М. Саакашвили взяло курс на быструю интеграцию с Западом и открыто поддержало «бархатные революции» в других странах СНГ. Естественно, это вызвало раздражение России, хотя правительство М. Саакашвили пыталось урегулировать отношения с Москвой, предлагая ей начать их «с чистого листа», открывая дверь российскому капиталу: это рассматривалось как своеобразная «компенсация», которая сделала бы интеграцию Грузии в евро-атлантические структуры более приемлемой для РФ¹⁵. В двусторонних отношениях того периода были «оттепели» и осложнения, экономические санкции Москвы против Тбилиси и обострения ситуации в конфликтных регионах. Власти республики громко заявляли о «ползучей агрессии» России и попытках аннексии территорий Грузии.

Однако после событий 2008 года, по мнению М. Мацаберидзе, двусторонние отношения вновь оказались на критической грани — Россия признала независимость существующих в Грузии сепаратистских режимов, тем самым окончательно прояснив, что «миротворческие усилия» России были лишь прикрытием политики аннексии¹⁶.

В этой связи стоит отметить, что у грузинских интеллектуалов есть общие позиции в понимании статуса Абхазии и Южной Осетии: с их точки зрения, Россия занимает враждебную позицию по отношению к грузинским интересам, так как поддерживает национальные движения в этих регионах, а после 2008 года признала независимость территорий. Более того, на взгляд грузинских интеллектуалов, такую политику Россия вела с начала 90-х, а потом проводила ее еще более последовательно. Желание абхазов и осетин создать свою государственность не признается законным абсолютным большинством грузинских экспертов.

Впрочем, можно отметить и более мягкую позицию в этом вопросе. Ее выражает в своих работах и выступлениях глава Института Евразии Гулбаат Рцхиладзе. По его мнению, конфронтация с Москвой для Тбилиси абсолютно невыгодна, в первую очередь в экономическом плане, из-за высокой задолженности, которая составляет 1 миллиард 750 миллионов долларов, что очень сильно ограничивает суверенитет страны. Рцхиладзе также утверждает, что в сознании части грузинского общества, особенно приближенной к правящим кругам, финансирование республики официальными или неофициальными западными структурами рассматривается как абсолютно нормальный фактор (ведь в отношении Запада «функционирует стереотип “друга”»). Когда же финансирование осуществляется Россией, то это вызывает, по меньшей мере, настороженность и осуждение, если не обвинение в «измене Родине». Подводя итог своим размышлениям, Гулбаат Рцхиладзе полагает, что крайне настороженное (вплоть до отрицательного) восприятие РФ в сознании политического истеблишмента Грузии, с одной стороны, и теснейшие связи руководства страны с США вкпе с их преимущественно положительным образом «друга», сложившемся в обществе — с другой, определяют существенную ограниченность суверенитета Грузии в пользу Запада (особенно США)¹⁷.

Можно привести еще одну схожую точку зрения другого, уже не грузинского эксперта — профессора Университета Сан-Франциско Андрея Цыганкова, которая была высказана еще до вооруженного конфликта в Закавказье в августе 2008 года: «Корни конфликта — в распаде СССР и советского государства и связанного с этим укреплением политических амбиций этнократических

элит в бывших советских республиках. Сегодня в немалой степени в силу этих факторов бывшие республики функционируют как слабые неэффективные государства, выживая на образе внешнего врага, западной помощи и за счет открытости российской экономики, в которой, главным образом, нелегально занята значительная часть трудоспособного населения новых государств»¹⁸.

В этом отношении очень показательны высказывания бывшего министра иностранных дел Грузии Ираклия Менагаришвили, который считает, что в основе противостояния двух государств лежат не субъективные факторы, а несбалансированность и разобщенность грузинских и российских векторов развития. Поэтому грузино-российские взаимоотношения не могут быть упорядочены, пока не сложится окончательная конфигурация Кавказского региона. «Россия должна принять реальность, что евро-атлантический выбор Грузии окончателен и неизменен. Со своей стороны, Грузия должна убедить Кремль, что в случае вступления Грузии в НАТО российские интересы не будут ущемлены ни в какой степени»¹⁹.

Но не стоит забывать еще о таком важном факторе, оказывающем существенное влияние на жизнь всего грузинского общества, каким является деятельность Грузинской Православной Церкви. Здесь хочется особо подчеркнуть роль личности патриарха Илии II, служащего не только духовным пастырем, но и той примирительной фигурой, которая очень часто сдерживает различные враждующие политические силы как в самой Грузии, так и за ее пределами. В частности, стоит отметить тот факт, что диалог между российской и грузинской Церквями не прекращался даже в период самого тяжелого кризиса, а 23 января 2013 года состоялась встреча Владимира Путина с католикосом — патриархом Илией II. Католикос-патриарх всея Грузии Илия II передал президенту России Владимиру Путину привет от вступившего тогда в должность премьер-министра Грузии Бидзины Иванишвили. Илия II полагает, что «все проблемы, которые существуют между Россией и Грузией, будут устранены». Со своей стороны президент РФ поздравил католикоса-патриарха всея Грузии с недавним днем рождения, 35-летием служения и наградой Фонда единства православных народов. «Особые слова благодарности хочу сказать за то, что Вы в сложных условиях сегодняшнего

дня — непростых межгосударственных отношений России и Грузии делаете всё возможное для поддержания гуманитарных, духовных, культурных контактов между нашими братскими народами», — подчеркнул Путин²⁰.

На наш взгляд, многие ключевые положения анализа грузинскими интеллектуалами внешнеполитических интересов Грузии связаны с тем, что Грузия после распада Советского Союза переживала болезненную политическую и экономическую трансформацию, которая усугубилась наличием внутривнутриполитических конфликтов и вмешательством таких внешних игроков, как США и Россия, а в дальнейшем и ЕС. Неадекватная оценка внешней среды и доступных для реализации внешнеполитических целей ресурсов нередко ставила дипломатию Саакашвили в тупик. По сути, Грузия не имела различимых стратегических целей за исключением европейской и евро-атлантической интеграции. Однако само культурно-историческое развитие Грузии, как и ее экономическая и политическая составляющие, тесно связаны с процессами, происходящими в России. Вот почему желание грузинской политической элиты отстраниться от них могут привести к катастрофическим последствиям для самой Грузии. Как подчеркивают исследователи, прошедшие после распада СССР два десятилетия не дают оснований для утверждений об успехе опытов становления демократических режимов на постсоветском пространстве. Напротив, всё более сильными становятся тенденции к консолидации авторитарных политических систем. В частности, опыт Грузии дает основания констатировать, что после «революции роз» 2003 года президент Михаил Саакашвили не столько укреплял демократические институты государства, сколько авторитарными методами наращивал свою власть²¹.

Размышляя о российско-грузинских отношениях, можно с уверенностью утверждать, что, несмотря на все те процессы, которые имели место в период правления М. Саакашвили, главные религиозные и культурные основы двух стран неизменны. Как отмечал Самюэль Хантингтон в своей знаменитой книге «Столкновение цивилизаций», в этом новом мире наиболее масштабные столкновения произойдут не между социальными классами, бедными и богатыми, а между народами различной культурной идентичности. Грузия, как и Россия, входит в единую православную

цивилизацию. Таким образом, у обеих стран присутствуют основные культурные и религиозные точки соприкосновения для стабилизации даже конфликтных и военных ситуаций, что непосредственно сыграет позитивную роль на положении во всем регионе. Рассматривая внешнеполитический курс Грузии во время правления Михаила Саакашвили, и российско-грузинские отношения в частности, можно с уверенностью отметить, что данный период явно неоднороден и может быть разделен на две составляющие, одну из которых можно условно отметить как начальный этап политики Саакашвили (докризисный период) и второй — как завершающий, по сути оказавшийся провальным.

Можно высказать предположение, что предложения грузинских интеллектуалов, их критика внешней и особенно внутренней политики Михаила Саакашвили серьезно повлияла на формирование внешнеполитического курса коалиции «Грузинская мечта», а позднее отразилась и на внешней политике страны в годы правления представителей этого политического блока. Поэтому внешняя политика Грузии стала более сбалансированной и осторожной, чем в эпоху Саакашвили.

Примечания

- ¹ *Тархан-Моурави Г.* Перспективы урегулирования российско-грузинских отношений // Россия и Грузия: в поисках выхода : документы общественной политики, разработанные российскими и грузинскими экспертами. Б. м., 2011. С. 89.
- ² *Мурванидзе Б.* Грузинские интеллектуалы эпохи Эдуарда Шеварднадзе // Интеллигенция и мир. 2009. № 2. С. 132.
- ³ *Демираг Й., Тангер Б.* Грузинский кризис 2008 года и пределы возможностей управления европейской безопасностью // Центральная Азия и Кавказ. 2011. № 2. С. 40.
- ⁴ *Бахтуридзе З.* Направление внешнеполитического курса Грузии при президенте Саакашвили // Современные исследования социальных проблем. 2011. № 3. С. 3—4.
- ⁵ Там же. С. 4.
- ⁶ Зурабишвили не понимает, куда идет Грузия. URL: http://www.apn-nn.ru/event_s/24669.html (дата обращения: 15.06.2016).
- ⁷ *Тархан-Моурави Г.* Указ. соч. С. 91.

- ⁸ *Пхеладзе Т., Силаев Н.* Российско-грузинские отношения в контексте европейской безопасности // *Россия и Грузия в поисках выхода.* 2011. С. 12.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ См.: *Демираг Й., Тангер Б.* Указ. соч. С. 49.
- ¹¹ См.: *Klare M. T.* Global petro-politics : the foreign policy implications of the Bush administration's energy plan // *Current History.* 2002. March. P. 102.
- ¹² *Демираг Й., Тангер Б.* Указ. соч. С. 52.
- ¹³ *Пхеладзе Т., Силаев Н.* Указ. соч. С. 13.
- ¹⁴ Там же. С. 14.
- ¹⁵ *Мацаберидзе М.* Россия и Грузия в постсоветский период: метаморфозы отношений // *Центральная Азия и Кавказ.* 2008. № 5. С. 174.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ *Рцхиладзе Г.* Государственный суверенитет в политическом мышлении и практике Грузии // *Центральная Азия и Кавказ.* 2005. № 3. С. 116.
- ¹⁸ Американские эксперты о кризисе в отношениях Грузии и России. URL: http://me-journal.ru/364/36258/?sphrase_id=3263 (дата обращения: 17.06.2016).
- ¹⁹ *Мацаберидзе М.* Грузия — Россия: поиск цивилизованной модели отношений // *Центральная Азия и Кавказ.* 2007. № 5. С. 83.
- ²⁰ Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/17362> (дата обращения: 18.08.2016).
- ²¹ *Усманов С., Буданова И.* Неясные контуры будущего: перспективы нового цезаризма на постсоветском пространстве // *Вестник Ивановского государственного университета.* Сер.: Естественные, общественные науки. 2012. Вып. 1. С. 128—129.

Кураев А. Н. О специфике и особенностях подходов к интеллигентоведению

Ключевые понятия: интеллигентоведение, наука, интеллигенция.

Рассматриваются особенности науки «Интеллигентоведение»: ее происхождение и развитие, интеграционный характер и связь с другими дисциплинами, структура, объект и цели, многообразие и противоречивость методов исследования, законы и закономерности, значение интеллигентоведения.

Суслов А. Ю. Интеллигенция и революция: опыт осмысления событий 1917 года эсеровской эмиграцией

Ключевые понятия: партия социалистов-революционеров, эмиграция, интеллигенция, революция, демократия, социализм, народничество.

Исследуется осмысление событий российской революции 1917 г. в кругах эсеровской эмиграции. Особое внимание обращается на материалы конференции пражской группы партии социалистов-революционеров, состоявшейся в 1931 г. Анализируется восприятие эмигрантами роли партии эсеров, интеллигенции, рабочего класса, крестьянства, отдельных личностей, программные и тактические вопросы. Представлен анализ событий 1917 г. в работах лидера партии В. М. Чернова. Рассматривается статья социалиста-революционера М. В. Вишняка, исследующего общие проблемы и характерные черты истории неонародничества в России, причины его поражения. Делается вывод о том, что главной причиной своего поражения эсеры в эмиграции считали слабость тех общественных сил (в том числе интеллигенции), на которые мог опереться в России демократический социализм.

Аршавская Е. А., Юркин Н. Г. Восприятие Второй мировой войны российской интеллигенцией и западными интеллектуалами (К постановке проблемы)

Ключевые понятия: Великая Отечественная война, Вторая мировая война, российская интеллигенция, белоэмигранты, советская интеллигенция, западные интеллектуалы.

Статья посвящена всегда актуальной для отечественной историографии проблеме — особенностям восприятия Второй мировой войны отечественными интеллигентами и иностранными интеллектуалами. Авторы показывают, что если для большинства европейцев эта война была лишь, пусть печальным, но эпизодом в развитии государства, то русские интеллигенты воспринимали ее как судьбоносные события, которые поставили вопрос о самом существовании русской нации. При этом подчеркивается, что такое понимание ситуации было свойственно не только советским гражданам, но и русским белоэмигрантам, которые, как рассчитывал Гитлер, должны были быть заинтересованы в падении советского режима. Вскрываются причины такого восприятия Великой Отечественной войны.

Кирюхина Е. М. Роль периодических изданий в интеллектуально-нравственном воспитании женщин поздней Викторианской эпохи

Ключевые понятия: поздняя Викторианская эпоха, женская интеллигенция, журналы Викторианской эпохи.

Рассматриваются разнообразные периодические издания поздней Викторианской эпохи в качестве источников, отображающих процессы изменения традиционных моделей гендерных ролей в обществе. Эти издания, способствовавшие интеллектуальному, высокому морально-нравственному воспитанию, постепенному обретению всё большей внутренней и внешней публичной свободы, в конечном счете, помогли становлению новой женской интеллигенции Англии.

Шевчук И. И. Обеспечение деятельности научной интеллигенции Беларуси в первой половине 1920-х годов: создание Комиссии по улучшению быта ученых

Ключевые понятия: интеллигенция, ученые, наука, обеспечение, комиссия, быт, материальное положение, профсоюз.

На основании многочисленных материалов, главным образом архивных, не введенных в научный оборот, реконструируется процесс создания и организационного развития в Беларуси чрезвычайной специальной организации — Белорусской комиссии по улучшению быта ученых в условиях послевоенной и послереволюционной разрухи. Рассматриваются несколько попыток ее организации, анализируются их причины, среди которых политические, социально-экономические и собственно научные. Делаются выводы об объективно позитивных результатах деятельности Комиссии в республике, несмотря на венаучную мотивацию анализируемых процессов.

Петровичева Е. М., Харитонов С. С. «Служитель истины и народа»: штрихи к портрету интеллигента-народника И. Н. Харламова

Ключевые понятия: И. Н. Харламов, народник, интеллигенция, духовенство, мировоззрение.

Анализируются взгляды писателя, публициста И. Н. Харламова (1854—1887) как типичного представителя народнической интеллигенции, выходца из духовного сословия. Рассмотрены основные этапы его жизни. Сделана попытка определить роль семьи, социального происхождения и интеллигентской среды в формировании народнического мировоззрения и основных принципов литературно-публицистического творчества. Раскрытию облика интеллигента-народника способствуют отзывы его современников, приведенные в публикации.

Шмельфениг О. В., Солодовниченко Л. Я. Вечный вызов интеллигенту на фоне Ренессанса. Философия истории

Ключевые понятия: интеллигент, Ренессанс, интерпретация, реальность, диалог, историческое исследование, Космическая Игра, программы мышления, онтология.

Показывается, как историк, ставя задачу цельной, осмысленной регистрации прошлого, приходит к необходимости теоретического понимания системы мышления изучаемого времени. Способ мышления, в свою очередь, неизбежно опирается на определенную онтологию — философскую картину мира, но разобраться с ней можно только имея собственную осознанную позицию, ответив на вечный вопрос «Что есть реальность и кто я в ней?».

Рагозин Г. С. Репрезентация истории Пруссии в кинематографе ГДР, 1971—1990 гг.

Ключевые понятия: ГДР, немецкая национальная идентичность в ГДР, историческая политика СЕПГ, кинематограф ГДР, образы Пруссии в кинематографе ГДР.

Исследуется проблематика репрезентации прошлого в тоталитарном режиме на примере ГДР 1971—1990 гг. Режим СЕПГ, воздействуя на немецкую национальную идентичность в условиях раскола Германии, обращался к историческому наследию с целью легитимации своего существования. До 1971 г. наблюдалось отторжение прусского наследия из числа актуальных для руководства республики составляющих государственного и национального мифотворчества. С перестановками

в руководстве ГДР и появлением идеи «социалистической немецкой нации» произошло возвращение «прусского наследия» в немецкую национальную идентичность в ГДР, которое проводилось, в том числе, и производством кинопродукции, с основным акцентом на персоналиях и событиях истории королевства Пруссия.

Гамкредидзе Г. А. Постсоветская Грузия и ее внешняя политика в годы правления Михаила Саакашвили: размышления грузинских интеллектуалов

Ключевые понятия: постсоветская Грузия, внешняя политика, российско-грузинские отношения, дискуссии грузинских интеллектуалов.

На примере российско-грузинских отношений рассматривается внешнеполитический курс Грузии в эпоху правления Михаила Саакашвили. Дается поэтапный анализ происходящих событий от становления режима и до его завершения, а также приводятся различные мнения грузинских и российских экспертов по оценке данных событий.

ANNOTATIONS

Kuraev A. N. About specifics and peculiarities of approaches to intelligentsia studies

Key notions: intelligentsia studies, science, intelligentsia

The article attempts to reveal the specific features of intelligentsia studies: its origin and development, integrative character and connection with other disciplines, structure, object and purposes, variety and inconsistency of research methods, laws and regularities, importance of intelligentsia studies.

Suslov A. Y. Intelligentsia and revolution: a reflection and evaluation of 1917 events by the socialist-revolutionary emigration

Key notions: party of revolutionary socialists, emigration, intelligentsia, revolution, democracy, socialism, populism.

The article researches the evaluation of the Russian revolution of 1917 events in circles of the socialist-revolutionary emigration. Special attention is paid to the materials of the conference of the Prague group of the party of revolutionary socialists which took place in 1931. Analyzed is the perception by emigrants of the role of the party of the revolutionary socialists, intelligentsia, working class, the peasantry, individuals, program and tactical questions. Provided is the analysis of events of 1917 in works of the party leader V. M. Chernov. Considered is the article of the revolutionary socialist M. V. Vishnyak researching common problems and characteristic features of history of neo-populism in Russia, the reasons of its defeat. The conclusion is drawn that the revolutionary socialists in emigration considered the weakness of those public forces on which democratic socialism could rely in Russia (including intelligentsia) the main reason of their defeat.

Arshavskaya E. A., Yurkin N. G. Perception of World War II by the Russian intelligentsia and the western intellectuals (to the statement of a problem)

Key notions: Great Patriotic War, World War II, Russian intelligentsia, White Russians, Soviet intelligentsia, western intellectuals.

The article is devoted to the problem that is always urgent for the domestic historiography — to features of perception of World War II by domestic intelligentsia members and foreign intellectuals. The authors show that whereas for most Europeans that war was just another sad episode in the development of their respective states, the Russian intelligentsia members perceived it as something fatal raising questions of Russia's existence.

At the same time it is emphasized that such understanding of the situation was peculiar not only to the Soviet citizens, but also characteristic of the White Russians who, as Hitler supposed, should be interested in the fall of the Soviet regime. Shown are the reasons of such perception of the Great Patriotic War.

Kiryukhina E. M. The role of periodicals in intellectual and moral education of women of the late Victorian era

Key notions: late Victorian era, female intelligentsia, journals of the Victorian era.

The article considers various periodicals of the late Victorian era as the sources displaying processes of change of traditional models of gender roles in society. These editions promoting intellectual, high moral education, gradual finding of more internal and external public freedom, eventually, contributed to the new female intelligentsia formation in England.

Shevchuk I. I. Ensuring activities of the scientific intelligentsia of Belarus in the first half of the 1920-s: creation of the Commission on improvement of the life of scientists

Key notions: intelligentsia, scientists, science, providing, commission, life, financial situation, labor union.

Based on numerous – mainly archival – materials, which have not been the focus of research, the process of creation and organizational development in Belarus of the special organization — the Belarusian commission on improvement of life of scientists in the conditions of post-war and post revolutionary ruin is reconstructed. Shown are several attempts of its organization, analyzed are their reasons among which there are political, social, economic and actually scientific ones. Drawn are the conclusions about objectively positive results of activities of the Commission in the republic, despite extra scientific motivation of the analyzed processes.

Petrovicheva E. M., Kharitonov S. S. «Attendant of truth and people»: traits to a portrait of the intelligentsia member and populist I. N. Kharlamov

Key notions: I. N. Kharlamov, populist, intelligentsia, clergy, outlook.

The article analyzes the views of the writer and publicist I. N. Kharlamov (1854—1887) as a typical representative of the populist intelligentsia, native of the clergy. Considered are the main stages of his life. Made is the attempt to define a role of the family, the social origin and the intelligentsia environment in formation of the populist outlook and the basic principles of literary and publicist creativity. Disclosure of shape of the intelligentsia member and populist is promoted by the responses of his contemporaries given in the publication.

Shimelfenig O. V., Solodovnichenko L. Y. An eternal challenge to the intelligentsia member against the background of the Renaissance. Philosophy of history

Key notions: intelligentsia member, Renaissance, interpretation, reality, dialogue, historical research, Space Game, programs of thinking, ontology.

The article shows how the historian, setting a task of integral, intelligent registration of the past, comes to the need of theoretical understanding of the system of thinking of the studied time. The way of thinking, in turn, inevitably relies on a certain ontology — a philosophical picture of the world, but it is possible to deal with it only having one's own conscious position, having answered the eternal question «What is a reality and who am I in it?».

Ragozin G. S. Representation of Prussia's history in GDR cinematograph in 1971—1990

Key notions: GDR, the German national identity in GDR, historical policy of Socialist United Party of Germany, cinematograph of GDR, images of Prussia in cinematograph of GDR.

The article researches the perspective of representation of the past in totalitarian regime on the example of GDR in 1971—1990. The regime of the Socialist United Party of Germany, influencing the German national identity in the conditions of split of Germany, addressed historical heritage for the purpose of legitimating its existence. Until 1971 GDR authorities rejected Prussian heritage and didn't consider it a component of the state and national mythology. Changes in the top echelons of GDR and emergence of «the socialist German nation» idea meant a return of a «Prussian heritage» component to the German national identity in GDR. This process was carried out through a number of channels including cinema production, with the main emphasis on people and events of history of the kingdom of Prussia.

Gamkrelidze G. A. Post-Soviet Georgia and its foreign policy during the rule of Mikhail Saakashvili: reflections of the Georgian intellectuals

Key notions: Post-Soviet Georgia, foreign policy, Russian-Georgian relations, discussions of the Georgian intellectuals.

On the example of the Russian-Georgian relations the foreign policy of Georgia during an era of government of Mikhail Saakashvili is considered. Given is the stage-by-stage analysis of the events taking place: from the formation of the regime and up to its end; shown are various opinions of the Georgian and Russian experts in assessment of these events.

Информация для авторов

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству ведущих специалистов и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. С 2010 года наш журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по историческим, философским и политическим наукам. Материалы журнала размещены в Научной электронной библиотеке (e-library.ru) и Восточно-европейской электронной библиотеке (www.ceeol.com)

Мы будем рады видеть на страницах журнала «Интеллигенция и мир» Ваши публикации по следующим **актуальным проблемам** современной науки:

- **Актуальные проблемы современного интеллигентоведения;**
- **Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции;**
- **Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран;**
- **Интеллигенция и общество в современных условиях;**
- **Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории;**
- **Международные отношения и личность;**
- **Роль религии в развитии мировой культуры;**
- **Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла;**
- **Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни;**
- **Из архивных фондов: публикация исторических источников.**

Требования к оформлению статей

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать фамилию, имя, отчество автора, полный почтовый адрес, телефон, ученую степень, звание, должность и место работы, контактную информацию (e-mail или телефон). Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материалы, представляемые к публикации в журнале, должны пройти научную экспертизу и сопровождаться положительной рецензией.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

9. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР
Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук

2017 № 1

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редактор *М. Б. Балябина*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Н. Г. Юркина, Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 23.03.2017 г.
Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 8,6. Уч.-изд. л. 7,0. Тираж 100 экз.
Заказ № 56. Цена свободная

Адрес редакции (издателя): 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Факс: (4932) 32-66-00 E-mail: vs_memetov@mail.ru

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41 E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

